

Артур Осборн

Рамана Махарши и путь самопознания

(перевод на русский язык: А. Кайда, 2021г.)

Предварительное замечание

При написании этой книги я пытался не использовать иностранные слова больше необходимого. Однако каждый язык содержит слова, которые не имеют прямого эквивалента в других языках, и каждая наука – как духовная, так и физическая – имеет технические термины, едва ли поддающиеся переводу. Поэтому всё же необходимо было использовать определённое количество санскритских и иных слов. Они объясняются в тексте, но чтобы их было легче найти и было примерно понятно, как они произносятся, добавлен глоссарий. Поскольку он предназначен, чтобы помочь широкому читателю понять книгу, я даю не просто словарные определения, но, скорее, смысл, в котором употребляется слово, и роль, которую оно играет в учении.

Артур Осборн

1 Ранние годы

Арудра Даршан – день «Видения Шивы» – соблюдается шиваитами с огромной преданностью, так как напоминает им о том, как Шива появился перед своими преданными в виде *Натараджи*, то есть в космическом танце творения и разрушения вселенной. В этот день в 1879 году ещё не рассвело, когда почитатели Шивы из маленького городка Тиручули, что находится на земле тамиллов в южной Индии, покинули свои дома и отправились босиком по пыльным дорогам к храмовому водоёму, ибо традиция требует, что они должны искупаться на заре. Красные отблески рассвета падали на коричневые торсы мужчин, одетых только в *дхоти*, белую хлопковую ткань, обёрнутую вокруг тела от талии вниз, и вспыхивали в тёмно-красных и золотистых тканях женских *сары*, пока они спускались по каменным ступеням большого квадратного водоёма и погружались в воду. Было весьма прохладно, так как празднество выпало на декабрь, но это был отважный народ. Только некоторые из них переоделись под деревьями или в домах рядом с водоёмом, большинство же ожидали восхода солнца, чтобы обсохнуть, и направились как есть, во всём мокром, в древний храм городка, воспетый давным-давно Сундарамурти Свами, одним из шестидесяти трёх шиваитских поэтов-святых тамильской земли.

Изображение Шивы в храме украсили гирляндами цветов и весь день и вечер носили в процессии, с барабанами, гудением раковин и распеванием священных песен. Был уже час ночи, когда процессии завершились, но *Арудра Даршан* ещё продолжался,

потому что индуистский день длится от рассвета до рассвета, а не от полуночи до полуночи. Образ Шивы внесли обратно в храм ровно в тот момент, когда в доме Сундарамы Айяра и его жены Алагаммы вошёл в мир младенец Венкатараман, в ком Шива проявился как Шри Рамана. Индуистские празднества зависят от фазы луны, подобно христианской Пасхе, и в том году Арудра Даршан выпал на 29 декабря, поэтому ребёнок родился чуть позже по времени суток и дате, чем божественное дитя Вифлеема почти две тысячи лет до этого. Тем же совпадением отмечен и конец его земной жизни, так как Шри Рамана покинул своё тело вечером 14 апреля, немного позднее по времени и дате, чем полдень Страстной пятницы. Оба времени глубоко символичны. Полночь и зимнее солнцестояние – это время, когда солнце начинает возвращать свет миру, а на весеннее равноденствие день равен ночи и начинает превышать её.

Начав помощником бухгалтера на жалование, смехотворно малое даже в те дни – две рупии в месяц, Сундарам Айяр зарекомендовал себя как хороший составитель прошений и через несколько лет получил разрешение практиковать адвокатом без диплома, что-то вроде сельского юриста. Его дела шли хорошо, и он построил тот дом¹, в котором и родился Венкатараман, – он сделал его достаточно просторным и оставил одну половину для гостей. Он сделал так не только потому, что был общительным и гостеприимным, но и поскольку возложил на себя обязанность принимать официальных лиц и приезжих в город – что сделало его значимым лицом в обществе и, без сомнения, благоприятно отразилось на профессиональной деятельности.

Как бы ни был он успешен, странный рок преследовал его семью. Говорят, что однажды у порога дома одного из его предков остановился попросить подаяние странствующий аскет, и когда ему отказали, он провозгласил, что отныне один из каждого поколения его потомков будет бродяжничать и выпрашивать еду. Проклятие или благословение, но предсказание исполнилось. Один дядя Сундарамы Айяра по отцовской линии облачился в одежду цвета охры и покинул дом с посохом и кружкой для воды; его старший брат сделал вид, что пошёл в местечко по соседству и оттуда ускользнул как *саньясин*, отрёкшись от мира.

С собственной семьёй Сундарамы Айяра, казалось, не происходило ничего необычного. Венкатараман рос нормальным, здоровым мальчиком. Некоторое время он посещал местную школу, а в одиннадцать перешёл в школу в городе Диндигул. У него был брат, Нагасвами, на два года его старше. Через шесть лет после него родился третий сын, Нагасундарам, а ещё через два года – дочь Аламелу. Счастливая, благополучная семья среднего класса.

Когда Венкатараману было двенадцать, Сундарам Айяр умер, и семья распалась. Дети отправились жить к их дяде по отцу, Суббиеру, у которого был дом² в пригороде

¹ Этот дом сейчас приобретён Ашрамом. Там ежедневно проводится *пуджа* (ритуальное поклонение), и он открыт как место паломничества для преданных.

² Это тот дом, в котором Шри Бхагаван достиг Осознания. Он приобретён Ашрамом, и там установлен портрет Шри Бхагавана. Его хранят как место паломничества преданных.

Мадурая. Сначала Венкатарамана послали в среднюю школу Скотта, а потом – в старшую школу при американской миссии. Не было никаких признаков, что он когда-нибудь станет высокообразованным человеком. Это был физически развитый, уличный мальчишка, которого привлекали футбол, борьба и плавание. Одно преимущество было у него в школе – поразительно цепкая память, которая покрывала его лень, ведь он мог повторить урок, всего лишь раз его прослушав.

Единственной необычной вещью в его юные годы был ненормально глубокий сон. Девараджа Мудалиар отмечает в своём дневнике¹, как Махарши описал свой необычный сон много лет спустя в Ашраме, когда он увидел родственника, вошедшего в холл²:

«Увидев вас, я вспомнил кое-что, случившееся в Диндигуле, когда я был ещё мальчишкой. Тогда там жил ваш дядя, Периappa Сешайяр. В доме проходил какой-то приём, и все собрались на него, а потом вечером ушли в храм. Я остался дома один. Сначала я сидел в гостиной, читая книгу, но через некоторое время запер дверь, закрыл окна и отправился спать. Когда они вернулись из храма, то как ни кричали, как ни стучали в дверь и окна, ничто не могло меня разбудить. В конце концов им удалось открыть дверь ключом от дома напротив, и они попытались разбудить меня, нанося побои. Все мальчишки от души били меня, и ваш дядя меня бил, но всё безрезультатно. Я ничего об этом не знал, пока мне не рассказали утром.

То же самое случалось со мной и в Мадуре. Мальчишки опасались трогать меня, когда я бодрствовал, но если у них была какая-то обида на меня, они приходили, когда я спал, и делали со мной всё, что вздумается, и били, сколько хотели, а потом клали обратно в постель, и я ничего не знал, пока они не рассказывали мне об этом наутро».

Из всего этого Шри Бхагаван придавал значение лишь крепкому здоровью. Кроме того, иногда ночью он лежал в некоем полусне. Возможно, оба этих состояния были предшественниками духовного пробуждения: глубокий сон как способность, пусть пока и смутная и непроявленная, оставить разум и погрузиться глубоко за пределы мышления, и полусон как возможность наблюдать себя со стороны, как свидетель.

У нас нет фотографии Шри Бхагавана в его юношеские годы. Он рассказывал нам в своём колоритном стиле, полном юмора, как в школе делали групповую фотографию и ему дали держать тяжёлую книгу, чтобы он выглядел прилежным учеником, но на него села муха, и в тот момент, когда делали снимок, он поднял руку, чтобы отогнать её. Однако копии этого снимка найти не удалось, и, видимо, ни одного уже не осталось.

¹ Данный дневник издан как книга «Day by Day with Bhagavan». На русском языке – «День за днём с Бхагаваном Шри Раманой Махарши», 2013.

² Старый холл (Old Hall) – небольшое помещение в Раманашраме, где Бхагаван прожил много лет.

Первым предвестником рассвета было зарево Аруначалы. Школьник Венкатараман не изучал никакой религиозной науки. Он знал только, что Аруначала – это какое-то очень священное место, и, видимо, его потрясло предчувствие своей судьбы, когда он однажды встретил пожилого родственника, которого знал ещё в Тиручули, и спросил его, откуда тот приехал. Старик ответил: «Из Аруначалы». И внезапное понимание, что святая гора была реальным, осязаемым местом на земле, которое люди могут посещать, затопило Венкатарамана таким благоговением, что он смог только выдать: «Что! Из Аруначалы? Где это?»

Родственник, удивлённый в свою очередь невежеством неопытного юноши, объяснил, что Аруначала – это Тируваннамалай.

Шри Бхагаван упомянул об этом в первом из своих «Восьми строф Аруначале»:

«Внемли! Она стоит как простая, бездушная гора. Её действие таинственно, превыше человеческого понимания. С возраста невинности в моём разуме сияло, что Аруначала – это нечто исключительно великое, но даже когда я узнал от другого человека, что она – то же самое, что и Тируваннамалай, я не осознал её значения. Когда она привлекла меня к себе, успокаивая ум, и я приблизился к ней, я увидел, что она стоит неподвижно».

Это встреча случилась в ноябре 1895-го, незадолго до его шестнадцатилетия по европейскому исчислению или семнадцатилетия по индийскому. Второе предвестие произошло вскоре после неё. На этот раз его вызвала книга. И снова была волна ошеломляющей радости, что Божественное может быть воплощено на земле. Его дядя достал экземпляр «Перия Пураны» – книги о жизни шестидесяти трёх тамильских святых. Когда Венкатараман стал её читать, его охватило экстатическое изумление, что возможны такая вера, такая любовь, такая божественная страсть, что в человеческой жизни может быть такая красота. Истории об отречении, ведущем к Божественному союзу, вселили в него благоговейный трепет и желание подражать. Нечто большее, чем любые мечты, большее, чем любые амбиции, здесь было провозглашено реальным и возможным, и это открытие наполнило его блаженной благодарностью.

С этого момента в нём начала просыпаться струя осознания, которую Шри Бхагаван и его преданные определяют как «медитация». Не осознание чего-либо кем-либо, так как этот процесс лежит вне двойственности субъекта и объекта, но состояние блаженного сознания, превосходящего как физический, так и ментальный планы, и всё же полностью сочетаемого с физической и ментальной активностью.

Шри Бхагаван рассказал с характерной простотой, как это сознание стало пробуждаться в нём, когда он ходил в храм Минакши в Мадуре. Он сказал: «Сначала я подумал, что у меня какой-то жар, но потом я решил, что так как это приятный жар, пусть он остаётся».

2 Пробуждение

Эта струя сознания, поддерживаемая непрерывными усилиями, становится всё более сильной и устойчивой, пока, наконец, не приводит к Само-осознанию, к *сахаджа самадхи*, состоянию, в котором блаженное сознание становится постоянным и непрерываемым, и всё же не мешает нормальному восприятию и жизненным активностям. Но на самом деле такое завершение редко бывает достигнуто в течение человеческой жизни. В случае Шри Бхагавана это произошло лишь несколько месяцев спустя его переживания во время чтения «Перия Пураны» и без поиска, без борьбы, без сознательной подготовки. Вот как он сам это описал.

«Примерно за шесть недель до того, как я навсегда покинул Мадурай, в моей жизни произошла великая перемена. Это случилось совершенно неожиданно. Я сидел один в комнате на втором этаже дома моего дяди. Я редко болел, и в тот день со здоровьем у меня всё было в порядке, но внезапно меня охватил ужасный страх смерти. В состоянии моего здоровья не было ничего, что могло послужить поводом для этого, да я и не пытался найти объяснение или причину этого страха. Я просто почувствовал, что „сейчас я умру“, и начал думать, что мне с этим делать. Мне не пришло в голову посоветоваться с врачом, старшими родственниками или друзьями; я чувствовал, что должен решить эту проблему сам, здесь и сейчас.

Шок от страха смерти обратил мой ум вовнутрь, и я мысленно сказал себе, хотя и не пытаюсь облечь это в слова: "Вот пришла смерть; что это значит? Что именно умирает? Умирает это тело". И я сразу же разыграл наступление смерти. Я лёг, вытянув руки и ноги, как будто наступило окоченение, то есть изобразил труп для того, чтобы придать своему исследованию как можно больше правдоподобия. Я задержал дыхание и крепко сжал губы, чтобы ни один звук не мог вырваться наружу, чтобы нельзя было произнести ни слова „я“, ни любого другого слова. „Ну что ж, – сказал я себе, – это тело умерло. Его отнесут на площадку для кремации, и там оно сгорит и превратится в пепел. Но разве со смертью этого тела я сам умру? Является ли тело „мной“? Оно молчит и не двигается, но я чувствую всю силу своей личности и даже слышу голос своего „Я“ внутри себя, отдельно от него. Значит, я – Дух, превосходящий тело. Тело умирает, но Дух, который превосходит его, не затрагивается смертью. Это значит, что я – бессмертный Дух“. Всё это не было просто тусклой мыслью; это ярко вспыхнуло во мне, как живая истина, которую я воспринял непосредственно, почти без мыслительного процесса. „Я“ было чем-то очень реальным, единственной реальной вещью в том моём состоянии, и вся сознательная деятельность, связанная с моим телом, оказалась сосредоточена на этом „Я“. С этого момента „Я“, или Самость, могущественным очарованием сфокусировало моё внимание на себе. Страх смерти исчез раз и навсегда. С тех пор погружение в Себя не прерывается. Другие мысли могут приходить и уходить, как различные ноты музыки, но это „Я“ остаётся, подобно главной ноте

шрути, которая лежит в основе и сливается со всеми остальными нотами¹. Занято ли тело разговором, чтением или чем-то ещё, я всё равно сосредоточен на „Я”. До этого кризиса я не имел ясного восприятия Себя или сознательного влечения к нему. Я не испытывал к нему никакого осязаемого или прямого интереса, а тем более желания постоянно пребывать в нём».

Так просто описанное, без претенциозности и многословия, достигнутое состояние может показаться не отличающимся от эгоизма, но это только из-за двусмысленности слов «я» и «Самость». Различие проявляется в отношении к смерти, ибо тот, чьи интересы сосредоточены на эго, «я» как отдельном, индивидуальном существе, боится смерти, которая может последовать за растворением эго, тогда как здесь страх смерти исчез навсегда, когда Венкатараман осознал, что его «я» было едино со всеобщим бессмертным «Я», которое есть Дух и «Я» каждого человека. Даже сказать, что он познал, что он един с Духом, было бы неверным, так как это предполагает отдельное «я», которое это познало, тогда как «я» в нём самом было осознано как Дух.

Много лет спустя Шри Бхагаван так объяснил эту разницу Полю Брантону, искателю с Запада².

ПБ: Что же это за истинное «Я», о котором вы говорите? Если то, о чём вы рассказываете, правда, то в человеке должно быть ещё одно «я».

ШБ: Может ли человек обладать двумя личностями, двумя «я»? Чтобы ответить на этот вопрос, человеку прежде всего необходимо проанализировать самого себя. Из-за укоренившейся привычки думать так, как думают другие, он никогда не видит своё «я» в верном свете. У него нет правильного представления о себе; он слишком долго отождествлял себя с телом и мозгом. Поэтому я и говорю вам, чтобы вы провели это исследование: «Кто я?»

Вы просите меня описать вам это истинное «Я». Что тут можно сказать? Это То, из которого возникает чувство личного «я» и в котором оно должно исчезнуть.

ПБ: Исчезнуть? Как можно утратить чувство своей личности?

ШБ: Первая и самая главная из всех мыслей, первичная мысль в уме каждого человека – это мысль «я». Только после рождения этой мысли могут возникнуть другие мысли. Только после того, как первое местоимение «я» возникает в сознании, может появиться второе местоимение «ты». Если бы вы могли мысленно проследовать за нитью «я», пока она не приведёт вас обратно к своему источнику, вы бы обнаружили, что точно так же, как она появляется первой, она исчезает последней. Это то, что можно пережить самому.

¹ Монотонность, присутствующая в индийском музыкальном произведении, подобно нити, на которую нанизаны бусины, представляет собой Самость, пребывающую во всех формах бытия.

² Эта и другие цитаты Поля Брантона, приведённые в этой книге, основаны на его книге "Поиски в тайной Индии", опубликованной издательством "Райдер и Ко", Лондон, и воспроизводятся Ашрамом с его разрешения.

ПБ: Вы хотите сказать, что можно провести такое ментальное исследование внутри самого себя?

ШБ: Конечно. Можно идти вовнутрь, пока последняя мысль, «я», постепенно не исчезнет.

ПБ: Что же тогда останется? Окажется ли человек тогда совершенно бессознательным, или может, он станет идиотом?

ШБ: Нет, напротив, он достигнет бессмертного сознания и станет по-настоящему мудрым, когда пробудится к своему истинному «Я», которое есть подлинная природа человека.

ПБ: Но ведь и чувство «я» тоже должно быть связано с этой подлинной природой?

ШБ: Чувство «я» относится к личности, телу и мозгу. Когда человек впервые познаёт своё истинное «Я», нечто поднимается из глубин его существа и овладевает им. Это нечто лежит за пределами ума; оно бесконечно, божественно, вечно. Одни люди называют его Царством Божиим, другие – душой, третьи – *нирваной*, а индуисты – освобождением; вы можете дать ему любое имя, какое пожелаете. Когда это происходит, человек на самом деле не теряет себя; скорее, он себя находит.

До тех пор пока человек не отправится на поиски своего истинного «Я», всю жизнь за ним по пятам будут следовать сомнение и неуверенность. Величайшие цари и правители пытаются управлять другими, хотя в глубине души знают, что не могут управлять собой. И всё же величайшая сила находится в распоряжении человека, который проник в свою самую сокровенную глубину... Что толку знать обо всём остальном, когда ты ещё не знаешь, кто ты сам? Люди избегают этого исследования истинного «Я», но какое занятие может быть более достойным?

Вся эта *садхана* (духовный поиск, практика) заняла едва ли полчаса, и всё же для нас крайне важно, что здесь именно **была** садхана, устремление к свету, а не просто пробуждение без усилий; ведь *Гуру*, Учитель, обычно ведёт своих учеников по пути, который он протоптал сам. Тот факт, что Шри Бхагаван в течение получаса завершил не только садхану всей жизни, но и для большинства *садхаков* (духовных практиков) – садхану многих жизней, не отменяет того факта, что это было устремление, практика *самоисследования*, каковое он позднее предписывал своим последователям. Он предупреждал их, что цель, к которой ведёт самоисследование, обычно достигается не быстро, но лишь после долгих усилий, но он также сказал, что это «единственный прямой и безошибочный способ осознать безусловное, абсолютное Бытие, которым вы в действительности являетесь» („Евангелие Махарши”, часть II). Он говорил, что самоисследование сразу же запускает процесс преобразования, хотя может пройти много времени до того, как он будет завершён. «Но в тот момент, когда эго-я пытается познать себя, оно начинает иметь всё меньшую примесь тела, в которое погружено, и всё большую – сознания своего „Я”».

Важно также, что, хотя Шри Бхагаван ничего не знал о теории или практике садханы, он по факту использовал *пранаяму*, или контроль дыхания, как средство для концентрации. Он признавал и её законным подспорьем в достижении контроля над

мыслями, хотя и не одобрял её использования, кроме как для этой цели, и никогда фактически не предписывал её.

«Контроль дыхания тоже помогает. Это один из различных методов, которые призваны помочь нам достичь однонаправленности. Контроль дыхания также может помочь сдержать блуждающий ум и достичь этой однонаправленности, и поэтому он может быть использован. Но останавливаться на этом не следует. После обретения контроля над умом с помощью дыхательных упражнений человек не должен довольствоваться никаким опытом, который может возникнуть в результате этого, но должен использовать контролируемый ум для ответа на вопрос „Кто я?“ – пока ум не сольётся с Самостью».

Эта изменённая модальность сознания, конечно же, повлияла на привычки и жизненные ценности Венкатарамана. То, что раньше ценилось, утратило всякую привлекательность, общепринятые жизненные цели стали нереальными, а то, что раньше игнорировалось, начало сильно притягивать. Тому, кто был ещё школьником и не имел никакой теоретической подготовки к духовной жизни, было нелегко приспособиться к этому новому состоянию сознания. Он ни с кем не говорил о случившемся и по-прежнему оставался в семье и продолжал ходить в школу; на самом деле он выказывал так мало внешних изменений, насколько это было возможно. И всё же семья неминуемо должна была обратить внимание на его изменившееся поведение и возмутиться некоторыми его чертами. Он рассказал об этом так:

«В моей жизни вскоре стали заметны последствия этого нового сознания. Прежде всего я потерял тот невеликий интерес, что имел к друзьям и родственникам, а учёбой стал заниматься механически. Я держал перед собой открытую книгу, чтобы показать родственникам, что я читаю, тогда как в действительности моё внимание было весьма далеко от подобных поверхностных вещей. В отношениях с людьми я стал покорным и мягким. Раньше, если мне давали больше работы, чем другим мальчикам, я мог пожаловаться, а если кто-то из мальчишек приставал ко мне, я мог дать сдачи. Никто из них не посмел бы смеяться надо мной или фамильярничать. Теперь всё это изменилось. Какую бы работу мне ни давали, какие бы насмешки или приставания не были, я всё принимал с миром. Прежнее эго, которое возмущалось и могло дать сдачи, исчезло. Я перестал выходить играть со своими друзьями и стал предпочитать одиночество. Я часто сидел один, особенно в позе, подходящей для медитации, и погружался в Себя, Дух, силу или поток, которые составляли меня. Я сидел так, даже несмотря на насмешки старшего брата, который с сарказмом называл меня „мудрецом“ или „йогом“ и советовал уйти в джунгли, как древние Мудрецы.

Другим изменением было то, что у меня больше не стало никаких симпатий или антипатий в отношении еды. Всё, что мне давали, вкусное или безвкусное, хорошее или плохое, я проглатывал с равным безразличием.

Одной из особенностей моего нового состояния стало моё изменившееся отношение к храму Минакши¹. Раньше я ходил туда очень редко, с друзьями, чтобы посмотреть на образы и нанести священный пепел и киноварь на лоб, и возвращался почти незатронутым. Но после Пробуждения я стал ходить туда почти каждый вечер. Я приходил один и подолгу стоял неподвижно перед изображениями Шивы, или Минакши, или Натараджи и шестидесяти трёх святых, и когда я стоял там, волны эмоций захлёстывали меня. Душа отказалась от своей привязанности к телу, когда отреклась от идеи „я есть тело”, и теперь она искала новую точку опоры; отсюда частые посещения храма и излияние души в слезах. Это Бог играл с душой. Я стоял перед *Ишварой*, Повелителем вселенной и судеб всех, Всеведущим и Вездесущим, и иногда молился о нисхождении Его Милости на меня, чтобы моя преданность могла возрасти и стать вечной, как у шестидесяти трёх святых. Но чаще я вообще не молился, а молча позволял потоку внутри течь дальше и дальше в глубину запредельного. Слезы, отмечавшие это переполнение души, не означали какого-то особого удовольствия или боли. Я не был пессимистом; я ничего не знал о жизни и о том, что она полна горя. Я не был движим никаким желанием избежать перерождения или найти освобождение, или даже обрести бесстрашие или спасение. Я не читал никаких книг, кроме *Перия Пураны*, Библии и отрывков из *Таюманавара* и *Теварама*. Моё представление об *Ишваре*² было похоже на то, что мы находим в *Пуранах*; я никогда не слышал о *Брахмане*³, *сансаре*⁴ и тому подобном. Я ещё не знал, что существует некая Сущность, или безличная реальность, лежащая в основе всего сущего, и что мы с Ишварой тождественны ей. Позже, в Тируваннамалае, когда я слушал *Рибху Гиту* и другие священные книги, я узнал всё это и обнаружил, что книги анализируют и называют то, что я прочувствовал интуитивно, без анализа и названия. На языке книг я мог бы описать состояние, в котором находился после Пробуждения, как *шуддха манас*, или *виджняна*, или интуиция просветлённого».

Это было совсем не похоже на состояние мистика, который погружается в экстаз на неуловимо краткое мгновение, после чего мрачные стены разума снова смыкаются вокруг него. В отличие от этого, Шри Бхагаван уже был в постоянном, непрерывном осознании своего „Я”, и он ясно сказал, что потом уже не было ни садханы, ни духовной практики. Больше не было борьбы за то, чтобы постоянно пребывать в Себе, потому что это, чьё противостояние и является причиной этой борьбы, было растворено, и не осталось ничего, с чем нужно было бы бороться. Дальнейший прогресс к непрерывному, полностью сознательному отождествлению с Истинным Я, укоренение в полностью нормальной внешней жизни и излучение благодати на тех, кто приходил к нему, были отныне естественными и лёгкими; и всё же на то, что такой прогресс был, указывает высказывание Шри Бхагавана о том, что душа всё ещё искала новую точку опоры. Такие вещи, как подражание Святым и забота о том, что

¹ Большой храм в Мадуре.

² Ишвара, Высшее Существо, соответствует западной концепции личного Бога.

³ Брахман – безличная реальность, лежащая в основе личного Бога, Вселенной и человека.

⁴ Сансара – последовательность рождений и смертей, завершающаяся только освобождением, или самоосознанием.

подумают его старшие, показывают остатки восприятия двойственности, которые позже исчезли. Был также и физический признак продолжающегося процесса изменения. Постоянное жжение ощущалось им в теле с момента пробуждения до того момента, когда он вошёл во внутреннее святилище храма в Тируваннамалае.

3 Путешествие

Изменившийся образ жизни Венкатарамана вызвал трения. Школьные занятия забрасывались ещё больше, чем обычно, и хотя теперь это делалось не ради игр, а для молитвы и медитации, его дядя и старший брат всё сильнее критиковали то, что казалось им непрактичным. С их точки зрения, Венкатараман был просто подростком из семьи среднего класса, который должен был нести своё бремя и готовиться к тому, чтобы зарабатывать деньги и помогать другим.

Кризис наступил 29 августа, примерно через два месяца после пробуждения. Венкатараману дали упражнение по английской грамматике Бейна, чтобы он переписал его три раза в наказание за то, что не выучил его. Было уже за полдень, и он сидел наверху в одной комнате со своим старшим братом. Он переписал упражнение дважды и уже собирался сделать это в третий раз, как вдруг ощущение тщетности этого занятия пронизало его с такой силой, что он оттолкнул бумаги и, сидя со скрещёнными ногами, погрузился в медитацию¹.

Раздражённый этим зрелищем, Нагасвами язвительно заметил: «Что толку от всего этого такому человеку?» Смысл был очевиден: тот, кто хочет жить как *садху*, не имеет права наслаждаться удобствами домашней жизни. Венкатараман признал истинность этого замечания и с тем безжалостным приятием истины (или справедливости, которая является прикладной истиной), которое характеризовало его, поднялся на ноги, чтобы тут же уйти из дома, отказавшись от всего. Для него это означало отправиться в Тируваннамалай, к священной горе Аруначале.

Однако он понимал, что нужно использовать хитрость, потому что в индийской семье очень силен авторитет старших, и его дядя и брат непустили бы его, если бы узнали о его плане. Поэтому он сказал, что ему нужно вернуться в школу на специальное занятие по электричеству.

Неосознанно снабдив его деньгами на дорогу, его брат сказал: «Тогда возьми пять рупий из ящика внизу и по дороге заплати за моё обучение в колледже».

Не духовная слепота помешала семье Венкатарамана распознать его достижение. Никто этого не мог. Слава, могущество, божественность его состояния ещё были скрыты. Его школьный друг Ранга Айяр, посетивший его годы спустя в Тируваннамалае, испытал такое благоговение, что пал ниц к его ногам, но тогда он видел только Венкатарамана, которого знал всегда. Позже он спросил, почему так вышло, и Шри Бхагаван ответил просто, что никто из них не заметил этой перемены.

¹ Слово „медитация“ может ввести в заблуждение, поскольку обычно оно подразумевает размышление и рефлексию. Его использование Шри Бхагаваном уже отмечалось. Здесь можно добавить, что он использовал его для термина «*самадхи*», для которого нет точного английского эквивалента, но которое означает скорее свободное от мыслей созерцание или погружение в Дух. Он также использовал его для обозначения усилия достичь *самадхи* посредством самоисследования, которое является не столько мышлением, сколько отключением мышления.

Ранга Айяр также спросил: «Почему ты не сказал хотя бы мне, что уходишь из дома?»

И он ответил: «Как я мог? Я и сам этого не знал».

Тётка Венкатарамана была внизу. Она дала ему пять рупий и принесла еду, которую он поспешно съел. Там лежал атлас, и он открыл его, обнаружив, что ближайшая к Тируваннамалаю станция – это Тиндиванам. Вообще-то до Тируваннамалая уже была проложена ветка, но атлас был старым и не показывал её. Прикинув, что на дорогу хватит трёх рупий, он взял только их. Он написал письмо своему брату, чтобы развеять тревогу и отбить охоту к поискам, и положил рядом две рупии. Письмо гласило:

«Я отправился на поиски моего Отца в соответствии с Его приказом. Это вступает на добрый путь, поэтому не надо ни скорбеть, ни тратить деньги на поиски этого. Твоя плата за колледж не внесена. К письму прилагаются две рупии».

Вся эта история иллюстрирует высказывание Шри Бхагавана о том, что его душа, освободившись от привязанности к телу, всё ещё искала опору в том "Я", с которым она осознала своё единство. Увёртка с занятием по электричеству, какой бы безобидной она ни была, позже была бы невозможна. Так же, как и идея поиска, ибо тот, кто нашёл, больше не ищет. Когда преданные простирались к его ногам, он был един с Отцом и больше не искал Отца. Само письмо иллюстрирует переход от любви и преданности двойственности к блаженной безмятежности Единства. Оно начинается с двойственности „я” и „мой Отец”, а также с утверждения о приказе; но затем во втором предложении его автор уже упоминается не как „я”, а как „это”. И в конце концов, когда пришло время подписывать, он понял, что нет никакого эго и, следовательно, никакого имени, чтобы подписаться, и закончил прочерком вместо подписи. Больше он никогда не писал писем и не подписывался никаким именем, хотя дважды написал, как его зовут. Однажды, много лет спустя, китайский посетитель ашрама получил экземпляр книги Шри Бхагавана «Кто я?» и по-китайски вежливо, но настойчиво стал упрашивать Шри Бхагавана подписать его. Шри Бхагаван наконец взял её и написал в ней санскритский символ Ом, священный слог, представляющий изначальный звук, лежащий в основе всего творения.

Венкатараман взял три рупии и положил оставшиеся две. Примечательно, что он взял с собой не больше того, что было необходимо для путешествия в Тируваннамалай.

Было уже около полудня, когда он вышел из дома. До станции было около километра, и он шёл быстро, потому что поезд должен был отходить в двенадцать. Однако, несмотря на то что он опоздал, пока добирался до станции, поезд ещё не прибыл. Там была таблица с тарифами; он посмотрел стоимость проезда в вагоне третьего класса до Тиндиванама и обнаружил, что она составляет две рупии и тринадцать анн. Он купил билет, оставив себе три анны сдачи. Если бы он взглянул на несколько строк ниже, то увидел бы название «Тируваннамалай» и то, что проезд туда стоит ровно три рупии. События этого путешествия символизируют трудный путь стремящегося

(садхака) к своей цели: сначала была милость Провидения, даровавшего деньги и позволившего сесть на поезд, хотя Венкатараман и вышел из дома поздно; потом всё было готово для того, чтобы достичь конечного пункта, но невнимательность путника удлинила путешествие и вызвала трудности и приключения.

Венкатараман молча сел среди пассажиров, погружённый в восторг своего поиска. Так проехали несколько станций. К нему обратился белобородый *маулави*¹, рассказывавший о жизни и учении святых:

- И куда вы направляетесь, Свами?
- В Тируваннамалай.
- И я тоже, – ответил маулави.
- Что! В Тируваннамалай?!
- Ну не совсем туда – на одну станцию до него.
- А какая это станция?
- Тирукойлур.

Тогда, заподозрив себя в ошибке, Венкатараман удивлённо воскликнул:

- Что! Вы хотите сказать, что поезд идёт в Тируваннамалай?
- Ну вы и странный пассажир! – ответил маулави. – А до куда вы купили билет?
- До Тиндиванама.
- Ох, дорогой, вовсе не нужно ехать так далеко. Мы выходим на узловой станции Виллупурам и пересаживаемся там до Тируваннамалай и Тирукойлура.

Провидение дало ему необходимую информацию, и Венкатараман снова погрузился в блаженство *самадхи* (поглощения в Самости). К закату поезд прибыл в Тричинополи (ныне Тиручирапалли), и он почувствовал голод, поэтому потратил половину анны на две деревенские груши – сорт, растущий в горах Южной Индии. К его удивлению, аппетит пропал почти сразу, после первого куска, хотя до сих пор он всегда ел от души. Он оставался в блаженном состоянии бодрствующего сна, пока поезд не прибыл в Виллупурам в три часа утра.

Он сидел на станции до рассвета, а затем отправился в город искать дорогу на Тируваннамалай, решив пройти остаток пути пешком. Однако это название нельзя было найти ни на одном указателе, а спрашивать он не хотел. Чувствуя усталость и голод после прогулки, он вошёл в какую-то гостиницу и попросил еды. Хозяин гостиницы сказал ему, что обед будет готов только в полдень, поэтому он сел ждать и сразу же погрузился в медитацию. Принесли еду, и когда он поел, он предложил в уплату две анны, но хозяин гостиницы, видимо, был поражён этим красивым юношей-брамином с длинными волосами и золотыми серьгами, сидевшим там, как садху. Он спросил, сколько денег у Венкатарамана, и, услышав, что у него всего две с половиной анны, отказался принять оплату. Он также объяснил, что Мамбалапатту, название которого Венкатараман видел на указателе, и есть путь на

¹ Мусульманский пандит (богослов)

Тируваннамалай. После этого Венкатараман вернулся на станцию и купил билет до Мамбалапатту – самое большое расстояние, которое он мог позволить себе на оставшиеся анны.

Во второй половине дня он добрался до Мамбалапатту и оттуда отправился пешком. К вечеру он прошёл около пятнадцати километров. Перед ним был храм Араянналлура, построенный на большой скале. Долгая прогулка, по большей части в жаркий день, утомила его, и он присел отдохнуть у храма. Вскоре кто-то открыл его для храмового священника и прихожан, чтобы совершить *пуджу*. Венкатараман вошёл и сел в зале с колоннами – единственном, где ещё не совсем стемнело. Неожиданно он увидел яркий свет, пронизывавший весь храм. Думая, что это, должно быть, сияние образа Бога во внутреннем святилище, он пошёл посмотреть, но ничего не обнаружил. Это не было каким-то физическим светом. Свечение исчезло, и он снова сел в медитации.

Вскоре его потревожил крик священника, который сообщал, что пора запира́ть храм, так как *пуджа* закончена. Он подошёл к нему и спросил, нет ли у них чего-нибудь поесть, но ему ответили, что ничего нет. Затем он попросил разрешения остаться там до утра, но и в этом ему было отказано. *Пуджари* (поклоняющиеся) сказали, что они идут в Килур, примерно в километре отсюда, чтобы совершить *пуджу* и в местном храме, и что потом он может получить что-нибудь поесть, поэтому он пошёл с ними. Как только они вошли в храм, он снова погрузился в блаженное поглощение, называемое *самадхи*. Было уже девять часов, когда *пуджа* закончилась и они сели ужинать. Венкатараман снова спросил насчёт еды. Поначалу казалось, что для него ничего не найдётся, но храмовый барабанщик был так впечатлён его внешностью и благочестивыми манерами, что отдал ему свою долю. Он захотел пить, и ему, держащему в руках тарелку с рисом, показали дорогу к дому одного *шастри* (пандита), который мог дать ему воды. Стоя перед домом в ожидании воды, он стал падать в обморок или сон, и сделав несколько неуверенных шагов, рухнул на землю. Через несколько минут он пришёл в себя и увидел небольшую толпу, с любопытством наблюдавшую за происходящим. Он выпил воды, собрал и съел немного риса, который рассыпал, а потом лёг на землю и заснул.

Следующий день, понедельник 31 августа, был Гокулаштами, день рождения Шри Кришны и один из самых благоприятных дней в индуистском календаре. До Тируваннамалай оставалось ещё километров тридцать. Некоторое время Венкатараман ходил в поисках дороги до него и снова стал чувствовать усталость и голод. Как и большинство брахманов в те времена, когда древних обычаев они держались строже, чем сегодня, он носил золотые серьги, а в его случае они были ещё и украшены рубинами. Он снял их, чтобы выручить за них деньги и закончить путешествие поездом, но где их продать и кому? Он остановился наугад у дома, который, как оказалось, принадлежал некоему Мутукришнану Бхагаватару, и попросил еды. На хозяйку дома, должно быть, произвело глубокое впечатление появление в день рождения Кришны на пороге её дома юного брамина с прекрасным лицом и сияющими глазами; она накормила его большим холодным обедом, и хотя,

как и в поезде два дня назад, его аппетит исчез после первого же куса, она пеклась о нём как настоящая мать и заставила доесть всё.

Оставался ещё вопрос о серьгах. Они стоили, должно быть, около двадцати рупий, но он лишь хотел получить ссуду на четыре, чтобы покрыть все расходы, которые могли возникнуть у него в пути. Чтобы не возбуждать подозрений, он сказал, что он паломник, а его багаж потерялся, оставив его без средств. Мутукришнан Бхагаватар осмотрел серьги и, решив, что они подлинные, протянул ему четыре рупии. Однако он настоял на том, чтобы взять адрес юноши и дать свой собственный, чтобы серьги можно было выкупить в любое время. Добрая пара продержала его у себя до полудня, накормила обедом и завернула с собой пакет сладостей, которые были приготовлены для *пуджи* Шри Кришне, но ещё не были предложены ему.

Выйдя из дома, он сразу разорвал записку с адресом, совершенно не собираясь выкупать серьги. Узнав, что до следующего утра поезда в Тируваннамалай не будет, он переночевал на станции. Ни один человек не может закончить своё путешествие до назначенного судьбой времени. Было утро 1 сентября 1896 года, минуло три дня после ухода из дома, когда Венкатараман прибыл на станцию Тируваннамалай.

Быстрыми шагами, с бьющимся от радости сердцем, он поспешил прямо к большому храму. В безмолвном знаке приветствия ворота трёх высоких стен комплекса и все двери, даже двери внутреннего святилища, были открыты. Внутри больше никого не было, поэтому он вошёл во внутреннее святилище один и остановился перед своим Отцом Аруначалешварой¹. Там, в блаженстве Единения, поиск были завершён, а путешествие закончилось.

¹ Ишвара, проявленный как Аруначала.

4 Первые годы в Тируваннамалае. Мнимый *tapas*

Выйдя из храма, Венкатараман побрёл в город. Кто-то окликнул его и спросил, не хочет ли он сбрить свой пучок волос¹. Этот вопрос прохожему, видимо, подсказала интуиция, ибо не было никаких внешних признаков того, что этот юный брамин отрёкся или намеревался отречься от мира. Он сразу же согласился, и его отвели к *танку*² Айянкулам, где работали цирюльники. Здесь его обрили наголо, после чего он, стоя на ступеньках танка, выбросил в воду оставшиеся деньги – чуть больше трёх рупий. Он больше никогда не притрагивался к деньгам. Он также выбросил пакет со сладостями, который всё ещё был у него. «Зачем давать сладости этому куску тела?»

Он снял священную нить, которая является знаком касты, и выбросил её, ибо тот, кто отрекается от мира, отрекается не только от дома и собственности, но также от касты и любого гражданского статуса.

Затем он снял *дхоти* и оторвал от него полоску, которая стала служить ему набедренной повязкой, а остальное выбросил.

Теперь, совершив акт отречения, он мог вернуться в храм. Подходя к нему, он вспомнил, что Священные Писания предписывают омовение после того, как человек постригся, но он сказал себе: «Зачем давать этой глыбе тела такую роскошь, как ванна?» И вдруг прошёл небольшой ливень, так что перед тем, как войти в храм, он всё-таки принял свою ванну.

Он не стал заходить в Святая Святых, не чувствуя в этом необходимости. И действительно, прошло три года, прежде чем он снова зашёл туда. Он поселился в тысячеконном зале, приподнятой от земли каменной платформе, открытой со всех сторон, с крышей, поддерживаемой лесом стройных скульптурных колонн. День за днём, ночь за ночью он сидел там неподвижно, погружённый в Блаженство Бытия. Он больше не нуждался в этом мире – его призрачное существование никак его не интересовало, потому что он был поглощён Реальностью. Так продолжалось несколько недель – он почти не двигался и не говорил ни слова.

Началась вторая фаза его жизни после самореализации. Во время первой его слава, его величие были скрыты, он принимал и подчинялся и условиям жизни, и учителям, и старшим; во время второй он был обращён вовнутрь, совершенно игнорируя внешний мир; и она, как будет показано далее, постепенно переходила в третью, продолжавшуюся больше полувека, в течение которой он светил, как полуденное солнце, на всех, кто приближался к нему. Однако эти фазы применимы только к его внешней жизни: он открыто и неоднократно заявлял, что в его состоянии сознания, в его духовном опыте не было абсолютно никаких изменений или развития.

¹ Ортодоксальные индуисты носят на затылке небольшой пучок волос; удаление его и бритье головы – это знак отречения.

² Танк – традиционный индийский водоём прямоугольной формы с каменными ступенями.

Один *садху*, известный как Сешадри Свами, прибывший в Тируваннамалай несколькими годами ранее, взялся присматривать за Брахманой Свами, как стали называть Венкатарамана, потому что тот нуждался хоть в каком-нибудь присмотре. Однако у его заботы оказались и минусы, потому что Сешадри производил впечатление слегка помешанного и тем самым навлек на себя преследование школьников. Теперь они обратили своё внимание и на его протезе, которого стали называть «маленький Сешадри». Они начали швырять в него камнями, отчасти из-за мальчишеской жестокости, отчасти потому, что были заинтригованы, увидев человека ненамного старше себя и сидящего словно статуя. Как один из них сказал позже, они хотели узнать, настоящий ли он.

Попытки Сешадри Свами удержать их были не очень успешны, а иногда они приводили к обратному результату. Поэтому Брахмана Свами нашёл убежище в Патала Лингаме, подземном склепе тысячеколонного зала, тёмном и сыром, куда никогда не проникали лучи солнца. Люди спускались туда редко; лишь муравьи, клещи и комары процветали там. Они истерзали его тело так, что бёдра покрылись язвами, из которых сочились кровь и гной. До конца жизни у него сохранились эти шрамы. Те несколько недель, что он провёл там, были спуском в ад, и всё же, поглощённый Блаженством Бытия, он был равнодушен к этим пыткам – для него они были нереальными. Одна благочестивая женщина, Ратнаммаль, принесла ему еду в подземелье и стала уговаривать, чтобы он вышел оттуда и перешёл к ней в дом, но он не подал и знака, что услышал её. Она положила кусок ткани, умоляя его сесть или лечь на неё, или укрыться от надоедливых насекомых, но он даже не прикоснулся к ней.

Боясь войти в тёмное подземелье, юные мучители бросали внутрь камни или ломаные горшки, которые разбивались и разлетались осколками. Сешадри Свами встал на стражу, но это только раззадорило их. Однажды в полдень в тысячеколонный зал пришёл некий Венкатачала Мудали. Он возмутился, увидев мальчишек, швыряющих камни на территории храма, схватил палку и прогнал их прочь. Вернувшись, он наткнулся на Сешадри, неожиданно появившегося из мрачных глубин зала. На мгновение он испугался, но быстро пришёл в себя и спросил Сешадри Свами, не ушибли ли его. “Нет, – ответил тот, – но сходи посмотри на маленького Свами вон там“, – и с этими словами он ушёл.

Удивлённый Мудали спустился по ступенькам в подземелье. Вначале, вступив в темноту после яркого солнечного света, он не мог ничего разглядеть; однако постепенно его глаза привыкли, и он различил фигуру молодого Свами. Ошеломлённый увиденным, он пошёл и рассказал об этом садху, что работал с несколькими учениками в цветнике неподалёку. Они тоже пришли посмотреть. Юный Свами не двигался, не говорил и, казалось, не замечал их присутствия,

поэтому они подняли его на руки и вынесли наружу. Они опустили его перед святыней Господа Субраманьи, но он никак не показал, что осознает происходящее¹.

Около двух месяцев Брахмана Свами оставался в святилище Господа Субраманьи. Он сидел неподвижно в *самадхи* (поглощённости), и иногда приходилось класть пищу ему в рот, так как он не обращал внимания, когда её предлагали. Несколько недель он не прилагал усилий, даже чтобы завязать набедренную повязку. За ним присматривал Мауни Свами (*мауни* – тот, кто соблюдает молчание), который тоже жил в этом святилище.

Святилище Богини Умы в храме ежедневно омывали смесью молока, воды, порошка куркумы, сахара, бананов и других ингредиентов, и Мауни каждый день приносил юному Свами стакан этой странной смеси. Тот быстро проглатывал его, не обращая внимания на вкус, и это было всё питание, что он получал за день. Через некоторое время это заметил храмовый священник. Он распорядился, чтобы отныне Мауни давали чистое молоко, для того чтобы тот мог поить им Брахману Свами.

Через несколько недель Брахмана Свами перебрался в храмовый сад, полный высоких кустов олеандра, достигавших порой трёх-четырёх метров в высоту. Он продолжал здесь сидеть, погруженный в блаженство (*самадхи*). Он даже передвигался в трансе, потому что иногда, придя в сознание, обнаруживал себя под иным кустом, не имея понятия, как он там оказался. Затем он перешёл в павильон, где стояли храмовые повозки, на которых по праздникам возили образа богов. Здесь тоже случалось, что он пробуждался и обнаруживал своё тело без повреждений в другом месте, избежав, хотя и был в бессознательном состоянии, различных препятствий на своём пути.

После этого некоторое время он сидел под деревом рядом с дорогой, которая проходит внутри храмового комплекса вдоль её внешних стен и используется для храмовых процессий. Он оставался здесь и в святилище Мангай Пиллаяр. Каждый год в Тируваннамалай стекаются толпы паломников на праздник Картикай, приходящийся на ноябрь или декабрь, когда на вершине Аруначалы зажигается сигнальный огонь в знак появления Шивы в виде столба света (об этом будет рассказано в главе шестой), и в этот год многие из них приходили посмотреть на юного Свами или сделать перед ним простирание. Именно в это время у него появился первый постоянный почитатель. Удданди Наинар активно занимался духовными практиками, но не смог получить от них внутреннего Мира. Увидев молодого Свами, погружённого в беспрестанное *самадхи* и, по-видимому, не обращающего внимания на тело, он почувствовал, что тут присутствует Осознание и что через него он обретёт покой. Поэтому он был счастлив служить Свами, хотя мог сделать немного. Наинар не подпускал толпы зевак и прекратил приставания мальчишек. Большую часть времени он проводил, читая вслух тамильские работы, излагающие высочайшую доктрину *адвайты* (недвойственности). Он очень надеялся

¹ Патала Лингам был отремонтирован в качестве святыни, статус которой он приобрёл как место *танаса* Шри Бхагавана. Сейчас он хорошо сохранился и освещён электрическим светом, и здесь развешаны портреты Шри Бхагавана.

получить от Свами *упадешу*, духовное наставление, но тот никогда не разговаривал с ним, а сам он не осмеливался заговорить первым и нарушить его молчание.

Примерно в это время мимо дерева юного Свами проходил некий Аннамалай Тамбиран. Он был так поражён безмятежной красотой Свами, сидящего там в одиночестве, не затронутого заботами и мыслями, что простёрся перед ним и с тех пор каждый день приходил поклониться. Он был *садху*, который обычно ходил по городу с несколькими товарищами, распевая песни преданности. Получив милостыню, он кормил бедных и совершал *пуджу* у могилы своего Адхина-гуру (основателя линии его гуру) за городом.

Через некоторое время ему пришло в голову, что в святилище Гурумуртам юного Свами будут беспокоить меньше и, кроме этого, поскольку стоял прохладный сезон, там он будет больше защищён от непогоды. Тамбиран не решался предложить это и сначала обсудил этот вопрос с Наинаром, поскольку ни один из них никогда не разговаривал со Свами. Наконец он набрался храбрости и высказал своё предложение. Свами согласился и в феврале 1897 года, менее чем через полгода после своего прибытия в Тируваннамалай, отправился с ним в Гурумуртам.

Но там его образ жизни не изменился. Пол святилища кишел муравьями, хотя Свами, казалось, не замечал, как они ползают по нему и кусаются. Через некоторое время в углу поставили табурет, на который он мог сесть, а его ножки погрузили в воду, чтобы защитить от муравьёв, но даже тогда он прислонялся спиной к стене и таким образом создавал для них мостик. От постоянного сидения его спина навсегда отпечаталась на стене.

В Гурумуртам стали стекаться паломники и туристы, и многие простирались перед Свами, одни – с молитвами о благах, другие – из чистого благоговения. Толпа стала такой, что вокруг его сиденья пришлось воздвигнуть бамбуковую ограду, чтобы они хотя бы не касались его.

Поначалу Тамбиран снабжал их тем небольшим количеством еды, которое было необходимо Свами – он брал её из продуктов, которые приносили в святилище его Гуру, но вскоре он покинул Тируваннамалай. Он сказал Наинару, что вернётся через неделю, но обстоятельства так сложились, что он отсутствовал больше года. Через несколько недель Наинару тоже пришлось уйти в свой *матх* (частный храм или святилище), и Свами остался без помощника. С пропитанием трудностей не было – фактически к этому времени уже было несколько почитателей, которые выразили желание кормить его. Более насущной потребностью было не подпускать толпы зевак и посетителей.

Вскоре появился новый постоянный служитель. Один *садху* из народности малаяли по имени Паланисвами посвятил свою жизнь поклонению Богу Винаяке. Он жил большим аскетом, ел только раз в день и то лишь пищу, предложенную Богу во время *пуджи*, даже не приправленную солью. Его друг по имени Шриниваса Айер сказал ему однажды: «Почему ты проводишь свою жизнь с этим каменным Свами? В

Гурумуртаме есть молодой Свами из плоти и крови. Он погружён в *танас* (аскезу), как юный Друва в *Пуранах*. Если ты пойдёшь к нему, станешь ему служить и свяжешь себя с ним, цель твоей жизни будет достигнута».

Другие люди тоже рассказывали ему о юном Свами, о том, что у того нет служителя и что служить ему было бы благословением. Поэтому он отправился посмотреть на него в Гурумуртам. Он был потрясён до глубины души при одном взгляде на Свами. Некоторое время из чувства долга он ещё продолжал своё поклонение в храме Винаяки, но его сердце уже было с живым Свами, и вскоре его преданность последнему стала всепоглощающей. Двадцать один год он служил Свами, посвятив ему весь остаток жизни.

Но работы у него было достаточно мало. Он получал от почитателей подношения пищи, но Свами принимал лишь одну чашку еды в полдень, поэтому остальное возвращалось жертвователям в виде *прасада* (милости в форме дара). Если Паланисвами требовалось уйти в город – обычно чтобы достать какую-нибудь духовную или религиозную книгу у приятеля, – он запирали святилище, а при возвращении обнаруживал Свами в том же положении, в каком его оставил.

Тело Свами было крайне запущено. Он совершенно его игнорировал. Он был немый, волосы отросли и стали густыми и косматыми, а ногти длинными и загнутыми. Некоторые считали это признаками глубокой старости и перешёптывались, что он сохранил молодое тело с помощью сил йоги. На самом деле его тело было ослаблено до предела. Когда ему нужно было выйти, у него едва хватало сил подняться. Он приподнимался на пару вершков, а затем от слабости и головокружения падал обратно, и требовалось несколько попыток, прежде чем ему удавалось встать на ноги. В одном случае он дошёл до двери и уже держался за неё обеими руками, когда заметил, что Паланисвами поддерживает его. Никогда не расположенный принимать помощь, он спросил: «Почему вы держите меня?», и Паланисвами ответил: «Свами собирался упасть, и я поддержал его, чтобы он не упал».

Тому, кто достиг единения с Божественным, иногда поклоняются так же, как храмовому идолу – сжигая камфару, с сандаловой пастой, цветами, омовениями и песнопениями. Когда Тамбиран был в Гурумуртаме, он решил поклоняться Свами именно так. В первый день Свами был застигнут врасплох, и тот преуспел в своём начинании, но на следующий день, когда Тамбиран принёс свою ежедневную чашку с едой, он увидел на стене, чуть выше Свами, надпись на тамили, написанную углём: «Такого служения достаточно для этого», означающие, что пища – это всё, что нужно предлагать этому телу.

Для его почитателей стало неожиданностью, что Свами получил мирское образование и умел читать и писать. Один из них решил воспользоваться этим фактом, чтобы выяснить, откуда он родом и как его зовут. Это был пожилой человек по имени Венкатарама Айер, главный бухгалтер налоговой службы. Он приходил каждое утро и некоторое время сидел, медитируя в присутствии Свами, прежде чем отправиться на работу. Обет молчания – вещь в Индии уважаемая, и поскольку

Свами не разговаривал, предполагалось, что он принял такой обет. Но молчальник может иногда писать, и теперь, узнав о том, что Свами это умеет, Венкатарама Айер сделался настойчивым. На одну из книг, принесённых Паланисвами, он выложил лист бумаги и карандаш и стал упрашивать Свами написать своё имя и место рождения.

Свами не откликнулся на просьбу, пока Венкатарама Айер не объявил, что он не будет ни есть, ни ходить на работу, пока не получит желаемую информацию. Тогда Свами написал по-английски: «Venkataraman, Tiruchuzhi». Его знание английского языка стало ещё большим сюрпризом, но Венкатарама Айер был озадачен названием "Тиручули" в английской транслитерации, особенно сочетанием «zh».

Поэтому Свами взял книгу, на которой лежала бумага, чтобы посмотреть, не на тамильском ли языке она написана, и указал на букву, которая обычно транслитерируется как «zh» – нечто среднее по звучанию между «р» и «л». Обнаружив, что это была «Перия Пурана», книга, которая оказала на него столь глубокое воздействие до духовного пробуждения, он нашёл отрывок, где город Тиручули прославляется в песне Сундарамурти Свами, и показал его Венкатарама Айеру.

В мае 1898 года, проведя чуть больше года в Гурумуртаме, Свами перебрался в манговый сад по соседству. Эту идею Паланисвами предложил его владелец, Венкатарама Найкер, поскольку сад можно было закрывать и предоставлять тем самым больше уединения. Свами и Паланисвами заняли вдвоём сторожку, и хозяин сада дал садовнику строгое предписание никого не впускать без разрешения Паланисвами.

Он пробыл в манговом саду около полугода и именно здесь начал накапливать свою обширную эрудицию. Характерно, что это было сделано не из какого-то желания обрести учёность, а исключительно для того, чтобы помочь преданному. Паланисвами часто приносил себе для изучения труды по духовной философии, но единственные книги, к которым он имел доступ, были на тамильском языке, который он знал очень слабо, так что понимать написанное ему стоило огромных трудов. Видя, как он бьётся, Свами брал эти книги, прочитывал от корки до корки и давал их краткий обзор. Его духовный опыт позволял ему с первого взгляда понять то, что было изложено в книге, а его чудесная память сохраняла прочитанное, так что он стал эрудированным почти без усилий. Точно так же он впоследствии овладел санскритом, телугу и малайялам, читая принесённые ему книги на этих языках и отвечая на вопросы, поставленные на них.

5 Вопрос о возвращении

Когда юный Венкатараман покинул дом, это стало полной неожиданностью для его семьи. Несмотря на его изменившееся поведение и семейную судьбу, такого никто не ожидал. Поиски и расспросы ни к чему не привели. Его мать, которая в то время была у родственников в Манамадурае, страдала больше всех. Она умоляла своих деверей, Суббиера и Неллиаппиера, начать поиски и не прекращать, пока они не найдут его. Прошёл слух, что он присоединился к театральной труппе, игравшей в Тривандруме традиционные религиозные драмы. Неллиаппиер немедленно отправился туда и навёл справки среди различных театральных трупп, но, разумеется, безрезультатно. И всё же Алагамма отказалась смириться с неудачей и настояла на том, чтобы он отправился туда во второй раз и взял её с собой. В Тривандруме она и в самом деле встретила юношу того же возраста и роста, что и Венкатараман, и с такими же волосами, который отвернулся от неё и ушёл. Внутренне убеждённая, что это был её Венкатараман и что он избегает её, она удручённо вернулась домой.

Суббиер, дядя, у которого Венкатараман жил в Мадуре, умер в августе 1898 года. Неллиаппиер и его семья отправились на похороны, и именно там они получили первые известия о пропавшем Венкатарамане. Какой-то молодой человек, присутствовавший на церемонии, рассказал им, что недавно был в одном *матхе* (частном храме) в Мадуре, где слышал, как некий Аннамайя Тамбиран с большим почтением отзывался о молодом Свами из Тируваннамалай. Услышав, что этот Свами прибыл из Тиручули, он стал расспрашивать подробнее и узнал, что его зовут Венкатараман. «Это, должно быть, ваш Венкатараман, и он теперь почитаемый Свами», – заключил рассказчик.

Неллиаппиер был адвокатом второго класса, практиковавшим в Манамадурае. Услышав эту новость, он сразу же отправился в Тируваннамалай с другом, чтобы проверить её. Они нашли дорогу к Свами, но тот уже переселился в манговый сад, и его владелец, Венкатарама Найкер, отказался их впускать: «Он – *мауни* (тот, кто дал обет молчания); зачем вам его беспокоить?» Даже когда они стали утверждать, что являются его родственниками, самое большее, что он мог им позволить, – это послать ему записку. Неллиаппиер написал на листке бумаги, который был у него с собой: «Неллиаппиер, адвокат из Манамадура, желал бы тебя увидеть».

Свами уже проявлял то острое восприятие мирских дел вкупе с полной отрешённостью от них, что характеризовало его позднее и многих удивляло. Он заметил, что бумага с текстом записки относилась к департаменту регистрации и на её обратной стороне написано какое-то служебное дело почерком его старшего брата Нагасвами, из чего он заключил, что Нагасвами стал служащим этого департамента. Точно так же в более поздние годы он переворачивал письмо и изучал его адрес и почтовый штампель, прежде чем вскрыть.

Он разрешил посетителям войти, но когда те зашли, сидел отчуждённо и молча, без малейшего следа того интереса, который только что проявил, изучая записку. Любой признак интереса только укрепил бы тщетную надежду на его возвращение. Неллиаппиер был глубоко взволнован, увидев его в таком состоянии – да, он стал Свами, но был нечёсан, немыт, со спутанными волосами и длинными ногтями. Предположив, что он *мауни*, он обратился вместо него к Паланисвами и Найкеру, объяснив, что для него огромное счастье узнать, что один из членов его семьи достиг столь высокого состояния, но и земные блага не следует игнорировать.

Родственники Свами хотели бы, чтобы он был рядом с ними. Они не будут давить, чтобы он отказался от своих обетов или образа жизни; пусть он продолжает оставаться *мауни* (молчальником) и аскетом, но не здесь. В Манамадурае, недалеко от того места, где живёт Неллиаппиер, есть храм великого святого; он может жить там, и за его потребностями последят, не причиняя беспокойства. Адвокат убеждал со всем своим красноречием, но в данном случае безрезультатно. Свами сидел неподвижно, не показывая даже, что слышит. У Неллиаппиера не было иного выбора, кроме как признать своё поражение. Он послал Алагамме радостную весть о том, что её сын нашёлся, и печальную новость, что он совершенно изменился и больше к ним не вернётся. Спустя пять дней пребывания в Тируваннамалае он вернулся в Манамадурай.

Вскоре после этого Свами покинул манговый сад и перешёл в небольшой храм Арунагиринатара к западу от танка Айянкулам. Он никогда не любил зависеть от чужих услуг и поэтому теперь решил сам ходить и просить еду вместо того, чтобы позволять Паланисвами снабжать его. «Вы пойдёте просить милостыню в одну сторону, а я в другую, – сказал он ему. – Давайте больше не будем жить вместе». Для Паланисвами это прозвучало страшным ударом: преданность Свами была его видом богослужения. Как было велено, он ушёл один, но сумерки снова застали его в храме Арунагиринатара. Как он мог жить без своего Свами? И ему было позволено остаться.

Свами по-прежнему хранил молчание. Он останавливался на пороге какого-нибудь дома и хлопал в ладоши, и если ему давали какую-нибудь еду, брал её в сложенные ладони и съедал, стоя на дороге. Даже если его приглашали внутрь, он никогда не входил. Каждый день он шёл по новой улице и никогда не подходил к одному и тому же дому дважды. Он говорил впоследствии, что просил подаяние почти на всех улицах Тируваннамалае.

Проведя месяц в храме Арунагиринатара, он поселился в одной из башен Великого храма и в саду Алари при храме. Куда бы он ни пошёл, его повсюду уже сопровождали почитатели. Он пробыл здесь всего неделю, а затем отправился на Павалакунру¹, один из восточных отрогов Аруначалы, и остановился там в храме. Он сидел здесь, как и раньше, погружённый в *самадхи* (Блаженство Бытия), и выходил просить подаяние, только когда отсутствовал Паланисвами. Часто случалось, что после

¹ Павалакунру – Коралловая гора. В давние времена на священной Коралловой горе Павалакунру находилось жилище святого Гаутамы – Гаутамашрам. Теперь там расположен храм Муругана (из книги "Arunagirivalam").

пуджи храмовый священник запирает его и уходит, не потрудившись проверить, нет ли его внутри.

Именно здесь Алагамма и нашла своего сына. Получив известие от Неллиаппиера, она дождалась рождественских каникул, чтобы её старший сын, Нагасвами, освободился от работы и мог сопровождать её, и отправилась в Тируваннамалай. Она сразу же узнала своего Венкатарамана, несмотря на его истощённое тело и спутанные волосы. Со всей материнской любовью она оплакивала его состояние и умоляла вернуться вместе с ней домой, но он сидел неподвижно, не отвечая и даже не показывая, что слышит. День за днём она возвращалась, принося ему разные вкусности, упрасывая и попрекая, но всё безрезультатно. Однажды, уязвлённая его явным отсутствием чувств к ней, она разрыдалась. Он по-прежнему не отвечал, но побоявшись, что выкажет сострадание и тем самым подаст ложную надежду на то, что случиться не может, он встал и ушёл. На следующий день она заручилась сочувствием собравшихся вокруг почитателей, излив им своё горе и умоляя вмешаться. Один из них, Пачайяппа Пиллай, сказал Свами: «Ваша мать плачет и умоляет; почему бы Вам не дать ей хоть какой-нибудь ответ? Вы можете ответить ей хотя бы „да” или „нет”. Свами не требуется нарушать свой обет молчания. Вот карандаш и бумага; Свами может написать то, что ему нужно сказать».

Он взял карандаш и бумагу и совершенно безличным стилем написал:

«Верховный определитель управляет жребием душ в соответствии с их *прарабдха кармой* (судьбой, которая должна быть отработана в этой жизни и которая следует из баланса поступков прошлых жизней). Чему не суждено случиться, не случится, как ни старайся это сделать. Что должно случиться, случится, как ни пытайся это предотвратить. Это совершенно точно. Поэтому лучше всего хранить молчание».

В сущности, это то же самое, что Христос сказал своей матери: «Зачем вы искали меня? Разве вы не знали, что я должен быть там, где дело Отца моего?»¹ По форме это очень типично для Шри Бхагавана: обычно он сначала молчал, когда ответ мог быть только отрицательным, а затем, когда молчание не принималось и под дальнейшим давлением ему нужно было что-то ответить, этот ответ формулировался в таких общих терминах, как если бы это было безличным доктринальным высказыванием, и в то же время это был ответ на конкретный вопрос в соответствии с потребностями спрашивающего.

Шри Бхагаван был бескомпромиссен в своём учении о том, что всё, что должно случиться, в любом случае произойдёт, и в то же время он учил, что всё, что происходит, случается благодаря *прарабдхе*, балансу судьбы человека, действующему в соответствии с таким строгим законом причины и следствия, что даже слово «справедливость» кажется для него слишком сентиментальным. Он никогда не любил вовлекаться в дискуссии о свободе воли и предопределении, ибо

¹ Евангелие от Луки (2:49)

такие теории, хотя и противоречат друг другу на ментальном уровне, обе могут отражать определённые аспекты истины. Он обычно говорил: «Узнайте, кем является тот, кто предопределён или имеет свободную волю».

Он недвусмысленно сказал: «Все действия, которые должно совершить тело, уже предрешены в момент его появления: единственная свобода, которая у вас есть, – это отождествлять себя с телом или не делать этого». Когда в театре исполняют пьесу, все роли расписаны заранее, и актёр играет свою роль одинаково добросовестно, Цезарь ли он, которого закалывают, или Брут, вонзающий кинжал. Его не затрагивает эта роль, потому что он знает, что он – не его персонаж. Так и тот, кто осознаёт своё тождество с бессмертным «Я», исполняет свою роль на жизненной сцене без страха и тревоги, надежды и сожаления, не затрагиваемый сыгранной ролью. А если всё предопределено, какая реальность остаётся у нас самих? Кто же в таком случае я сам? Если эго, которое думает, что именно оно принимает решения, нереально и, тем не менее, я знаю, что существую, то в чём состоит реальность меня самого? Тут лишь подготовительная, умственная версия поиска, предписываемого Шри Бхагаваном, но это и превосходная подготовка к поиску подлинному.

И всё же очевидно противоречащее мнение о том, что человек сам творит свою судьбу, не менее истинно, поскольку всё происходит по закону причины и следствия, и каждая мысль, слово и действие влекут за собой свои последствия. Шри Бхагаван был в этом так же уверен, как и другие Учителя. Он сказал одному преданному, Шивапракасаму Пиллаю (в главе 10 этой книги): «Поскольку, в соответствии с законами Бога, существа пожинают плоды своих действий, ответственность лежит на них, а не на Нём». Он постоянно подчёркивал необходимость усилий. В «Евангелии Махарши» записано, как один преданный жаловался: «Покинув этот Ашрам в октябре, я дней десять был окутан тем миром, что царит в присутствии Шри Бхагавана. Всё это время, хотя я и был загружен своей работой, я ощущал подспудный покой Единства; это было какое-то двойственное состояние, как на скучной лекции, когда ты наполовину спишь. Но потом он исчез, и вместо него вернулись старые глупости». И Шри Бхагаван ответил: «Если вы укрепите ум, то этот покой станет постоянным. Его продолжительность пропорциональна силе ума, обретаемой регулярной практикой». В «Духовном наставлении» один преданный прямо указывал на очевидное противоречие между судьбой и усилием: «Если, как говорится, всё происходит согласно судьбе, то те препятствия, которые тормозят и мешают человеку успешно выполнять медитацию, должны считаться непреодолимыми, поскольку они созданы этой неодолимой судьбой. Как же тогда можно надеяться преодолеть их?» На это Шри Бхагаван ответил: «То, что называется „судьбой“, препятствующей медитации, существует только для направленного вовне, а не интровертного, ума. Поэтому тот, кто ищет Самость внутри, оставаясь тем, кто он есть, не пугается никаких препятствий, которые, как может показаться, стоят на пути его практики медитации. Сама мысль о таких препятствиях является величайшим препятствием».

Заключительное утверждение в его записке — «поэтому лучше всего хранить молчание» – относилось конкретно к его матери, поскольку она просила

невозможного. Если же брать общий смысл, то он в том, что «бесполезно лягать колючки», сопротивляясь судьбе, которую невозможно предотвратить; но это не значит, что не надо прилагать никаких усилий вообще. Человек, который говорит: «Всё предопределено, поэтому я не буду прилагать никаких усилий», ошибочно подразумевает: «И я-то знаю, что именно предопределено». Ведь может случиться, что его роль – сделать определённые усилия. Как сказал Шри Кришна Арджуне в "Бхагавад-Гите", его собственная природа вынудит его сделать усилие.

Мать вернулась домой, а Свами остался, как и был. И всё же не вполне так. За те два с четвертью года, что он провёл в храмах и святилищах Тируваннамала, уже появились первые признаки возвращения к внешне нормальной жизни. Он уже начал есть каждый день в определённое время и затем, чтобы ни от кого не зависеть, уходил на поиски провизии. Уже несколько раз он говорил. Он стал отвечать преданным, читать книги и излагать суть их учения.

Когда он только прибыл в Тируваннамалай, то сидел, погружённый в Блаженство Бытия, полностью игнорируя мир и тело. Он принимал пищу, только когда её клали ему в руки или в рот, и даже тогда её едва хватало для поддержания тела. Это описывают как *тапас*, но слово «тапас» имеет сложный смысл. Оно подразумевает сосредоточение, ведущее к аскезе, обычно как покаяние за прошлое потворство своим желаниям, а также искоренение всякого желания их повторения и сдерживание утекающей энергии, которая ищет выход в уме и чувствах. То есть тапас обычно означает стремление к Реализации посредством покаяния и аскезы. В случае Шри Бхагавана борьба, покаяние и насильное сдерживание полностью отсутствовали, поскольку ложное отождествление истинного «Я» с телом и проистекающая из этого привязанность к телу были уже разрушены. С его точки зрения, не было даже аскезы, поскольку он совершенно перестал отождествлять себя с телом, подвергающимся аскезе. Он намекнул на это в более поздние годы, сказав: «Я не ел, поэтому они говорили, что я пощусь; я молчал, и они говорили, что я *мауни*». Проще говоря, мнимая аскеза была не поиском Реализации, но его результатом. Он ясно сказал, что после духовного пробуждения в доме его дяди в Мадуре больше не было *садханы* (поиска или устремления).

Так же Шри Бхагаван не был и *мауни* в обычном смысле – соблюдающим обет молчания ради изоляции себя от окружающих. Не имея никаких мирских потребностей, он просто не имел нужды говорить; более того, он рассказывал, что как-то увидел одного *мауни* и ему пришло в голову, что молчание было бы хорошей защитой от беспокойства.

В начальный период своего пребывания в Тируваннамалае погружение в Блаженство часто отключало восприятие проявленного мира. Он рассказывал об этом в своём колоритном стиле:

– Иногда я открывал глаза, и было утро, иногда – вечер: я не знал, когда встаёт солнце и когда оно садится.

В какой-то степени это продолжалось, но теперь стало редкостью, а не обычным явлением. В более поздние годы Шри Бхагаван однажды сказал, что он часто слышал начало *параяны* (пения Вед), а затем конец, но был так поглощён, что ничего не слышал между ними и удивлялся, как они так быстро дошли до конца и не пропустили ли они чего-нибудь. Однако даже в первые месяцы пребывания в Тируваннамалае он часто полностью воспринимал события, и в последующие годы рассказывал о таких эпизодах этого периода, которые, как думали тогда люди, он не сознавал.

Полное погружение в Себя с последующим забвением проявленного мира называется *нирвикальпа самадхи*. Это состояние блаженного транса, но оно недолговременно. В «Евангелии Махарши» Шри Бхагаван сравнивает его с ведром воды, опущенным в колодец. В ведре есть вода (ум), которая сливается с водой в колодце (Самость), но верёвка и ведро (эго) всё ещё существуют и могут вытянуть ум-воду обратно. Высшим состоянием, полным и окончательным, является *сахаджа самадхи*, упомянутое в начале второй главы. Это чистое непрерывное Сознание, выходящее за пределы ментального и физического плана и всё же с полным осознанием проявленного мира и полным использованием ментальных и физических способностей, состояние совершенного равновесия, совершенной гармонии, превосходящее даже блаженство. Он сравнивает его с водами реки, сливающейся с водами океана. В этом состоянии эго со всеми его ограничениями раз и навсегда растворяется в Самости. Это абсолютная свобода, чистое Сознание, чистое «Я-есть», больше не ограниченное телом или индивидуальностью.

Шри Бхагаван уже находился в этом высшем состоянии, хотя внешнее сознание ещё не было непрерывным. Возвращение к внешней деятельности, пришедшее позже, было лишь кажущимся и не повлекло за собой никаких реальных изменений. Как он объяснил в «Евангелии Махарши»:

«В случае с *джняни* (Просветлённым) проявление или наличие у него эго является только кажущимся – он всегда наслаждается своим непрерывным, трансцендентальным опытом. Несмотря на это кажущееся возникновение или присутствие у него эго, он всегда удерживает своё внимание на Источнике. Такое эго безвредно; оно как остов сгоревшей верёвки – хотя у неё ещё есть форма, ей уже бесполезно что-то связывать».

6 Аруначала

Есть в этом пейзаже некая суровость. Валуны лежат так, словно их разбросала гигантская рука. Сухие изгороди колючек и кактусов, выжженные солнцем поля, небольшие холмы, выветренные, с измождёнными очертаниями; и всё же – огромные тенистые деревья вдоль пыльной дороги, а тут и там, около водоёма или колодца, яркая зелень рисовых полей. И поднимающаяся из этой грубой красоты гора Аруначала. Всего 800 метров высотой, она доминирует над местностью. С юга, со стороны Ашрама, она выглядит обманчиво просто – симметричная гора с двумя почти равными предгорьями. Чтобы сделать симметрию ещё более совершенной, по утрам её вершину украшает корона из белого облачка или дымки. Но удивительно, как меняется её внешний вид, когда вы идёте вокруг неё по тринадцатикилометровой дороге, по проложенному пути, с юга на запад, оставляя гору справа от себя; каждая её сторона имеет свой характер и символику – та, где слышно эхо, или та, где между двумя предгорьями едва видна вершина, словно Самость в промежутке между двумя мыслями, или та, где видны пять вершин – Шивы, Шакти и другие.

Священные *танки* отмечают восемь направлений пространства, а в разных значимых точках стоят *мантапамы* (простые каменные залы). Самый известный среди них – Дакшинамурти Мантапам, в южной точке, ибо Дакшинамурти – это Шива, наставляющий в молчании, и это и есть Аруначала.

«Кто тот, кто смотрит? Когда я искал внутри себя, я наблюдал, как исчезает тот, кто смотрит, и как остаётся то, что пережило смотрящего. Никакой мысли „я смотрю“ не возникало, как тогда могла возникнуть мысль „я не смотрю“? Кто способен передать это словами, когда даже ТЫ мог сделать это в древние времена лишь молчанием (явившись как Дакшинамурти)? Только для того, чтобы передать молчанием Своё Состояние, Ты стоишь как Гора, сияющая от небес до земли»¹.

Шри Бхагаван всегда поощрял *прадакшину* (обход) вокруг горы. Даже старых и немощных он не отговаривал, а лишь советовал идти медленно. Действительно, *прадакшину* нужно выполнять медленно, «словно беременная королева на девятом месяце». В безмолвной ли медитации, или с пением, или дудением в раковину, идти надо пешком, без всякого транспорта, и фактически босиком². Наиболее благоприятным временем являются Шиваратри, ночь Шивы, и Картикай, день, когда созвездие Картикай (Плеяды) находится в соединении с полной луной, приходящийся обычно на ноябрь. В эти периоды непрерывный поток преданных напоминает гирлянду, надетую на гору.

¹ «Восемь строф Шри Аруначале» (Аруначала Аштакам), часть 2.

² Переводчик этой книги не советует неподготовленному читателю совершать обход горы Аруначалы босиком, так как тропинки усеяны колючками.

Однажды по дороге, огибающей гору, ковылял на костылях пожилой калека. Раньше он часто ходил по ней, совершая *прадакшину*, но сейчас он покидал Тируваннамалай. Он чувствовал себя обузой для своей семьи; вспыхивали ссоры, и он решил оставить их и как-нибудь обжиться в деревне. Внезапно перед ним появился молодой брамин и, выхватив у него костыли, сказал: «Ты их не заслуживаешь». Прежде чем старик смог найти слова для нахлынувшего гнева, он осознал, что его ноги в порядке и костыли не нужны. Он не покинул Тируваннамалай; он остался там и был хорошо известен. Шри Бхагаван подробно рассказал эту историю некоторым преданным и отметил её сходство с той, что рассказывается в «Аруначала Стхала Пуране». В то время, когда случилась эта история, он был молодым Свами на горе, но никогда не признавался, что это он и появился как юный брамин.

Аруначала – одно из самых древних и священных мест в Индии. Шри Бхагаван провозгласил, что это сердце Земли, духовный центр мира. Шри Шанкара говорил о ней как о горе Меру. «Сканда Пурана» провозглашает: «Это святое место. Из всех святых мест Аруначала – самое священное. Это сердце всего мира. Знайте, что это тайный и священный Сердечный центр Шивы». Здесь жили многие святые, сливая свою святость со святостью горы. Говорят, и Шри Бхагаван это подтверждает, что в её пещерах до сих пор обитают *сиддхи* (мудрецы со сверхъестественными способностями), кто-то в физической оболочке, кто-то нет, а некоторые рассказывают, будто ночью видели их в виде огней, летающих по горе.

В *Пуранах* есть рассказ о происхождении горы. Однажды Вишну и Брахма стали спорить, кто из них главнее. Их ссора вызвала на земле хаос, поэтому *Дэвы* (божества) пошли к Шиве и попросили его разрешить их спор. В ответ Шива проявился в виде столба света, из которого раздался голос, объявивший, что тот, кто сможет найти основание либо вершину столба, является более великим. Вишну принял форму кабана и зарылся в землю, чтобы найти основание, в то время как Брахма обратился в лебедя и взмыл вверх, разыскивая его вершину. Вишну не смог достичь основания столба, но «начав видеть внутри себя Высший Свет, который пребывает в сердцах всех людей, стал погружаться в медитацию, забыв про физическое тело и даже не осознавая самого себя, того, кто искал». Брахма же увидел, как в воздухе, кружась, падает цветок сосны, и, решив победить обманом, вернулся с ним и заявил, что сорвал его с вершины.

Вишну признал своё поражение и обратился к Господу с хвалой и молитвой: «Ты – Самопознание. Ты – *ОМ*. Ты – начало, середина и конец всего сущего. Ты – всё и освещаешь всё вокруг». Он-то и был провозглашён великим, в то время как Брахма был пристыжен и признал свою вину.

В этой легенде Вишну олицетворяет это, или индивидуальность, Брахма – мышление, а Шива – Атман, Дух.

Далее рассказывается, что поскольку *лингам*, или столб Света, был слишком ослепителен для созерцания, вместо него Шива проявил себя как гора Аруначала, заявив: «Как луна получает свой свет от солнца, так и другие святые места будут

получать свою святость от Аруначалы. Это единственное место, где я принял такую форму для блага тех, кто хочет поклоняться мне и получить просветление. Аруначала – это сам *ОМ*. Я буду появляться на вершине этой горы каждый год на Картикай в виде дарующего мир маяка». Это относится не только к святости самой Аруначалы, но и к превосходству учения Адвайты и пути Самоисследования, центром которого является Аруначала. Этот смысл можно увидеть в высказывании Шри Бхагавана: «В конце концов каждый должен прийти к Аруначале».

Прошло более двух лет после его прибытия в Тируваннамалай, прежде чем Шри Бхагаван начал жить на Горе. До сих пор он останавливался в каком-нибудь святилище или в Храме. Только к концу 1898 года он поселился в маленьком храме на Павалакунру, освящённом много веков назад присутствием великого святого Гаутамы Риши, где его и нашла мать. Он никогда больше не покидал Аруначалу. В начале следующего года он перешёл в пещеру на самой Горе, а затем оставался в той или иной пещере до 1922 года, когда спустился к подножию Горы. Там вырос нынешний Ашрам, и там он провёл свои оставшиеся годы на земле.

Находясь на Горе, он почти всё время жил на восточном склоне. Нынешний Раманашрам расположен на юге от горы, рядом с Дакшинамурти *мантапом* (каменным залом). «Обращённый на юг» – это одно из 108 имён Бхагавана, которые сейчас ежедневно расппеваются в его святилище-*самадхи*. Это имя символизирует духовную власть вообще, поскольку *Садгуру* – это полюс, вокруг которого вращается мир, но также, в частности, это имя Дакшинамурти. Дакшинамурти – это Шива, наставляющий в безмолвии. В стихе, приведённом в начале этой главы, Шри Бхагаван отождествляет Аруначалу с Дакшинамурти; в следующем стихе он говорит о Рамане и Аруначале как об одном:

«У каждого существа, начиная с Вишну и далее, в глубине сердца есть тайник, похожий на лотос, где сияет абсолютное сознание, *Параматман* (Высший Дух), который является тем же, что и Аруначала или Рамана. Когда ум тает от любви к нему, к *Параматману*, и достигает самой сокровенной глубины сердца, где *Параматман* пребывает как возлюбленный, открывается тонкое око абсолютного сознания, и он выказывает себя как чистое Знание».

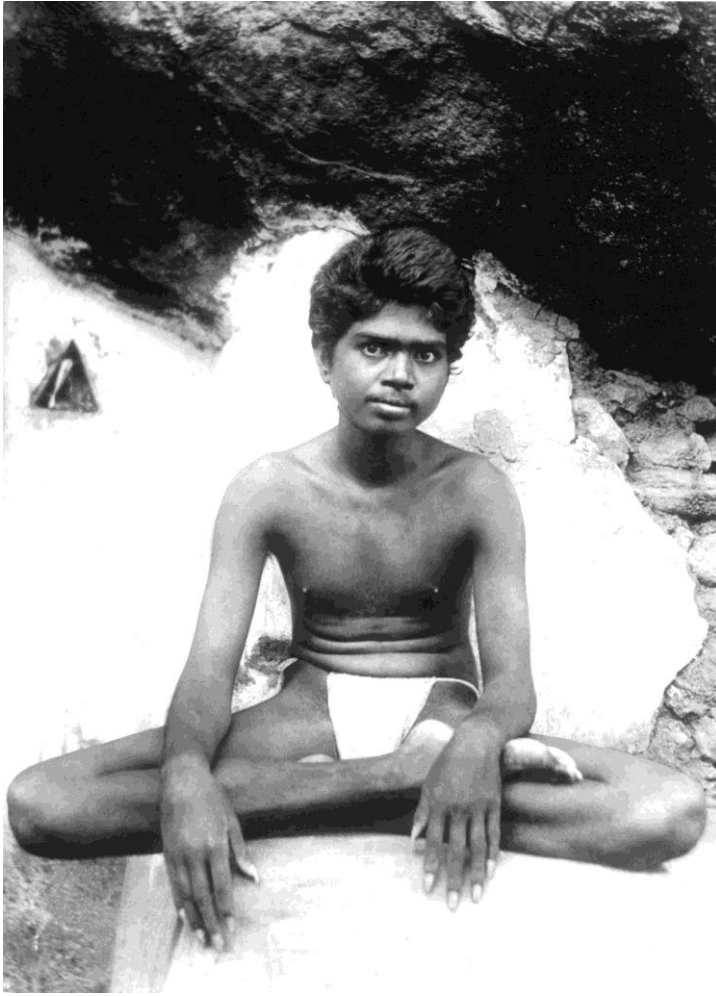
Первая пещера, в которую пришёл Шри Бхагаван и в которой он пробыл дольше всего, находится на восточном склоне. Она называется Вирупакша в честь святого, который жил и был похоронен там, вероятно, в шестнадцатом веке. Она имеет странную форму, напоминающую священный слог *ОМ*, и говорят, что внутри можно услышать сам звук *ОМ*.

Попечители *матха* (святилища) Вирупакши, жившие в городе, имели также и право собственности на пещеру и могли взимать небольшую плату с паломников, ежегодно посещавших её на празднество Картикай. Когда Шри Бхагаван пришёл туда, эта практика временно прекратилась, потому что право собственности на пещеру оспаривали две группы и между ними ожидалась тяжба. Когда дело разрешилось, удачливая сторона возобновила сбор платы, но к тому времени поток посетителей

стал гораздо больше и был непрерывным в течение года, а не только на Картикай; и поскольку именно присутствие Шри Бхагавана привлекало их, то в результате плата стала некой пошлиной за доступ к нему. Чтобы не допустить этого, он вышел из пещеры и сел под деревом перед ней. В ответ сборщик платы переместил границу доступа, чтобы она включала и дерево тоже. Поэтому Шри Бхагаван ушёл оттуда в пещеру Садгурусвами, ниже по склону, а затем, после короткой остановки там, в другую пещеру. Поток посетителей к пещере Вирупакша прекратился, и её владельцы, обнаружив, что они только побеспокоили Свами без всякой выгоды для себя, попросили его возвратиться, и пообещали не взимать плату, пока он будет жить в пещере. С этим условием Махарши вернулся.

В летние месяцы в пещере Вирупакша становится невыносимо жарко. Недалеко от пещеры Вирупакша есть танк (искусственный водоём) Мулапай Тирта, возле которого есть пещера более прохладная и где есть запас чистой питьевой воды. Над ней возвышается тенистое манговое дерево, от которого пошло её название – Манго-пещера. Два брата, преданные Шри Бхагавана, снесли нависающую скалу и возвели переднюю стену с дверью, и он занимал Манго-пещеру в жаркие месяцы.

В 1900 году, вскоре после того, как Шри Бхагаван поселился на горе, в Тируваннамалай из Кумбаконама приехал почитатель по имени Налла Пиллай и сфотографировал его. Это самый ранний портрет Бхагавана, которым мы располагаем. На нём мы видим лицо прекрасного юноши, почти ребёнка, но с силой и глубиной Бхагавана.

В первые годы пребывания на горе Шри Бхагаван всё ещё хранил молчание. Его сияние уже собрало вокруг него группу преданных, и появился Ашрам. К нему тянулись не только искатели истины, но и простые люди, дети, даже животные. Малыши из города поднимались по склону к пещере Вирупакша, садились рядом с ним, играли возле него и возвращались домой счастливыми. Белки и обезьяны подходили к нему и ели прямо из его рук.

Время от времени он писал разъяснения и наставления для своих учеников, и то, что он не разговаривал, не мешало их обучению, потому что как тогда, так и позднее, когда он возобновил речь, его настоящее учение было через молчание, в традиции Дакшинамурти, традиции, примером которой были в Китае Лао Цзы и ранние даосские мудрецы. «То Дао, которое можно назвать, не есть Дао» — знание, которое можно сформулировать, не есть истинное Знание. Это безмолвное учение было прямым духовным воздействием, которое ум впитывал и позже интерпретировал в соответствии со своими способностями. Так описал его первый европейский посетитель:

«Достигнув пещеры, мы сели у его ног, прямо перед ним, и ничего не говорили. Мы просидели так довольно долго, и я стал чувствовать, что выхожу за пределы себя. В течение получаса я смотрел в глаза Махарши, которые никогда не меняют своего выражения глубокого созерцания. Я начинал понемногу осознавать, что

его тело – это Храм Святого Духа; я чувствовал только, что оно не является человеком: это орудие Бога, просто сидящий, неподвижный труп, из которого мощно излучается Бог. Мои собственные чувства были неопишуты»¹.

Другой западный посетитель, Пол Брантон, который пришёл скорее скептиком, чем сторонником, так описал первое воздействие молчания Шри Бхагавана на его ум.

«Я издавна считал, что душу человека можно прочесть в его глазах. Но перед очами Махарши я колеблюсь, озадаченный и сбитый с толку...

Я не могу отвести взгляда от него. Моё первоначальное замешательство, моё недоумение от того, что меня полностью игнорируют, медленно исчезает, в то время как это странное очарование начинает захватывать меня всё сильнее. Но только на втором часу этой необычной сцены я осознаю безмолвную, неодолимую перемену, происходящую в моём уме. Один за другим отпадают вопросы, которые я с такой тщательностью готовил в поезде. Ибо теперь, по-видимому, уже не имеет значения, задам ли я их, как не имеет значения, решу ли я те проблемы, которые до сих пор беспокоили меня. Я знаю только, что рядом со мной, кажется, течёт размеренная река покоя, что великий мир проникает во все уголки моего существа и что мой измученный мыслями мозг начинает получать передышку».

Благодать Бхагавана приносила мир не только беспокойному уму интеллектуала, но и убитому горем сердцу. Эчаммал, как её называли в ашраме (её прежнее имя было Лакшмиаммал), была счастливой женой и матерью и жила в деревне Мандаколатхур, но ещё до того, как ей исполнилось двадцать пять, она потеряла сначала мужа, потом единственного сына, а потом единственную дочь. Ошеломлённая своей утратой, терзаемая воспоминаниями, она не находила себе покоя. Она больше не могла выносить то место, где была счастлива, людей, среди которых была счастлива. Думая, что это поможет ей забыться, она отправилась в Гокарнам, штат Бомбей, чтобы служить там святым людям, но вернулась оттуда такой же убитой горем. Знакомые рассказали ей о молодом Свами в Тируваннамалае, который дарует мир тем, кто в нём нуждается. Она тотчас же отправилась в путь. У неё были родственники в этом городе, но она не стала заходить к ним, потому что один их вид мог вызвать горькие воспоминания. Вместе с подругой она поднялась на гору к Свами. Она молча встала перед ним, ничего не сказав о своём горе. В этом не было необходимости. Сострадание, сияющее в его глазах, исцеляло её. Она простояла так целый час, не произнеся ни слова, а потом повернулась и пошла вниз, в город, и её шаги были легки, а бремя горя исчезло.

С тех пор она навещала Свами каждый день. Он был солнцем, которое разогнало её тучи. Теперь она даже могла вспоминать своих близких без горечи. Остаток своей жизни она провела в Тируваннамалае. Она смогла купить там небольшой дом — отец

¹ Из письма, написанного Ф. Х. Хамфрисом своей подруге в Лондоне и опубликованного ею в Лондонской «Международной психической газете».

оставил ей немного денег, и братья помогали, – и многие приезжие преданные пользовались её гостеприимством. Она ежедневно готовила пищу для Шри Бхагавана – что означало для всего ашрама, потому что он не принимал ничего, что нельзя было разделить поровну между всеми. Пока позволяли возраст и здоровье, она сама носила пищу на гору и никогда не ела, пока не обслужит ашрамитов. Со временем их стало намного больше, и её вклад превратился в небольшую часть общей трапезы, но если она задерживалась, Шри Бхагаван ждал, когда она придёт, чтобы не расстраивать.

Несмотря на всё горе, через которое она прошла, и обретённый ею покой, в ней ещё было достаточно материнства, чтобы привязаться снова, и она взяла приёмную дочь, не без позволения Шри Бхагавана. Когда пришло время, она устроила её брак и порадовалась рождению внука, которого назвала Раманой. И вот однажды, совершенно неподготовленная, она получила телеграмму о том, что её приёмная дочь умерла. Старое горе снова обрушилось на неё. Она бросилась с телеграммой на гору, к Шри Бхагавану. Он прочёл её со слезами на глазах, и она, успокоенная, но всё ещё печальная, отправилась на похороны. Она вернулась с младенцем Раманой и дала его в руки Шри Бхагавану. В его глазах снова стояли слезы, когда он держал ребёнка, и его сострадание принесло ей покой.

Эчаммал практиковала йогическое сосредоточение, в которое была посвящена одним северо-индийским гуру. Она фокусировала взгляд на кончике своего носа и иногда часами неподвижно сидела в экстатическом созерцании света, который появлялся перед ней, не обращая внимания на тело. Шри Бхагавану сказали об этом, но он ничего не ответил. Наконец, она сама рассказала ему, и он отсоветовал от этой практики. «Эти огни, которые ты видишь снаружи, не являются твоей настоящей целью. Ты должна стремиться к осознанию своего «Я», и только к этому». После этого она оставила свои прежние методы и стала полагаться только на Шри Бхагавана.

Однажды в пещере Вирупакша со Шри Бхагаваном беседовал некий Шастри из Северной Индии, когда появилась Эчаммал с едой, взволнованная и дрожащая. Её спросили, в чём дело, и она рассказала, что когда она проходило мимо пещеры Садгурусвами, ей показалось, будто около тропы стоят Шри Бхагаван и какой-то незнакомец. Она продолжила свой путь, но услышала голос: «Зачем тебе идти дальше, когда я здесь?» Она обернулась, но там никого не было. Она в страхе поспешила в ашрам.

– Что, Свами! – воскликнул Шастри. – Во время беседы здесь со мной вы проявляетесь на дороге для этой дамы! Мне вы такого знака Милости не выказываете.

И Шри Бхагаван объяснил, что видения Эчаммал были вызваны её постоянной концентрацией на нём.

Она была далеко не одна, кто имел видение Шри Бхагавана, хотя я не знаю другого случая, чтобы такое видение вызвало страх. Много лет спустя в ашрам у подножия

горы (Раманашрам) приехал один пожилой джентльмен с Запада. После обеда он отправился исследовать гору, но заблудился. Уставший от жары и физической нагрузки, не зная, куда идти, он был в отчаянном положении, когда вдруг мимо прошёл Шри Бхагаван и показал ему обратную дорогу в ашрам. Когда он вернулся, люди уже волновались и стали его спрашивать, что случилось. «Я просто вышел прогуляться по горе, – сказал он им, – и заблудился. Жара и нагрузка были слишком велики для меня, и мне стало нехорошо. Не знаю, что бы я делал, если бы Бхагаван не проходил мимо и не направил меня в ашрам». Они были изумлены, потому что Бхагаван в тот день вообще не покидал Холл.

Рудра Радж Панде, директор колледжа Три-Чандра в Катманду, Непал, прежде чем покинуть Тируваннамалай, отправился с другом на богослужение в Великий Храм.

– Внутренние ворота храма были распахнуты настежь, и мой проводник провёл нас вглубь, где было довольно темно. В нескольких метрах перед нами мерцал маленький промасленный фитиль. Молодой голос моего спутника воззвал «Аруначала!» Всё моё внимание было направлено на одну цель – увидеть образ или *Лингам* (который символизирует Верховного Господа, вечного и непроявленного) в Sanctum Sanctorum (Святая Святых). Но, как ни странно, вместо Лингама я вижу образ Махарши Бхагавана Шри Раманы, его улыбающееся лицо, его сверкающие глаза, устремлённые на меня. И что ещё более странно, я вижу не одного Махарши, не двух, не трёх — в сотнях я вижу ту же улыбку, те же сияющие глаза, вижу их везде, куда бы ни посмотрел в этом святилище. Мои глаза улавливают не полную фигуру Махарши, но лишь улыбающееся лицо, выше подбородка. Я в восторге и вне себя от невыразимой радости — как можно описать словами то блаженство и спокойствие ума, что я тогда испытал? Слёзы радости текли по моим щекам. Я пошёл в храм, чтобы увидеть Господа Аруначалу, а нашёл живого Господа, каковым он милостиво явил себя. Я никогда не забуду тот глубокий интимный опыт, который пережил в древнем храме»¹.

Тем не менее Шри Бхагаван никогда не поощрял интереса к видениям или желание их получить, и они приходили не ко всем преданным или ученикам.

Одним из самых преданных приверженцев Шри Бхагавана в то время был Сешадри Свами, тот самый Сешадри, который отгонял школьников, когда Брахмана Свами только приехал в Тируваннамалай. Сейчас он жил на горе, ниже пещеры Вирупакша, и часто навещался туда. Он достиг высокого духовного состояния и обладал грацией и красотой, что видно на сохранившихся портретах. В нем было что-то птичье и отчуждённое. Он не всегда был доступен; он редко общался, а когда говорил, его речь часто была загадочной. Он ушёл из дома в возрасте семнадцати лет и получил посвящение в *мантры* (священные формулы) и *джану* (заклинания), которые развивают оккультные силы, и иногда просиживал всю ночь на кладбище, призывая *шакти* (творческую энергию).

¹ См.: *Golden Jubilee Souvenir*, 2nd edition, p. 166.

Он не только всегда поощрял преданных идти к Раманасвами, как он его называл, но и иногда отождествлял себя с ним. Он умел читать мысли, и если Шри Бхагаван говорил что-нибудь преданному, Сешадри мог сказать: «Я говорил тебе то-то и то-то, почему ты спрашиваешь снова?» или «Почему ты этого не делаешь?» Он очень редко давал посвящение в какую-нибудь мантру, и если проситель уже был почитателем Раманасвами, он всегда отказывал, веля ему оставаться там, где была высшая *упадеша* – безмолвное руководство.

В одном редком случае он фактически призвал преданного заняться активной *садханой*, поиском просветления. Это был некий Субрамания Мудали, который вместе со своей женой и матерью тратил большую часть дохода на приготовление пищи для *садху*, отрёкшихся от мира. Подобно Эчаммал, они ежедневно приносили пищу Шри Бхагавану и его ашраму, а также Сешадри Свами, когда могли найти его, и в то же время Субрамания был землевладельцем и участвовал в судебных тяжбах, пытаясь увеличить свою собственность. Сешадри Свами, скорбя о том, что столь преданный человек так привязан, советовал ему оставить эти хлопоты и полностью посвятить себя служению Богу и стремлению к духовному развитию.

– Посмотри, – сказал он, – у моего младшего брата доход в десять тысяч рупий, а у меня – тысяча; почему бы тебе не попытаться получить доход хотя бы в сто рупий?

«Младшим братом» был Раманасвами, а «доходом» – духовное достижение. Когда выяснилось, что Субрамания всё ещё держится за старое, Сешадри Свами стал настойчив и предупредил его, что он совершает смертный грех, убивая *Брахман*. Имея большее доверие Шри Бхагавану, Субрамания спросил его, правда ли это, и Шри Бхагаван объяснил: «Да, можно сказать, что вы совершаете убийство *Брахмана*, если не осознаёте, что вы – *Брахман*».

Однажды Сешадри Свами сидел в пещере мангового дерева, пристально глядя на Шри Бхагавана, чтобы прочесть его мысли; однако ум Шри Бхагавана, погружённый в спокойствие Духа, не проявлял ни намёка на мысль, поэтому он был сбит с толку и сказал: «Непонятно, о чём думает этот человек».

Шри Бхагаван продолжал молчать. После паузы Сешадри Свами добавил: «Если человек поклоняется Господу Аруначале, Он дарует ему спасение».

И тогда Бхагаван спросил: «Кто поклоняется и кому?»

Сешадри Свами рассмеялся: «Как раз это и неясно».

В ответ Шри Бхагаван подробно изложил учение о едином «Я», проявленном во всех формах Вселенной и всё же непроявленном и совершенно неизменном, о Единой Реальности и «Я» того, кто поклоняется. Сешадри Свами терпеливо слушал, а в конце встал и сказал: «Не знаю. Для меня всё это – тёмный лес. В любом случае я – поклоняюсь».

С этими словами он повернулся к вершине горы, несколько раз простёрся перед ней и ушёл.

И всё же Сешадри Свами тоже иногда говорил с точки зрения единства, рассматривая все вещи как проявления Духа; но независимо от точки зрения, его высказывания сопровождалось суховатым, саркастичным юмором. Однажды некий Нараянсвами застал его стоящим и уставившимся на буйвола, и спросил:

– На что смотрит Свами?

– Я смотрю на это.

– Свами смотрит на буйвола? – настаивал он.

И тогда, указывая на буйвола, Сешадри Свами сказал:

– Скажи мне, что это такое!

– Это буйвол, – простодушно ответил Нараяна, после чего Сешадри взорвался:

– Это буйвол? Буйвол? Сам ты буйвол! Называй его Брахман! – Сказав это, он повернулся и ушёл.

Сешадри Свами умер в январе 1929 года. Как это принято со Святыми, его тело не кремировали, а похоронили в земле. Шри Бхагаван стоял рядом и молча наблюдал. Он до сих пор почитается в Тируваннамалае, и в годовщину его смерти его портрет носят в процессии через весь город.

В первые годы пребывания Шри Бхагавана на горе постепенно шёл процесс его возвращения к внешней деятельности. Он начал ходить и исследовать гору, читать книги и писать их толкование. Некий Падманабха Свами, известный также как Джатай Свами из-за своих спутанных волос, имел ашрам на горе и держал там ряд санскритских книг по духовному знанию и прикладным наукам с духовной основой, таким как *аюрведа* (традиционная индуистская медицина). Шри Бхагаван посещал его и просматривал их, сразу же овладевая их содержанием и так фиксируя в памяти, что мог не только повторить текст, но и указать главу и номера стихов. Падманабха Свами часто обращался к нему как к авторитету, когда обсуждали какой-нибудь доктринальный вопрос.

В *Пуранах* рассказывается, что на северном склоне Аруначалы, в почти недоступном месте недалеко от вершины, под баньяновым деревом сидит *Сиддха* Пуруша (мудрец со сверхъестественными силами), известный как йог Арунагири, наставляя в тишине. В Великом храме Тируваннамалае есть святилище, или *мантапам*, посвящённое ему. Эта история из *Пуран* указывает на то, что благодать Аруначалы, направляющая людей через *мауна дикшу* (безмолвное посвящение) на путь Самоисследования к Освобождению, хотя и всегда могущественная, стала недоступной для людей в этот духовно тёмный век. Тем не менее символический смысл этой истории не делает её менее правдивой в буквальном смысле. Однажды, примерно в 1906 году, Шри Бхагаван бродил по северному склону горы, когда в пересохшем ручье увидел огромный лист баньяна, такой большой, что на нём можно было подавать еду. Предположив, что его унесло вниз водой, и желая увидеть дерево, на котором растут такие листья, он решил позже подняться по руслу ручья.

Преодолев крутые, труднопроходимые участки, он добрался до места, откуда увидел большую плоскую скалу и на ней баньян, который искал, огромный и темно-зелёный. Он изумился, увидев, что такое дерево растёт на почти голой скале. Он продолжил карабкаться, но когда был уже совсем близко, потревожил ногой осиное гнездо. Осы в ярости набросились на ногу обидчика. Шри Бхагаван стоял смиренно, пока они не закончили, покорно принимая справедливое наказание за то, что разрушил их дом; он воспринял это как знак завершить поход и поэтому вернулся в пещеру. Преданные уже начали беспокоиться, что он так долго отсутствует. Когда они увидели его, то были поражены состоянием его ноги, распухшей и воспалённой. Хотя он и указал, где находится почти недоступное баньяновое дерево, но никогда больше не пытался добраться до него и отговаривал любых преданных, кто хотел это сделать.

Однажды группа почитателей, среди которых был англичанин по имени Томсон, решила всё-таки найти его. Какое-то время они поднимались довольно беззаботно, но потом оказались в таком опасном месте, что не осмеливались идти ни вверх, ни вниз. Они взмолились Бхагавану о помощи и каким-то образом благополучно вернулись в ашрам. Больше они не пытались. Были и другие, кто пробовал дойти, но безуспешно.

Даже если Шри Бхагаван мог не одобрять какое-либо действие, он очень редко прямо запрещал его. Понимание приемлемого и неприемлемого должно было прийти изнутри. В данном случае его преданным явно не следовало пытаться сделать то, от чего их Учитель воздержался.

Было время, когда Шри Бхагаван часто бродил по горе, а также поднимался на вершину и совершал *прадакшину* (обход горы по кругу), так что знал все её закоулки. Однажды, когда он гулял один, ему навстречу попала старуха, собиравшая хворост. Она выглядела как обычная женщина из неприкасаемых, но обратилась к молодому Свами бесстрашно, как к равному. Начав с грубых ругательств, обычных для таких людей, она сказала: «Пусть тебя бросят в погребальный костёр! Почему ты бродишь на таком жарком солнце? Почему тебе не сидится спокойно?»

«Она не могла быть обычной женщиной, – сказал Шри Бхагаван, повествуя об этом преданным. – Кто знает, кем она была?» Конечно, обыкновенная женщина из неприкасаемых не осмелилась бы так разговаривать со Свами. Преданные восприняли её как проявление Арунагири *сиддхи*, Духа Аруначалы. С этого времени Шри Бхагаван перестал гулять по горе.

Когда Шри Бхагаван только прибыл в Тируваннамалай, он иногда передвигался в состоянии транса, как уже было описано. Такое случалось до 1912 года, когда у него было окончательное и полное переживание смерти. Однажды утром он отправился из пещеры Вирупакша в Пачайамман Койл в сопровождении Паланисвами, Васудевы Шастри и других. Там он принял масляную ванну¹ и на обратном пути уже

¹ «Ванной» в данном случае называют поливание на голову из сосуда.

приближался к Черепашьей скале, когда внезапно его охватила физическая слабость. Впоследствии он полностью описал произошедшее.

«Пейзаж передо мной исчез, словно его закрыл яркий белый занавес, который протянули перед моими глазами. Я отчётливо видел этот постепенный процесс. Был этап, когда я ещё мог ясно видеть часть пейзажа, в то время как остальное уже было скрыто надвигающейся завесой. Это было как протягивание слайда в стереоскопе. Ощувив это, я остановился, чтобы не упасть. Когда перед глазами прояснилось, я пошёл дальше. Темнота и слабость охватили меня во второй раз, и я прислонился к скале, пока вновь не прояснилось. Когда это случилось в третий раз, я решил, что безопаснее сидеть, и присел у скалы. Затем яркий белый занавес полностью закрыл мне зрение, голова закружилась, а кровообращение и дыхание остановились. Кожа стала мертвенно-синей. Это был обычный оттенок для умершего, и он становился всё темнее. Васудева Шастри действительно принял меня за мёртвого, обхватил руками и начал громко рыдать и оплакивать мою смерть.

Я отчётливо чувствовал его объятия и дрожь, слышал его причитания и понимал смысл его слов. Я также заметил, что моя кожа теряет цвет, и почувствовал остановку кровообращения и дыхания, а также нарастающий озноб в конечностях. Мой обычный поток сознания продолжался и в этом состоянии. Я ничуть не испугался и не испытывал никакой печали по поводу состояния тела. Я сидел возле скалы в своей обычной позе, закрыв глаза, и не прислонялся к ней. Тело, оставшееся без кровообращения и дыхания, сохраняло это положение. Такое состояние продолжалось минут десять-пятнадцать. Затем тело внезапно содрогнулось, и кровообращение оживило с огромной силой, и дыхание тоже, и тело полностью покрылось испариной. На коже вновь появился цвет жизни. Я открыл глаза, поднялся и сказал: „Ну что, пойдёмте“. Мы без дальнейших затруднений добрались до пещеры Вирупакша. Это был единственный приступ, когда прекратились и кровообращение, и дыхание».

Позже, чтобы не было неправильных трактовок, которые уже начали распространяться, он добавил:

«Я не вызывал этот приступ нарочно; у меня не было желания посмотреть, как это тело будет выглядеть после смерти; и я не говорил, что не оставлю это тело без предупреждения. Это был один из тех приступов, которые случались у меня время от времени, только на этот раз он принял очень серьёзную форму».

Что было, пожалуй, самым поразительным в этом переживании, так это то, что Шри Бхагаван снова показал, усилив это реальной, физической демонстрацией, что он – Дух, не затрагиваемый смертью, каковой факт составил основу его духовного пробуждения. Здесь можно вспомнить стих Таюманавара, тамильского классика, которого Шри Бхагаван часто цитировал: «Когда ты побеждён обширным Пространством, у которого нет ни начала, ни конца, ни середины, в этом и есть осознание недвойственного Блаженства».

Возможно, это переживание и отметило окончательное возвращения Шри Бхагавана к полной внешней нормальности. Трудно обрисовать, насколько нормальным и человеческим он был в своём образе жизни, и всё же это необходимо сделать, ибо описание его прежней аскезы может представить Махарши мрачным и отталкивающим. Напротив, его манеры были естественны и свободны от всякого стеснения, и новоприбывший сразу чувствовал себя с ним непринуждённо. Его разговор искрился юмором, а смех был так заразителен, был так по-детски непосредственен, что к нему присоединялись даже те, кто не понимал языка. Всё у него и в ашраме было чистым и опрятным. Когда был основан постоянный ашрам, жизнь в нём шла по расписанию, строгому, как работа в офисе. Часы шли с точностью до минуты, календари были в полном порядке. И ничто не пропадало зря. Я видел, как служителя упрекали за то, что он взял новый лист бумаги, чтобы переплести книгу, когда другой лист уже был порезан для этой задачи. И с едой так же: когда он заканчивал есть, на его тарелке не оставалось ни зёрнышка риса. Очистки от овощей не выбрасывали, а оставляли для скота.

В нём были простота непосредственности и скромность. Одна из немногих вещей, которая вызывала у него гнев, была ситуация, когда те, кто разносил еду, давали ему больше какого-нибудь угощения, чем другим. Он не любил, что люди вставали, когда он входил в холл, и делал им лёгкий жест, чтобы они оставались сидеть. Однажды днём он медленно спускался по склону холма к ашраму, высокий, золотистый, уже седовласый и хрупкий, слегка сутулясь и тяжело опираясь на трость из-за ревматизма; с ним был невысокий смуглый слуга. Один из преданных шёл сзади, поэтому он отступил на обочину тропы и сказал: «Вы моложе и идёте быстрее; идите первым». Небольшая вежливость, но так много она значит, когда идёт от Учителя к ученику.

Можно было бы продолжать до бесконечности. Некоторые из этих моментов будут упомянуты позже, но сейчас, говоря о полном возвращении к нормальному образу жизни, необходимо указать, насколько нормальным, насколько в высшей степени человеческим и милостивым этот образ жизни был.

7 Непротивление

Для религии, которая принята государством в качестве официальной, доктрина «непротивления злу насилием», наверное, невозможна, поскольку в каждой стране должны быть суд и полиция, а также (по крайней мере в современных условиях) своя армия. Однако любая религия имеет два уровня обязанностей: минимальный — для широкого круга последователей и для страны, где она установлена, и полный — для тех, кто посвящает всего себя предписанному ею пути и кто в поисках Высшего блаженства рассматривает любые мирские блага как ничтожные. Только в этом втором и более высоком смысле и прокладывал путь Шри Бхагаван, и поэтому себе и своим последователям он мог сказать: «Не противьтесь злumu». То, что он провозглашал, было не социальным законом для общества, но образом жизни для тех, кто следовал за ним. Это возможно только для тех, кто подчинился воле Бога и принимает всё, что приходит, как правильное и необходимое, даже если это может быть несчастьем по мирским стандартам. Однажды Шри Бхагаван сказал одному преданному: «Ты благодаришь Бога за всё хорошее, что приходит к тебе, но не благодаришь его за то, что кажется тебе плохим; вот где ты ошибаешься».

Можно возразить, что такая простая вера очень отличается от учения о Единстве, которому учил Шри Бхагаван, но эти теории могут вступать в противоречие только на ментальном уровне. Он сказал: «Подчинение Богу, Гуру или Самости – вот всё, что нужно». Как будет показано в следующей главе, эти три вида подчинения на самом деле не отличаются друг от друга. Здесь достаточно сказать, что для того, кто придерживается идеи, что существует только единое «Я», вся внешняя деятельность представляется сном или кинофильмом, разыгрываемым на экране Самости, а сам он остаётся бесстрастным свидетелем. Такова была позиция Шри Бхагавана в тех редких случаях, когда ему угрожало зло или насилие.

Рядом с Гурумуртамом росли тамариндовые деревья, и когда он жил там, то иногда сидел под одним из них. Однажды, когда вокруг никого не было, явилась шайка воров, чтобы украсть поспевшие стручки тамаринда. Увидев молодого Свами, в молчании сидящего у подножия дерева, один из них сказал: «Выжмем немного кислого сока и плеснём ему в глаза; посмотрим, как он разговорится». Этот сок может ослепить человека, не говоря уже о сильной боли, которую он может причинить, но Свами сидел неподвижно, одинаково безучастный как в отношении своих глаз, так и в отношении плодов тамаринда. Другой член группы ответил: «Ой, да бог с ним! Как он может нам навредить? Давайте займёмся своим делом».

В первые годы жизни на горе периодически случались попытки сопротивления или противостояния. В странном мире *садху*, где одни были простыми обманщиками, а другие всё же продвигались на духовном плане и развивали психические силы, но при этом не избавились до конца от своих низших страстей, можно было ожидать, что сияние Божественности, которое преданные признавали в человеке, столь юном

годами, в некоторых пробудит негодование, хотя большинство всё таки преклонялись и искали его Милости.

В одной пещере на горе обитал пожилой *садху*, который проявлял большое почтение к Шри Бхагавану, пока тот находился в Гурумуртаме. После перехода в Вирупакшу Шри Бхагаван иногда навещал его и сидел с ним в тишине. Этот *садху* вёл аскетичную жизнь и имел последователей; тем не менее он был так далёк от победы над своими страстями, что не мог вынести, что число последователей молодого Свами увеличивалось, а его собственных уменьшалось. Решив убить Шри Бхагавана или хотя бы прогнать его с горы, он спрятался на склоне над Вирупакшей и после захода солнца стал сталкивать вниз большие камни. Шри Бхагаван сидел невозмутимо, хотя один камень прокатился совсем близко от него. Всегда наблюдательный, он хорошо знал, что происходит, и в какой-то момент быстро и бесшумно взобрался по склону и застиг старика на месте преступления. Но даже разоблачённый, тот пытался отшутиться, сказав, что это был розыгрыш.

Потерпев неудачу, *садху* заручился поддержкой некоего Балананды, проходимца с даром убеждения, красивого и начитанного, который навязывался людям под видом *садху*. Этот человек решил извлечь выгоду и заработать славу на имени Шри Бхагавана. Справедливо полагая, что молодой Свами слишком свят, чтобы противостоять злу, он начал выдавать себя за его гуру. Он говорил посетителям: «Этот юный Свами – мой ученик» или «Да, дайте ребёнку немного сладостей»; а обращаясь к Шри Бхагавану: «Вот, Венкатараман, дитя моё, возьми эти сладости». Или он мог поддержать свой фарс, сделав вид, что отправляется в город за покупками для своего так называемого ученика. Его бесстыдство было так велико, что он откровенно говорил Шри Бхагавану, когда оставался наедине с ним: «Я скажу, что я твой гуру, и получу деньги с посетителей. Тебе это ничего не будет стоить, поэтому не перечь мне».

Самонадеянность и нахальство этого человека не знали границ, и однажды ночью он дошёл до того, что испражнился на веранде пещеры. На следующее утро он ушёл рано, оставив в пещере свою запасную одежду, в том числе шёлковую с кружевной каймой. Шри Бхагаван ничего не сказал. В то утро он вместе с Паланисвами отправился на долгую прогулку к одному из священных танков, и прежде чем они ушли, Паланисвами вымыл веранду, выбросил одежду Балананды и запер пещеру.

Балананда был в ярости, когда вернулся. Он набросился на Паланисвами за то, что тот осмелился дотронуться до его одежды, и приказал Шри Бхагавану немедленно выгнать его. Никто из них не ответил и не обратил на это никакого внимания. В ярости Балананда плюнул на Шри Бхагавана. Но и тогда Шри Бхагаван остался сидеть бесстрастно. Ученики, которые были с ним, тоже сидели тихо, не реагируя. Однако один преданный из пещеры внизу услышал об этом и бросился вверх с криком: «Ты! Как ты смеешь плевать на нашего Свами!», и его едва удержали, чтобы он не накинулся на этого негодяя. Балананда понял, что зашёл слишком далеко, и ему лучше покинуть Тируваннамалай. Он объявил, что гора – неподходящее для него место, и удалился со своим обычным апломбом. Придя на вокзал, он без билета

вошёл в купе второго класса. В том же купе сидела молодая пара. Он принялся отчитывать молодого человека и приказывать ему, а когда тот не обратил на него никакого внимания, оскорбился и сказал: «Ты что, не слушаешь меня? Из-за своего увлечения этой девушкой ты не проявляешь ко мне должного уважения!» Разгневанный молодой человек тут же снял сандалию и с её помощью устроил ему взбучку, в которой тот давно нуждался.

Через несколько месяцев Балананда вернулся и снова заработал себе неприятности. Однажды он настоял на том, чтобы сидеть неподвижно, глядя в глаза Шри Бхагавану, чтобы, как он утверждал, дать ему *нирвикальна самадхи* (духовный транс), но случилось так, что он сам заснул, а Шри Бхагаван и его ученики ушли. Вскоре после этого общее отношение к нему стало таким, что он снова счёл более безопасным ретироваться.

Был ещё один «садху», который пытался завоевать престиж, выдавая себя за гуру молодого Свами. Вернувшись из Калахасты, он сказал:

– Я проделал весь этот путь только для того, чтобы посмотреть, как у тебя идут дела.
Я посвящу тебя в *мантру* Даттатрейи.

Шри Бхагаван не двигался и не отвечал, и поэтому он продолжил:

– Бог явился мне во сне и приказал мне дать тебе эту *упадешу*.
– Ну тогда, – возразил Шри Бхагаван, – пусть Бог явится во сне и мне и прикажет принять эту *упадешу*, и тогда я её приму.
– Нет, она очень короткая — всего несколько букв; ты можешь начать прямо сейчас.
– Какая мне польза от вашей *упадешу*, если я не практикую *джану*? Найдите для этого подходящего ученика. Я не из них.

Некоторое время спустя, когда этот *садху* медитировал, у него было видение Шри Бхагавана, который сказал: «Не обманывайся!» Испугавшись и думая, что Шри Бхагаван, должно быть, обладает силой, которую использовал против него, *садху* поспешил к Вирупакше, чтобы извиниться и попросить освободить его от этого видения. Шри Бхагаван заверил его, что не использовал никаких сил, и *садху* увидел, что в нём не было ни гнева, ни обиды.

Ещё одна попытка устроить смуту была предпринята группой пьяных *садху*. Появившись однажды в пещере Вирупакша, они торжественно провозгласили: «Мы *садху* с горы Подикай¹, священной горы, на которой древний Мудрец Агастья всё ещё совершает *тапас* (практикует аскезу), как он делал это на протяжении тысячелетий. Он приказал нам отвезти вас сначала на конференцию *сиддхов* в Шрирангам, а оттуда в Подикай, чтобы дать вам правильную *дикшу* (посвящение) после извлечения из вашего тела тех солей, которые мешают вам достичь высших сил».

¹ Pothigai Hills, 1866-метровая гора на юге Индии.

Шри Бхагаван, как и во всех подобных случаях, ничего не ответил. Однако на этот раз один из его преданных, Перумалсвами, перехитрил притворщиков. Он сказал: «Да, мы получили известие о вашем приходе, и нам было поручено посадить вас в тигли и жарить их на огне». И, повернувшись к другому преданному, приказал: «Пойди выкопай яму, где мы сможем развести огонь для этих людей». И гости в спешке убежали.

В 1924 году, когда Шри Бхагаван уже жил в нынешнем ашраме у подножия горы, несколько воров вломилась в сарай, где в то время укрывалось *самадхи* его матери, и унесли оттуда некоторые вещи. Через несколько недель три вора ограбили сам ашрам.

Это было 26 июня, около половины двенадцатого. Ночь стояла тёмная. Шри Бхагаван уже удалился, чтобы отдохнуть на возвышении в зале перед *самадхи* матери. Четверо преданных спали на полу возле окон. Двое из них, Кунджусвами и Мастан, бывший слуга, слышали, как кто-то снаружи сказал: «Внутри лежат шесть человек».

– Кто там? – крикнул Кунджу.

В ответ воры разбили окно, очевидно, чтобы напугать тех, кто был внутри. Кунджусвами и Мастан поднялись и подошли к возвышению, где был Шри Бхагаван. Тогда воры разбили окно и с этой стороны, но Шри Бхагаван сидел невозмутимо. Кунджусвами вышел из зала через северную дверь, так как воры были на южной стороне, и привёл на помощь Рамакришнасвами, преданного, который спал в хижине. Когда он открыл дверь, на улицу выбежали две ашрамские собаки – Джеки и Карупан. Воры стали бить их, и Джеки убежал, а Карупан забежал обратно в зал в поисках убежища.

Шри Бхагаван сказал ворами, что тут почти нечего брать, но они могут войти и взять всё, что есть. То ли считая это ловушкой, то ли будучи слишком глупыми, чтобы отступить от заведённого порядка, они не обратили на это внимания и продолжили выламывать оконную раму, чтобы попасть внутрь (в Индии на окнах обычно ставят железные решётки). Разгневанный бессмысленным уничтожением, Рамакришнасвами попросил у Бхагавана разрешения бросить им вызов, но Бхагаван запретил ему, сказав: «У них своя *дхарма* (роль), у нас – своя. Наша доля – терпеть и воздерживаться. Давайте не будем им мешать».

Хотя Шри Бхагаван и пригласил их войти через дверь, воры продолжили запугивание. Они стали стрелять по окнам из хлопушек, чтобы создать впечатление, что у них есть огнестрельное оружие. Им снова предложили войти и взять то, что они хотят, но они ответили только угрозами. Тем временем Кунджусвами вышел из зала и отправился в город за помощью.

Рамакришнасвами вновь заговорил с ворами и сказал им не создавать ненужного беспорядка, а просто взять то, что они хотят. В ответ они пригрозили поджечь соломенную крышу. Шри Бхагаван сказал им, что не следует этого делать, и

предложил преданным выйти и оставить им зал. Это было именно то, чего хотели воры, возможно, опасаясь, что на них могут напасть, пока они будут «работать» внутри. Сначала Шри Бхагаван велел Рамакришнасвами отнести собаку, Карупана, в безопасное место в другом сарае, опасаясь, что воры побьют её, если она останется. Затем он вместе с тремя другими – Мастаном, Тангавелу Пиллаем и Мунисами, мальчиком, который совершал *пуджу* в ашраме, вышел через северную дверь. Воры стояли в дверях с палками и били их, когда они выходили, то ли надеясь вывести из строя, то ли напугать, исключив любую мысль о сопротивлении. Шри Бхагаван, получив удар по левому бедру, сказал: «Если ты не удовлетворён, можешь ударить и по другой ноге». Рамакришнасвами, однако, успел вернуться и избежал следующего удара.

Шри Бхагаван и его преданные сидели в крытом соломой сарае (позже разрушенном), который стоял к северу от зала. Воры кричали им, чтобы они оставались там. «Если вы выйдете, мы разобьём вам головы!» Шри Бхагаван сказал им: «В вашем распоряжении весь зал; делайте, что хотите».

Пришёл один из воров и потребовал фонарь, и Рамакришнасвами, следуя указаниям Шри Бхагавана, дал ему зажжённую лампу. Позже пришёл ещё один и спросил ключи от шкафа, но ему сказали, что Кунджусвами забрал их с собой. Они взломали шкафы и нашли там несколько тонких серебряных полосок для украшения изображений, несколько манго и немного риса общей стоимостью около десяти рупий. Ещё забрали шесть рупий, принадлежавших Тангавелу Пиллаю.

Разочарованный скромной добычей, один из воров вернулся, размахивая палкой, и стал кричать: «Где ваши деньги? Где вы их спрятали?»

Шри Бхагаван сказал ему: «Мы бедные *садху*, живущие милостыней, у нас никогда не бывает денег», и вор, хоть и продолжал бушевать, вынужден был этим удовлетвориться.

Шри Бхагаван посоветовал Рамакришнасвами и остальным пойти смазать синяки.

– А как насчёт Свами? – спросил Рамакришнасвами.

Шри Бхагаван рассмеялся и, каламбуя, ответил: «Я тоже получил немного *пуджи*». Слово «пуджа» может означать как «поклонение», так и «удары».

Увидев на его бедре след от палки, Рамакришнасвами почувствовал внезапный прилив гнева. Он поднял лежавший там железный прут и попросил разрешения пойти посмотреть, что делают воры, но Шри Бхагаван отговорил его. «Мы – *садху*. Нам надо придерживаться своей *дхармы*. Если ты пойдёшь и ударишь кого-то из них, он может умереть, и в этом мир справедливо обвинит нас, а не их. Они всего лишь заблудшие души, ослеплённые невежеством, давайте же будем придерживаться того, что правильно. Если ваши зубы вдруг прикусят язык, вы же не станете их выбивать?»

Было два часа ночи, когда воры ушли. Чуть позже вернулся Кунджусвами, с местным офицером и двумя полицейскими констеблями. Шри Бхагаван всё ещё сидел в сарае, беседуя со своими преданными о духовных вопросах. Констебли спросили его, что случилось, и он просто сказал, что какие-то глупые люди ворвались в ашрам и ушли, разочарованные тем, что не нашли ничего стоящего. Констебли сделали соответствующие записи и ушли вместе с офицером. Мунисами побежал за ними и сказал, что Свами и остальные были избиты ворами. Утром для расследования прибыли окружной инспектор, младший инспектор и старший констебль, а позже пришёл заместитель суперинтенданта. Сам Шри Бхагаван ничего не говорил ни о своём ранении, ни о краже, только отвечал на вопросы. Через несколько дней часть похищенного имущества была возвращена, а воры арестованы и приговорены к тюремному заключению.

8 Мать

В 1900 году мать Шри Бхагавана, Алагамма, после неудачной попытки вернуть его в семью, возвратилась домой. Вскоре после этого она потеряла своего старшего сына. Два года спустя её младший сын, Нагасундарам, которому было тогда семнадцать, в первый раз отправился в Тируваннамалай повидать своего брата-Свами. Его так переполнили чувства, что он обнял его и зарыдал; Шри Бхагаван же сидел молча, не двигаясь. Мать приехала однажды, ненадолго, возвращаясь из паломничества в Бенарес (Варанаси). В 1914 она отправилась в паломничество в Храм Венкатараманасвами в Тирупати и снова на обратном пути заехала в Тируваннамалай. На этот раз она там заболела и тяжело страдала несколько недель с симптомами тифа. Шри Бхагаван ухаживал за ней с глубокой заботой. Стихи, которые он сочинил во время её болезни – единственный известный случай, когда он молился, чтобы повлиять на ход событий.

«О Господь! Гора, моё прибежище, которая излечивает от болезни перерождений, только Тебе дано излечить горячку моей матери.

О Господь, убивающий смерть! Яви свои стопы в Сердечном Лотосе той, что выносила меня, чтобы дать ей прибежище у твоих Лotosных Стоп, и укрой её от смерти. А что такое смерть, если разобраться?

Аруначала, Ты – пылающий огонь Знания! Окутай мою мать своим Светом и сделай её единой с Тобой. Какая тогда необходимость в кремации?

Аруначала, Рассеиватель иллюзии! Почему Ты медлишь рассеять бред моей матери? Есть ли кто-то, кроме Тебя, кто может присмотреть, как Мать, за тем, кто нашёл прибежище в Тебе, и спасти его от тирании *кармы*?»

Под предлогом спасения матери от лихорадки, на самом деле здесь была молитва о её спасении от более обширной лихорадки иллюзии и возвращении в Единство с Самостью путём Освобождения от бреда жизни.

Надо ли говорить, что Алагамма поправилась. Она вернулась в Манамадуру, но после этой молитвы обстоятельства способствовали её переходу от мирской жизни к жизни в Ашраме.

Семейный дом в Тиручули был продан, чтобы покрыть долги и необходимые расходы. Брат её мужа, Неллиаппиер, умер, оставив семью в весьма нелёгких обстоятельствах. В 1915 умерла жена её младшего сына, Нагасундарама, оставив мальчика, которого взяла на воспитание его тётя Аламелу, которая к тому времени вышла замуж. Алагамма начала чувствовать, что единственное место для неё в старости – это быть со своим сыном-Свами. В начале 1916 года она приехала в Тируваннамалай.

Сначала она остановилась на несколько дней у Эчаммы. Некоторые из почитателей были против того, чтобы она жила с Бхагаваном, опасаясь, что он покинет своё местопребывание в безмолвном протесте, как он покинул дом в 1896-м. Однако большая разница состояла в том, что теперь мать отрекалась от дома, а не его удерживали там. Величие Бхагавана внушало такое благоговение, что, несмотря на его милостивое обхождение, когда возникал вопрос о том, чего желает он сам, никто не осмеливался спросить его напрямую. Даже если кто-то и набирался храбрости, Бхагаван мог сидеть, не шевелясь и не отвечая, так как у него не было собственных желаний. Его пожелание выздоровления своей матери, выраженное в стихах – это нечто совершенно исключительное.

Вскоре после того, как мать приехала, чтобы остаться с ним, Шри Бхагаван перебрался из Вирупакши в Скандашрам, несколько выше по склону, прямо над Вирупакшей. Это намного более просторная пещера, которая была обустроена специально для него. Наткнувшись на влажный участок скалы, он справедливо предположил, что тут должен быть скрытый источник. После земляных работ на свободу вырвался непересыхающий поток воды, достаточный для всех нужд Ашрама и даже для маленького сада, который разбили у входа в пещеру. Мать стала готовить еду, и так началась новая эпоха в жизни Ашрама.

Желая привести в Ашрам и своего младшего сына, Алагамма послала преданного за ним. Сын оставил работу в Тирувенгаду и переехал жить в Тируваннамалай. Сначала он оставался в городе, питаясь в доме того или иного знакомого и каждый день посещая Ашрам. Вскоре он принял обет отречения и облачился в оранжевые одеяния под именем Ниранджанананда Свами, хотя чаще его несколько фамильярно называли «Чиннасвами», «Маленький Свами», так как он был младшим братом Свами, Шри Бхагавана. Некоторое время он ещё ходил каждый день за подаванием в город, но потом преданным показалось неуместным, что родной брат Свами подбирается, когда в Ашраме есть пища для всех, и его убедили поселиться там.

И получилось так, что Шри Бхагаван практически возвратился к семейной жизни, к семье, которая разрослась, включив в себя всех преданных; и он и правда иногда говорил о них как о своей семье. Кажущаяся неуместность подобной семейственности поначалу удерживала и мать, и брата от того, чтобы жить с ним. Сешадри Свами как-то раз отозвался об этом в своей насмешливой манере. Один посетитель зашёл к нему и собирался пойти дальше, на гору, чтобы увидеть Раманасвами, и тот сказал: «Да, пойдёшь, посмотри. Там, на горе, живёт домохозяин. Тебя там угостят сладкими лепёшками (*ладду*)».

Шутка была в том, что статус домохозяина обычно считается ниже, чем статус *садху*, потому что *садху* может полностью посвятить себя духовному поиску, тогда как домохозяин должен заниматься мирскими заботами. Сам акт отречения от дома и собственности рассматривается как большой шаг вперёд. По этой причине многие почитатели спрашивали Шри Бхагавана, не стоит ли и им совершить отречение. Шри Бхагаван никогда не поощрял этого. В случае, описанном ниже, он объяснил, что отречение – это не уход от чего-то, но расширение любви.

Преданный: Я чувствую желание бросить работу и остаться навсегда со Шри Бхагаваном.

Бхагаван: Бхагаван всегда с вами, внутри вас. Самость в вас – это Бхагаван. Вот что вам надо осознать.

П: Но я чувствую побуждение отказаться от всех привязанностей и отречься от мира как *саньясин*.

Б: Отречение не означает снятия одежды и тому подобного или ухода из дома. Настоящее отречение – это отречение от желаний, страстей и привязанностей.

П: Но преданность Богу с мыслями только о Нём невозможна, пока не покинешь мир.

Б: Нет; тот, кто на самом деле отрекается, в действительности погружается в мир и распространяет свою любовь, чтобы обнять весь мир. Более корректно описать позицию преданного как универсальная любовь, чем уход из дома и облачение охряной мантии.

П: Но дома путы привязанностей слишком сильны.

Б: Тот, кто отрекается, когда он ещё недостаточно зрел для этого, только создаёт новые путы.

П: Разве отречение не является высшим средством разрушения привязанностей?

Б: Это может быть верным для того, чей разум уже свободен от связанных. Но вы не постигаете глубинный смысл отречения: великие души, которые покидают жизнь в миру, поступают так не из-за отвращения к семейной жизни, но от их великосердной и всепокрывающей любви ко всему человечеству и всем существам.

П: Семейные узы когда-то должны будут исчезнуть, так почему бы мне не проявить инициативу и не разорвать их прямо сейчас, чтобы моя любовь стала равной ко всем?

Б: Когда вы действительно ощутите эту равную любовь ко всем, когда ваше сердце так расширится, что обнимет всё мироздание, то я вас уверяю, что вы не будете чувствовать, будто оставляете то или это; вы просто выпадете из мирской жизни, как созревший плод падает с дерева. Вы почувствуете, что весь мир – ваш дом.

Неудивительно, что подобные вопросы задавались достаточно часто и что для многих позиция Шри Бхагавана оказывалась неожиданной, поскольку противоречила традиционной точке зрения. Хотя духовные истины, передаваемые сквозь века, никогда не меняются, Учителя могут приспособлять методы практики, которые ведут к Познанию Истины, с тем чтобы соответствовать изменяющимся условиям эпохи. В современном мире много тех, для кого отречение или даже полное соблюдение ортодоксии невозможно. Есть почитатели-бизнесмены, офисные работники, доктора, юристы, инженеры, так или иначе связанные жизненными обстоятельствами и реалиями современного города, и всё же ищущие Освобождения.

Объяснение, которое чаще всего давал Шри Бхагаван, заключалось в том, что истинное отречение – в уме и никак не может быть достигнуто физическим отречением, как и не страдает от его отсутствия.

«Почему вы думаете, что вы – домохозяин? Подобная мысль, что вы – *саньясин*, будет преследовать вас, даже если вы станете одним из них. Продолжите ли вы жить в доме или отречётесь от него и уйдёте в джунгли, ваш разум всё равно будет преследовать вас. Эго – вот источник мышления. Оно создаёт тело и мир и заставляет вас думать, что вы домохозяин. Если вы отречётесь, вы просто смените мысль о доме на мысль об отречении, а обстановку – с дома на джунгли. Но ментальные препятствия всегда будут с вами. Они даже сильно возрастут в новом окружении. Нет нужды менять обстановку. Единственное препятствие – это ум, и его нужно преодолеть, неважно, дома или в джунглях. Если вы способны сделать это в джунглях, то почему не дома? Тогда зачем менять обстановку? Ваши усилия можно делать прямо сейчас, какой бы ни была обстановка».

Он также объяснял, что не выполняемая работа является препятствием *садхане*, но только настрой ума, в котором она выполняется, и что можно продолжать свои обычные занятия, просто без привязанности. «Чувство "я работаю" – вот препятствие», говорил он в «Евангелии Махарши». «Спросите себя – кто работает? Помните, кто вы есть. Тогда работа не будет связывать вас. Она продолжится автоматически». В книге «День за днём с Бхагаваном», написанной Девараджей Мудалиаром, есть более подробное объяснение:

«Вполне возможно выполнять всю жизненную активность без привязанности и рассматривать только Самость как реальную. Неправильно считать, что если человек зафиксировал ум на Самости, его жизненные обязанности не будут выполняться верно. Это как актёр. Он переодевается и играет и даже переживает роль, которую исполняет, но при этом он знает, что на самом деле он – не его персонаж, а кто-то другой из реальной жизни. Точно так же, почему сознание тела, или ощущение «я-есть-тело», должно вас беспокоить, когда вы точно знаете, что вы – не тело, а истинное «Я»? Вовсе не должно тело выбивать вас из погружения в Самость. Такое погружение никогда не помешает правильному и эффективному выполнению обязанностей, какие бы они ни были у тела, так же как роль, исполняемая на сцене, не мешает актёру осознавать свой реальный статус».

Так же как медитация, или «вспоминание», как бы её ни называли, не ухудшает выполняемую работу, так и работа не вредит медитации. Шри Бхагаван чётко разъяснил это в разговоре с Полем Брантоном.

Б: Отречься от активной жизни нет нужды. Если вы медитируете час или два ежедневно, вы можете выполнять все свои обязанности. Если вы медитируете правильно, тогда вызванное этим течение ума будет продолжаться даже среди вашей работы. Здесь как бы два варианта выразить одну и ту же идею; тот курс, который вы берёте в медитации, будет выражен и в вашей деятельности.

ПБ: И какой от этого будет результат?

Б: По мере продвижения вы увидите, что ваше отношение к людям, событиям и вещам постепенно меняется. Ваши действия будут стремиться следовать вашей медитации сами по себе.

Человек должен отказаться от персонального эгоизма, который привязывает его к этому миру. Сдача фальшивого «я» — вот настоящее отречение.

ПБ: Возможно ли стать безэгоистичным, ведя жизнь, полную мирской активности?

Б: Между работой и мудростью нет противоречия.

ПБ: Вы имеете в виду, что человек может продолжать заниматься своей прежней деятельностью, например, профессиональной, и при этом достичь Просветления?

Б: А почему нет? Но в этом случае он не будет думать, что это прежняя личность занимается работой, потому что его сознание постепенно будет меняться, пока не войдёт в ТО, которое превосходит маленькое "я".

Многие были поначалу смущены предписанием работать без привязанности и интересовались, правда ли их работа не пострадает из-за этого. Но у них перед глазами был пример самого Шри Бхагавана, так как что бы он ни делал, всё исполнялось с дотошной аккуратностью, было ли это исправление ошибок, или переплетение книги, или приготовление еды, или полировка ложек из кокоса. И в самом деле, даже пока иллюзия "я-делатель" ещё не рассеялась, отрешённое отношение к работе не ослабляет, а усиливает её эффективность, при условии, что оно сочетается с добросовестностью, ибо такое отношение не подразумевает безразличия к качеству выполняемой работы, но лишь невмешательство в неё эго; и именно вторжение эго вызывает как трения, так и неэффективность. Если бы все люди делали свою работу просто потому, что это их работа, без тщеславия и эгоизма, то эксплуатация бы исчезла, усилия были бы правильно распределены, координация заменила бы соперничество и большинство проблем мира было бы решено. То, что продуктивность выполняемой работы не страдает, станет очевидным, если мы вспомним о периодах пламенной веры в мировых религиях, оставивших самые изысканные образцы искусства – готики, кафедральных соборов, мечетей, индуистской скульптуры или даосской живописи – созданных художниками, которые считали себя лишь инструментами и предпочли остаться безымянными. Можно взять примеры и из других профессий. Врач лечит более эффективно, когда он ничем не взволнован, и именно поэтому предпочитает не лечить членов своей собственной семьи. Финансист действует более хладнокровно и результативно там, где на карте не стоят его собственные интересы. Даже в играх фортуна благословляет того, кто незаинтересован.

Предписание продолжать домашнюю жизнь иногда вело к возражению, что сам-то Бхагаван оставил свой дом. На это он кратко отвечал, что любое действие человека происходит согласно его *прабандхе* (судьбе). Однако следует принимать во внимание, что полная внешняя нормальность и участие в ежедневной жизненной рутине, которые с таким совершенством демонстрировал Шри Бхагаван в более поздние годы и которые он предписывал своим последователям, для него самого в первое время после Пробуждения в доме своего дяди в Мадуре были невозможны. Ответ в том, что то, что стало возможным для Шри Бхагавана, он, по своей милости, делает возможным и для тех, кто следует за ним.

Возвращаясь к матери: она прошла через довольно суровую тренировку. Достаточно часто Шри Бхагаван игнорировал её, не отвечая, когда она говорила, хотя и замечал остальных. Если она жаловалась, он мог сказать: «Все женщины – мои мамы, не только ты». Можно вспомнить слова Христа, когда ему сказали, что на краю толпы стоят его мать и братья, ожидая, чтобы поговорить с ним: «Тот, кто исполняет волю Отца моего небесного, тот мой брат и сестра и мать». Поначалу мать Шри Бхагавана плакала от досады, но постепенно в ней развилось понимание. Чувство превосходства от того, что она – мать Свами, ушло, чувство это стало слабее, и она посвятила себя служению преданным.

Но и сейчас он всё ещё смеялся над её ортодоксальными принципами. Если её сари касалось не-брамина, он восклицал с притворным ужасом: «Посмотрите! Чистота ушла! Религия ушла!» Еда в Ашраме была строго вегетарианской, но Алагамма, как некоторые очень благочестивые брамины, шла ещё дальше и считала некоторые овощи *несаттвичными* (нечистыми), и Шри Бхагаван мог насмешливо сказать: «Взгляни на эту луковицу! Это огромное препятствие для *мокши* (Освобождения)!»

Тут надо сказать, что Шри Бхагаван не осуждал ортодоксию вообще. В данном случае у матери была чрезмерная привязанность к формам ортодоксии, и именно на это он нападал. В целом он подчёркивал важность *саттвической* (чистой) пищи. Он редко давал какие-либо инструкции касаясь внешней деятельности; его обычным приёмом было посеять духовное семя в сердце почитателя, чтобы оно формировало его внешнюю жизнь по мере своего роста. Инструкции должны прийти изнутри. Один западный почитатель был отъявленным едоком мяса, считая мясо сутью любого блюда и его самой вкусной частью, и хотя по этому поводу не было сказано ни слова, пришло время, когда он почувствовал отвращение к самой идее поедания мяса.

Для неиндийских читателей следует пояснить, что практика вегетарианства проистекает не только из нежелания забирать жизнь и поедать плоть, хотя это и один из аргументов за него; она следует и из того, что *несаттвическая* пища (которая включает, наряду с мясом, и некоторые овощи) имеет свойство усиливать животные страсти и препятствовать духовной работе.

Были и другие случаи, которые заставили мать понять, что тот, кто родился её сыном – Божественное Воплощение. Однажды, когда она сидела рядом с ним, он вдруг исчез, и она увидела вместо него *лингам* (колонну) чистого света. Решив, что это случилось оттого, что он покинул свою человеческую форму, она залилась слезами, но вскоре *лингам* рассеялся, и Бхагаван предстал в том же виде, как и был ранее. В другом случае она увидела его украшенного гирляндой и окружённого змеями, как обычно изображают Шиву. Она закричала ему: «Прогони их! Я их боюсь!»

После этого мать упросила его появляться ей только в своей человеческой форме. Цель этих видений была достигнута: она поняла, что форма, которую она знала и любила как своего сына, была столь же иллюзорной, как и любая другая, которую он мог принять.

В 1920 году здоровье матери стало угасать. Она не могла уже работать, как раньше, обслуживая ашрам, и была вынуждена больше отдыхать. На протяжении всей её болезни Шри Бхагаван ухаживал за ней, часто просиживая с ней всю ночь. В тишине и медитации её понимание достигло зрелости.

Конец наступил на фестиваль Бахула Навами, который в 1922 году выпал на 19 мая. Шри Бхагаван и ещё несколько человек прислуживали ей весь день, не принимая пищи. Ближе к закату приготовили ужин, и Шри Бхагаван попросил их пойти поесть, но сам остался. В этот вечер рядом с матерью одна группа преданных распевала Веды, другие же повторяли имя Рамы. Она пролежала так более двух часов, её грудь тяжело вздымалась, а дыхание перешло в шумные хрипы, и всё это время Шри Бхагаван сидел рядом с ней, положив правую руку ей на сердце, а левую – на голову. На этот раз не было вопроса о продлении жизни, но только об успокоении ума, чтобы смерть могла стать *Махасамадхи*, поглощением в Самость.

В восемь вечера она наконец освободилась от тела. Шри Бхагаван немедленно поднялся, вполне бодрый. «Теперь мы можем поесть, – сказал он. – Пойдёмте, тут нет загрязнения».

В этих словах был глубокий смысл. Смерть в индуизме влечёт за собой ритуальное загрязнение, требующее очистительных обрядов, но тут была не смерть, а развоплощение. Это была не освободившаяся от тела душа, но совершенный Союз с истинным «Я», и поэтому не было нужды в очистительных церемониях. Через несколько дней Шри Бхагаван это подтвердил: когда кто-то упомянул о том, что мать умерла, он кратко поправил его: «Она не умерла, она была поглощена».

Описывая впоследствии этот процесс, он сказал: «Внутренние склонности ума и тонкая память о прошлом опыте, ведущие к будущим возможностям, стали очень активными. В тонком сознании перед ней прокручивались сцена за сценой, внешние чувства уже пропали. Душа проходила через серию переживаний, таким образом избегая необходимости переродиться и делая возможным Союз с Духом. Наконец, душа освободилась от тонких оболочек, прежде чем достигла конечного Пункта назначения, Высшего покоя Освобождения, откуда уже нет возврата к неведению».

Какой бы мощной ни была поддержка Бхагавана, именно святость Алагаммы, её предыдущее отречение от гордыни и привязанности позволили ей воспользоваться. Позднее он сказал: «Да, в её случае был успех; в предыдущий раз я делал то же для Паланисвами, когда приближался его конец, но потерпел неудачу. Он открыл глаза и ускользнул». Он добавил, что всё же с Паланисвами не было полного провала, потому что хотя его эго и не погрузилось в Самость, то, как он ушёл, указывало на хорошее перерождение.

Часто, когда преданные страдали от тяжёлой утраты, Шри Бхагаван напоминал им, что это только тело умирает и что только иллюзия «я являюсь телом» заставляет смерть выглядеть трагедией. Сейчас, когда у него самого была тяжёлая утрата, он совершенно не выказывал горя. Всю ночь он и почитатели сидели, распевая песни

преданности. Это безразличие к физической смерти своей матери – подлинный комментарий к его молитве во время её предыдущей болезни.

Встал вопрос, как распорядиться телом. Бхагаван сам засвидетельствовал, что она была поглощена Самостью, а не осталась, чтобы переродиться к иллюзии эго, но имелись некоторые сомнения насчёт того, должно ли тело женщины-Святой быть погребено, а не кремировано. Тогда вспомнили, что в 1917 году этот пункт был среди серии вопросов, заданных Шри Бхагавану Ганапати Шастри и его учениками, и что он ответил утвердительно: «Так как *Джняна* (Знание) и *Мукти* (Спасение) не различаются в зависимости от пола, тело женщины-Святой тоже не должно сжигаться. Её тело – тоже пристанище Бога».

Сейчас, когда она покидала ашрам, как и когда она присоединялась к нему, никто не осмеливался спросить самого Шри Бхагавана о его решении, а сам он ничего не говорил. Видимо, никто из них не догадался, что ответ был дан в его молитве 1914 года: «Укрой мою мать Своим Светом и сделай её Одним с Тобой! Какая тогда необходимость в кремации?»

Шри Бхагаван стоял молча, наблюдая безучастно. Тело матери было захоронено у подножья горы, на самой южной её точке, между танком Палитиртам и Дакшинамурти Мантапамом (храмом). На церемонию приехали родственники и друзья, собралась большая толпа из города. Перед тем, как засыпать, в могилу вокруг тела накидали священный пепел, камфору, ладан. Соорудили каменное надгробие, на которое установили освящённый *лингам*, привезённый из Бенареса. Позже вокруг этого места возвели храм, который закончили в 1949 и который известен как Храм Матрубхутешвара, Храм Бога, проявившегося как Мать.

Как приход матери обозначил эпоху в жизни ашрама, так и её отшествие. Вместо задержки его развитие усилилось. Были преданные, которые чувствовали, что её присутствие, словно *шакти*, или творческая энергия, стало даже более мощным, чем ранее. Шри Бхагаван однажды сказал: «Куда она ушла? Она здесь».

Ниранджанананда Свами поселился в крытой соломой постройке рядом с могилой матери, у подножия горы. Шри Бхагаван остался в Скандашраме, но почти каждый день спускался по склону к погребению – *самадхи*, около получаса ходьбы. Однажды, примерно шесть месяцев спустя, он вышел на прогулку и в дороге почувствовал мощное побуждение спуститься к *самадхи* и остаться там. Когда он не вернулся, преданные последовали за ним, и таким образом был основан Шри Раманашрам. «Я ушёл из Скандашрама не по своей воле, – говорил он позднее, – что-то привело меня сюда, и я подчинился. Это было не моё решение, но Воля Божья».

9 Адвайта

Шри Бхагаван не был философом, и в его учении не было абсолютно никакого развития. Самые ранние его изложения, «Само-исследование» и «Кто я?», в плане теории не отличаются от тех, что он давал устно в последние годы. Когда, будучи юношей шестнадцати лет, он осознал своё единство с Абсолютом, с Тем, что является Чистым Бытием и лежит в основе всего существующего, это было неоформленное, интуитивное знание, доктринальное значение которого было распознано лишь позднее. «Я ещё не имел представления, что есть Сущность, или Безличная Реальность, лежащая в основе всего, и что Бог и я оба идентичны с Ней. Позже, в Тируваннамалае, когда я услышал „Рибху Гиту” и другие священные книги, я узнал всё это и понял, что они анализируют и дают наименования тем вещам, которые я ощущал интуитивно, без анализа и именования». То был не вопрос мнения, но открывшейся Истины; другими словами, он не был научен тем, что прочитал, но просто открыл его соответствие тому, что уже интуитивно знал.

В индуизме есть любые виды и уровни доктрины, все они правомерны и соответствуют разным методам практики, которые требуются людям различного темперамента и уровня развития. Есть подход через любовь и поклонение личному Богу, как в западных или семитских религиях. Есть подход и через служение, когда видишь Бога проявленным во всех Его творениях и служишь Ему через служение Его творениям. Однако распознавание Чистого Бытия как своей Самости и истинного «Я» вселенной и всех существ – это высшая и конечная Истина, превосходящая все остальные уровни доктрины, без отрицания истинности на их собственном уровне. Такова доктрина Адвайты, Недвойственности, которой учили древние *риши* и особенно Шанкарачарья. Это самая простая, но и самая глубокая, а также окончательная истина, за пределами любых сложностей космологии.

Недвойственность означает, что есть только Абсолют. Весь космос существует внутри Абсолюта, не имея собственной реальности, но будучи просто проявлением Абсолюта, который, однако, остаётся вечно неизменным и непроявленным, как люди и события, которые видит во сне человек, существуют только внутри него и не имеют своей реальности вне этого человека, при этом ничего не добавляя ему, будучи созданными, и ничего не отнимая, когда исчезают. Это означает, что Абсолют – это Самость космоса и любого существа. Таким образом, поиском своего «Я» через постоянное исследование «Кто я?» человек может осознать своё единство со Вселенским Бытием. Такова чистая Адвайта, которой учил Шри Бхагаван.

Некоторые могут испугаться, что доктрина Единого «Я» лишает их Личного Бога, которому они могут молиться, но для этих опасений нет оснований, потому что пока есть реальность эго, которое молится, до тех пор есть и реальность Бога, которому оно молится; пока человек принимает своё эго как реальное, мир вне него и Бог над ним тоже будут реальными для него. Это уровень дуалистической религии и личного Бога. Это истина, но не окончательная Истина. «Все религии постулируют три

фундаментальные вещи: личность, Бога и мир. Только пока существует эго, человек может сказать либо „Единое проявляет себя в виде трёх”, либо „Эти три вещи – их действительно три”. Высшее состояние – это пребывание в истинном „Я”, когда эго угасло» („Сорок стихов о Реальности”, ч. 2).

Некоторые также восстают против концепции мира как нереального, хотя и соглашались с реальностью Духа, но это потому, что они не понимают, в каком смысле он нереален. Шри Бхагаван часто объяснял это, и нигде так ёмко, как в следующем высказывании, записанном С.С. Коэном:

«Шанкарачарью часто критиковали за его философию *майи* (иллюзии), не понимая её смысла. Он сделал три утверждения: что Брахман реален, что вселенная нереальна и что Брахман – это вселенная. Он не останавливался на втором утверждении. Третье утверждение объясняет первые два; оно значит, что когда вселенная воспринимается как нечто отдельное от Брахмана, это восприятие является ложным и иллюзорным. Тут имеется в виду, что феномены реальны, когда переживаются как Самость, и иллюзорны, когда воспринимаются отдельно от неё».

Учение Шри Бхагавана было крайне практичным. Он излагал теорию только в ответ на особые нужды и запросы преданных и как необходимую базу для практики. Когда однажды вспомнили (в «Евангелии Махарши»), что Будда отказывался отвечать на вопросы о Боге, он ответил с одобрением: «На самом деле Будда был больше озабочен направлением искателя на осознание Блаженства здесь и сейчас, нежели академическими дискуссиями о Боге и тому подобном». Так и он сам часто отказывался потворствовать любопытству, вместо этого направляя спрашивающего к необходимости *садханы*, практики. Когда его спрашивали о загробном состоянии человека, он мог ответить: «Почему вы хотите узнать, что с вами будет, когда вы умрёте, ещё не узнав, кто вы сейчас? Сначала выясните, чем вы являетесь сейчас». Человек ныне и всегда – бессмертное «Я», за пределами этой и любой другой жизни, но услышать это или поверить в это недостаточно; необходимо стремиться к осознанию этой идеи. Точно так же, если его спрашивали насчёт Бога, он мог ответить: «Почему вы хотите знать про Бога, не узнав про самого себя? Сначала выясните, чем являетесь вы сами».

Способ, которым это должно быть осуществлено, описан в главе 14, но так как в следующей главе уже приводятся наставления Шри Бхагавана своим преданным, упомянем здесь этот способ, а также его учение.

Учение Шри Бхагавана не было «философией» в привычном смысле слова – ведь он (как будет ясно из его ответа Шивапракашаму Пиллаю в следующей главе) советовал своим последователям не обдумывать проблемы, но избавляться от самого обдумывания. Может показаться, что это некий процесс оглупления, однако, как он объяснил это Полю Брантону в разговоре, процитированном во второй главе, на самом деле всё наоборот. Человек един с высшим «Я», которое есть чистое Бытие, чистое Сознание, чистое Блаженство, но ум творит иллюзию отдельной индивидуальности. В глубоком сне ум успокоен, и человек един с Самостью, но

бессознательно. В *самадхи* он един с «Я» полностью сознательно, не во тьме, но в свете. Если ум, который создаёт помехи, успокоен, то по милости Гуру в сердце может пробудиться сознание истинного «Я», таким образом подготавливая к этому блаженному Тождеству, к состоянию, которое не оупление и не невежество, но сияющее Знание, чистая «я-есть-ность».

Многие могут прийти в ужас от идеи разрушения ума или (что приводит к одинаковому результату) уничтожения отдельной индивидуальности. Однако это происходит с нами каждый день во сне, и мы не только не боимся засыпать, но и находим сон желанным и приятным, хотя во сне ум успокаивается невежественным способом. С другой стороны, в экстазе или в восторге ум на мгновение растворяется и успокаивается в кратком переживании блаженства, которое является его истинной природой. Сами эти слова обозначают выход за пределы индивидуальности, так как «восторг» этимологически значит «быть унесённым», а «экстаз» – выход человека из себя. Выражение «это захватывает дух» на самом деле значит «это захватывает и прерывает мышление», так как источник дыхания и мышления один и тот же, как объяснил Шри Бхагаван, когда говорил о контроле за дыханием. Истина в том, что индивидуальность не утрачивается, но расширяется до Бесконечности.

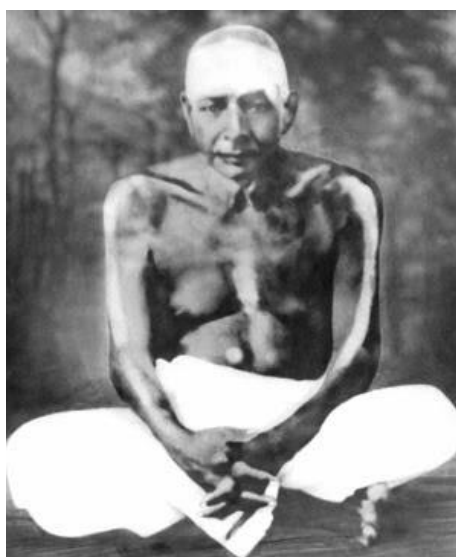
Избавление от мыслей служит цели концентрации на более глубоком осознании, которое за пределами мышления. Это избавление от мыслей вовсе не ослабляет ум, а наоборот, укрепляет, так как обучает концентрироваться. Шри Бхагаван часто это подтверждал. Именно слабый и бесконтрольный ум постоянно отвлекается на посторонние мысли и изводится бесполезными заботами; тот ум, который достаточно силён для концентрации, не важно, на чём, может повернуть свою концентрацию на избавление от мыслей, занявшись поиском Себя; и наоборот, усилия по избавлению от мыслей предписанным методом даёт силу концентрации. Когда поиск завершён, способности ума не утрачиваются. Шри Бхагаван пояснил это, сравнив ум *джняни* с луной на небе в полдень: она подсвечена, однако её свет больше не нужен, ведь есть более великий свет – свет Солнца, которое освещает и её саму.

10 Некоторые из ранних почитателей

Хотя учение, которое давал Шри Бхагаван, никогда не менялось, методы обучения варьировались в зависимости от характера и понимания слушателя. За годы, что он провёл на горе, собралось много записей о переживаниях учеников и объяснений, которые он им давал, и ниже приведены некоторые из них. И в самом деле, можно сказать, что переживания его учеников и составляют биографию Шри Бхагавана, так как сам он был укоренён в неизменности за пределами событий и переживаний.

Шивапракашам Пиллай

Шивапракашам Пилла́й был одним из преданных-интеллектуалов. Он учился на отделении философии и уже в университете задумывался над тайнами Бытия. В 1900 году его направили на службу в налоговом управлении района Южный Аркот. Два года спустя работа привела его в Тируваннамалай, где он услышал о юном Свами с Горы. Он был очарован с самого первого визита и стал почитателем. Он задал Свами четырнадцать вопросов, и так как тот ещё хранил молчание, и вопросы, и ответы были изложены в письменной форме. Ответ на первый вопрос был записан Свами на грифельной доске, и Шивапракашам Пиллай его немедленно скопировал. Остальные тринадцать ответов были записаны позже по памяти, но Шри Бхагаван их все проверил перед публикацией.

ШП: Свами, кто я? И как достичь спасения?

Б: Неустанным внутренним вопрошанием «Кто я?» ты узнаешь себя и таким образом достигнешь спасения.

ШП: Кто я?

Б: Истинное «Я», или Самость, – это не тело, не какое-либо из пяти чувств, не объекты чувств, не органы действия, не *прана* (дыхание или жизненная сила), не разум, даже не глубокий сон, где нет знания всех этих вещей.

ШП: Если я – ничто из этого, то что же я?

Б: После отвержения каждой из этих вещей, говоря «Это – не я», то, что единственно остаётся, это «Я», и это Сознание.

ШП: Какова природа этого Сознания?

Б: Это *Сат-Чит-Ананда* (Бытие-Сознание-Блаженство), в котором нет даже малейшего следа я-мысли. Его так же зовут *Мауна* (Молчание) и *Атма* (Самость). Это единственная вещь, которая есть. Если рассматривать троицу, состоящую из мира, эго и Бога, как отдельные сущности, то они будут просто иллюзией, как отблеск серебра в перламутре. На самом деле Бог, эго и мир – это Шива *сварупа* (форма Шивы), или Атма *сварупа* (форма Духа).

ШП: Как нам постичь эту Реальность?

Б: Когда исчезают видимые вещи, проявляется истинная сущность видящего, или субъекта.

ШП: Разве нельзя осознать ТО, всё ещё наблюдая внешние вещи?

Б: Нет, потому что видящий и видимое – это как верёвка и фантом змеи, который она создаёт. Пока вы не избавитесь от видения змеи, вы не сможете увидеть, что существует только верёвка.

ШП: Когда исчезнут внешние объекты?

Б: Если ум, который является причиной всех мыслей и деятельности, исчезнет, то и внешние объекты тоже исчезнут.

ШП: Какова природа ума?

Б: Ум – это только мысли. Это форма энергии. Он проявляет себя как мир. Когда ум погружается в Самость, тогда Самость осознаётся; когда ум выходит наружу, появляется мир, и Самость не осознаётся.

ШП: Как добиться исчезновения ума?

Б: Только через запрашивание «Кто я?» Хотя такое исследование – тоже ментальное действие, оно разрушает всю ментальную деятельность,

включая саму себя, как палка, которой перемешивают погребальный костёр, сама превращается в пепел, когда прогорят костёр и труп. Только тогда приходит Осознание Себя. Если я-мысль разрушена, дыхание и прочие проявления жизненности тоже стихают. Это и *прана* (дыхание или жизненная сила) имеют один источник. Что бы вы ни делали, делайте это без эгоизма, то есть без ощущения «я это делаю». Когда человек достигнет такого состояния, даже его собственная жена проявится ему как Вселенская Мать. Подлинная *бхакти* (преданность) – это сдача эго Самости.

ШП: Разве нет других способов разрушить ум?

Б: Других подходящих средств, кроме Само-исследования, нет. Если ум успокоить другим способом, он ненадолго затихнет, а потом снова оживёт и возобновит свою прежнюю активность.

ШП: Но когда же в нас умрут все инстинкты и тенденции (*васаны*), вроде инстинкта самосохранения?

Б: Чем больше вы погружаетесь в Самость, тем слабее становятся тенденции, и в конце концов они отпадут.

ШП: Реально ли искоренить все эти тенденции, которые за многие рождения так впитались в наши умы?

Б: Никогда не давайте в вашем уме места подобным сомнениям, но погрузитесь в Самость с твёрдой решимостью. Если ум, благодаря этому вопрошанию, постоянно направлен на Самость, он в итоге растворится и превратится в Самость. Когда вы чувствуете какое-то сомнение, не пытайтесь прояснить его, а постарайтесь узнать, кто тот, кому явилось это сомнение.

ШП: Как долго нужно выполнять это исследование?

Б: До тех пор, пока в вашем уме остаются хоть малейший след тенденций, которые могут вызвать мысли. Пока в крепости есть враги, они будут продолжать делать вылазки. Если вы будете убивать их по мере того, как они будут выходить, крепость в конце концов падёт. Точно так же, каждый раз, когда мышление поднимает голову, сокрушайте её вопрошанием. Разрушать все мысли в их источнике называют *вайрагьей* (бесстрастием). То есть *вичару* (Само-исследование) нужно продолжать, пока не будет осознана Самость. Нужно постоянное, непрерывное вспоминание Самости.

ШП: Разве мир и то, что в нём происходит, не результат Божьей Воли? И если да, то почему Бог захотел всё это?

Б: У Бога нет цели. Он не связан никакой активностью. Деятельность мира не воздействует на Него. Возьмите аналогию с солнцем. Солнце всходит безо всякого желания, намерения и усилий, но когда оно восходит, на земле начинается бесконечная деятельность: линза, сфокусировав его лучи, производит огонь, бутон лотоса распускается, вода испаряется, и каждое живое существо начинает свою деятельность, а через какое-то время прекращает. Но само солнце никак не затрагивается этой активностью, так как оно просто действует согласно своей природе, по установленным законам, без всякой цели. Оно просто является свидетелем. Так же и с Богом. Или возьмём аналогию с пространством, или эфиром. Вода, земля, огонь и воздух – все они находятся и видоизменяются в нём, и при этом никто из них

никак не затрагивает эфир, или пространство. То же самое с Богом. У Бога нет желания или цели, когда Он творит, поддерживает и разрушает, а также забирает на тот свет и спасает живые существа. Так как, в соответствии с Его законами, существа пожинают плоды своих действий, ответственность лежит на них, а не на Боге. Бог не связан никакими действиями.

Высказывание Шри Бхагавана, что истинная природа того, кто смотрит, проявляется только тогда, когда исчезают вещи, видимые им, не следует принимать буквально, как несознание физического мира. Это было бы состояние бесформенного транса, или *нирвикальна самадхи*; в действительности высказывание Бхагавана значит, что эти вещи прекращают восприниматься реальными и переживаются просто как формы, которые принимает Самость. Можно пояснить на традиционном примере верёвки и змеи, который приводил ещё Шри Шанкара. Человек видит в сумерках свёрнутую верёвку и по ошибке принимает её за змею, а потому пугается. Когда приходит день, он видит, что это была лишь верёвка и его опасения были беспочвенными. Реальность Бытия – это верёвка, а иллюзия змеи, которая напугала его – объективный мир.

Утверждение, что сокрушать мысли в их источнике – это *вайрагья*, также требует пояснения. Значение термина «вайрагья» – это бесстрашие, непривязанность, беспристрастность. Вопрос Шивапракашама Пиллая о том, когда в человеке будут подавлены инстинкты и скрытые тенденции, показывает, что именно к *вайрагье* он чувствовал необходимость стремиться. Шри Бхагаван, в сущности, говорил ему, что «вичара», или Само-запрос, это самая короткая дорога к *вайрагье*. Страсти и привязанности находятся в уме; таким образом, когда разум контролируется, они подавляются, и это есть *вайрагья*.

Позднее эти вопросы были расширены и изложены в виде книги под названием «Кто я?», возможно, самым признанным изложением учения Шри Бхагавана.¹

К 1910 году Шивапракашам Пиллай стал ощущать, что государственная служба для него утомительна и препятствует *садхане*, духовному поиску. Он был достаточно состоятелен, чтобы вести жизнь домохозяина без необходимости зарабатывать на жизнь, и поэтому ушёл в отставку. Через три года он столкнулся с необходимостью принять решение – была ли его отставка уходом из мирской жизни, или же он просто ушёл от того, что ему докучало, и оставил то, что было приятным. Его жена умерла, и надо было выбирать: жениться ли снова или принять жизнь *садху*. Он был ещё средних лет, и была девушка, которая его очень привлекала. Но тогда появится вопрос о деньгах, если он захочет снова жениться и завести семью.

Поначалу он избегал спрашивать Шри Бхагавана об этом всём, возможно, в глубине души зная, какой последует ответ; поэтому он попытался получить ответ другим путём. Он написал на листе четыре вопроса:

¹ См. приложение к этому изданию

- 1) Что я должен делать, чтобы избежать горя и забот на земле?
- 2) Нужно ли мне жениться на девушке, о которой я думаю?
- 3) Если нет, то почему?
- 4) Если свадьба должна состояться, как найти необходимые деньги?

С этим листком он пришёл в храм Вигнешвары – аспекта Бога, которому он с детства имел привычку молиться. Он положил бумагу перед образом и бодрствовал всю ночь, молясь о том, чтобы ответы появились написанными на бумаге или он получил какой-нибудь знак или видение.

Однако ничего не произошло, и теперь у него не было иного выхода, кроме как обратиться ко Свами. Он вернулся в пещеру Вирупакша, но всё ещё стеснялся задавать вопросы. День шёл за днём, а он всё откладывал. Хотя Шри Бхагаван никогда никого не призывал отказываться от домашней жизни, это не означало, что он одобрит того, кого отпустила сама судьба, чтобы тот вернулся за второй порцией. Шивапракашам Пиллай постепенно стал ощущать, что ответ сам рождается в нём из наблюдения за собственной жизнью Свами, в его безмятежной чистоте, совершенно равнодушного к женщинам, не озабоченного деньгами. Дата, которую он установил для отъезда, приближалась, а вопросы так и не были заданы. В тот день вокруг было много людей, так что даже если бы он и хотел задать свои вопросы, он не смог бы этого сделать, не огласив их публично. Он сидел, глядя на Свами, когда внезапно узрел ослепительный нимб вокруг его головы и золотого ребёнка, появившегося из головы и потом вернувшегося в неё обратно. Был ли это живой ответ, что чадо рождается не от плоти, но от Духа? Его затопило половодье экстаза. Напряжение долгого периода сомнений и нерешительности спало, и он зарыдал от облегчения.

Вот иллюстрация величайшей нормальности, царившей вокруг Шри Бхагавана, – когда Шивапракашам Пиллай рассказал другим преданным о том, что произошло, то кто-то засмеялся, кто-то не поверил, а другие подумали, что он принял наркотики. Хотя можно было бы собрать много случаев видений и необычных происшествий, о них достаточно мало распространялись за более чем пятидесятилетний срок проявления Шри Бхагавана среди нас.

Переполненный радостью, Шивапракашам Пиллай оставил все мысли о том, чтобы в тот день уехать. Следующим вечером, когда он сидел перед Шри Бхагаваном, у него снова было видение. На этот раз тело Бхагавана сияло, как утреннее солнце, а вокруг него было свечение, как у полной луны. Потом снова он увидел, что всё тело Бхагавана покрыто священным пеплом, а глаза светятся состраданием. Через два дня опять было видение, будто всё тело Бхагавана было чистым кристаллом. Он был ошеломлён и боялся уезжать, чтобы радость, бурлившая в его сердце, не прекратилась. В конце концов он вернулся в свою деревню, получив ответы на свои незадаанные вопросы, и провёл остаток жизни в безбрачии и аскетизме.¹ Все свои

¹ Когда в 1948 году Шри Бхагаван получил телеграмму о кончине Шивапракашама Пиллая, он заметил: «Шивапракашам *шива-пракашаманар*», то есть «Шивапракашам стал светом Шивы». Это означает, что искренний и всем сердцем преданный ученик достиг Цели, которую он так настоятельно искал.

переживания он описал в поэме на тамильском языке. Он также написал ряд поэм, восхваляющих Шри Бхагавана, и некоторые из них до сих пор распеваются преданными.

Натеша Мудальяр

Не все посетители понимали молчаливую *упадешу* (наставление) Шри Бхагавана. Натеша Мудальяр в конечном счёте смог её понять, но это случилось не быстро. Он был учителем в начальной школе, когда прочитал труды Вивекананды, который разжёл в нём желание отречься от мира и найти Гуру. Друзья рассказали ему о Свами с горы Аруначала, но добавили, что получить от него *упадешу* (руководство) – занятие почти безнадежное. Несмотря на это, Мудальяр решил попробовать. Это был 1918 год, Шри Бхагаван уже жил в Скандашраме. Мудальяр приехал и сел перед ним, но Шри Бхагаван молчал, и Мудальяр, не осмелившись заговорить первым, ушёл разочарованным.

Потерпев неудачу, он пустился путешествовать, посещая разных Свами, но не встретил никого, в ком бы чувствовал Божественное Присутствие и кому мог бы отдаться. После двух лет бесплодных поисков он написал длинное письмо Шри Бхагавану, умоляя его не быть эгоистично равнодушным к судьбе томящихся душ и спрашивая разрешения приехать снова, поскольку первый визит оказался безрезультатным. Прошёл месяц, а ответа всё не было. Тогда он послал заказное письмо с уведомлением о вручении, в котором написал: «Сколько бы перерождений мне ни пришлось пройти, мне суждено получить *упадешу* от Вас и только от Вас. Поэтому Вам придётся родиться снова, если в этой жизни Вы откажетесь от меня как от слишком неподготовленного и незрелого для Вашей *упадешу*. Я клянусь в этом».

Несколько дней спустя Шри Бхагаван явился ему во сне и сказал: «Не думай постоянно обо мне. Сначала тебе надо получить Милость Господа Махешвары, Повелителя Быка (то есть Шивы). Медитируй сначала на нём и добейся его Милости. Моя помощь придёт сама собой». У него дома было изображение Господа Махешвары, сидящего на быке, и он использовал его для медитации. Через несколько дней он получил ответ на своё письмо: «Махарши не отвечает на письма; вы можете приехать и увидеть его лично».

Он написал ещё одно письмо, чтобы убедиться, что предыдущее письмо было написано по указанию Шри Бхагавана, и затем отправился в Тируваннамалай. Следуя тому, что было сказано ему во сне, сначала он отправился в Великий храм, где имел *даршан* (наслаждался присутствием) Господа Аруначалешвары, и провёл там ночь. Какой-то брамин, которого он там встретил, пытался отговорить его. «Послушай, я провёл шестнадцать лет с Раманой Махарши, тщетно пытаюсь получить его *ануграхам* (Милость). Он равнодушен ко всему. Размозжи ты себе голову, он даже не

поинтересуется, зачем ты это сделал. Так как получить его Милость невозможно, тебе нет никакого смысла его посещать».

Это замечательная иллюстрация того понимания, которое требовалось почитателям Шри Бхагавана. Там, где тот, у кого открыто сердце, увидит, что Бхагаван более заботлив, чем родная мать, а другой будет трепетать от благоговения, тот, кто судит лишь по внешним признакам, не увидит ничего. Натеша Мудальяр был не из тех людей, кто сдаётся. Так как он настаивал на том, чтобы пойти, другой брамин сказал ему: «По крайней мере, есть один способ узнать, посчастливится ли тебе получить его Милость. На горе есть Свами по имени Сешадри. Он ни с кем не общается и обычно прогоняет тех, кто пытается к нему подойти. Если тебе повезёт получить какой-нибудь знак его расположения, это будет предзнаменованием успеха».

На следующее утро Мудальяр вместе со своим коллегой, Дж.В. Субраманьей Айером, отправился на поиски неуловимого Сешадри Свами. После долгих поисков они наконец увидели его, и, к удивлению и облегчению Мудальяра, тот сам подошёл к ним. Не нуждаясь в их объяснениях, он обратился к Мудальяру: «Бедное моё дитя! Почему ты в печали и тревоге? Что такое *джняна* (Знание)? После того, как ум отвергнет всё, одно за другим, как преходящее и нереальное, ТО, которое переживёт это устранение, и есть *джняна*. Это Бог. Всё есть ТО и только ТО. Глупо бегать туда-сюда, веря, что *джняну* можно достичь, придя на гору или в пещеру. Иди без страха». Таким образом, он дал не свою *упадешу* (наставление), но Шри Бхагавана, и в тех же выражениях, что мог бы использовать Бхагаван.

Воодушевленные этим благоприятным предзнаменованием, они продолжили свой путь наверх, в Скандашрам. Было около полудня, когда они пришли. Пять или шесть часов просидел Мудальяр около Шри Бхагавана, и ни одно слово не прозвучало между ними; а потом пришло время вечерней трапезы, и Шри Бхагаван поднялся, чтобы выйти. Дж.В.С. Айер сказал ему: «Вот тот человек, который писал те письма». Шри Бхагаван пристально посмотрел на него, а затем повернулся и вышел, всё ещё не говоря ни слова.

Месяц за месяцем приезжал Мудальяр и сидел там весь день, молчаливо умоляя, но Шри Бхагаван не говорил с ним, а он не осмеливался заговорить первым. Так прошёл целый год; он больше не мог этого вынести, и поэтому наконец заговорил: «Я хотел бы узнать и пережить, что такое ваша Милость, так как люди по-разному рассказывают о ней».

Шри Бхагаван ответил: «Я всегда даю свою Милость. Если вы не можете её постичь, то что я могу поделать?»

Даже сейчас Мудальяр не мог понять безмолвной *упадешу*; он всё ещё был в замешательстве, каким путём ему следовать. Вскоре Шри Бхагаван явился ему во сне и сказал: «Пусть твоё видение станет однонаправленным и равноудалённым как от внешних объектов, так и внутренних. По мере того, как будут исчезать различия, у тебя будет идти прогресс». Мудальяр понял это наставление как относящееся к его

физическому зрению и ответил: «Это не кажется мне верным путём. Если такой исключительный человек, как вы, даёт мне такой совет, кто же даст мне настоящий совет?» Однако Шри Бхагаван заверил его, что это правильный путь.

Так описывает дальнейшее развитие событий сам Мудальяр: «Некоторое время я следовал этой *упадеше*, полученной во сне, а потом у меня был новый сон. На этот раз Шри Бхагаван явился мне, когда рядом стоял мой отец, и спросил, указывая на отца: „Кто это?“ С некоторым сомнением насчёт философской точности ответа я сказал: „Мой отец“. Махарши улыбнулся мне многозначительно, и я добавил: „Мой ответ дан на общепринятом языке, он не философский“, потому что я помнил, что я – не тело. Махарши подвёл меня к нему и положил руку сначала мне на голову, а потом на правую грудь, нажав пальцем на сосок. Это было довольно больно, но так как это была его Милость, я принял это спокойно. Я тогда не знал, почему он давит мне на правую грудь, а не на левую»¹.

Таким образом, хотя он и не смог принять молчаливую инициацию, он получил инициацию прикосновением, пусть и во сне.

Он был из породы людей, чей пыл и желание идти до конца вели к идее отречься от домашней жизни и уйти бродяжничать. Как и в других подобных случаях, Шри Бхагаван отговорил его. «Также как здесь ты избегаешь забот домашней жизни, возвращайся домой и постарайся быть равно невовлечённым и незатронутым там». У Мудальяра всё ещё не доставало полного доверия и убеждённости, которые испытывает ученик к своему Гуру, и поэтому он всё же совершил отречение, несмотря на ясное указание Шри Бхагавана. Он обнаружил, как и предсказывал Шри Бхагаван, что трудностей на его пути стало больше, и несколько лет спустя вернулся к семье и снова устроился на работу. После всех этих событий его преданность углубилась. Он сочинил ряд поэм во славу Шри Бхагавана на тамильском. И в конечном счёте он получил словесное наставление, которого так жаждал, и даже полнее, чем большинство других преданных, так как именно он был адресатом значительной части «Духовного наставления», в котором дано самое замечательное изложение доктрины Гуру и его Милости.

Ганапати Шастри

Среди преданных совершенно выдающимся был Ганапати Шастри, также известный как Ганапати Муни (то есть «Мудрец Ганапати») и как носитель славного титула Кавьяканта (человек с поэзией в глотке, то есть поэт-импровизатор) за его победу в стихотворных дебатах на санскрите. Он был человеком исключительных талантов, что могло выдвинуть его на передовую современной литературы и науки, имей он достаточно амбиций, или сделать его великим Духовным Учителем, не имей он вовсе никаких амбиций, но он застрял где-то между этими двумя полюсами. Слишком

¹ Причина этого дана в 12 главе.

настроенный на Бога, чтобы искать успех или славу, он в то же время был слишком озабочен помощью человечеству и его духовным подъёмом, чтобы избежать иллюзии «я-есть-делатель».

Во время его рождения в 1878 году (за год до Шри Бхагавана) его отец был в Бенаресе (Варанаси) и стоял перед образом Господа Ганапати (Ганеши), когда у него было видение ребёнка, бегущего к нему от Господа; поэтому он назвал сына Ганапати. Первые пять лет жизни Ганапати был тупоумен, подвержен эпилептическим припадкам и казался кем угодно, но только не многообещающим ребёнком. Его, по видимому, лечили клеймением раскалённым железом, после чего он стал выказывать свои изумительные способности. К десяти годам он написал стихотворение на санскрите, подготовил астрологический календарь, изучил несколько *кавий* (работы на санскрите) и учебников по грамматике. В четырнадцать он освоил *Панчакавы*¹ и главные книги по санскритской просодии и риторике, прочитал Рамаяну и Махабхарату и некоторые из Пуран. Он уже мог бегло говорить и читать на санскрите. Как и Шри Бхагаван, он обладал феноменальной памятью. Что бы он ни прочёл или услышал, он всё запоминал, и, опять же, как Шри Бхагаван, имел способность *аштавадханы*, то есть уделять внимание сразу нескольким вещам.

Рассказы о древних *риши* зажгли в нём желание подражать, и с восемнадцати лет, вскоре после женитьбы, он стал путешествовать по Индии, посещая святые места, повторяя мантры и выполняя *тапас* (аскезу). В 1900 он приехал на собрание учителей санскрита, *пандитов*, в бенгальском городе Надия, где его необычайные способности к стихотворной импровизации и блестящее философское дебатирование завоевали ему титул Кавьяканта, о котором упоминалось выше. В 1903 году он приехал в Тируваннамалай и дважды посетил Брахману Свами на горе. На какой-то период он устроился школьным учителем в Веллоре, от Тируваннамалай в нескольких часах езды на поезде, где собрал небольшую группу учеников, которые с помощью мантр должны были развивать свою *шакти* (силу или энергию) до такого уровня, чтобы её тонкое влияние могло проникать и духовно поднимать всю нацию, если не всё человечество.

Жизнь учителя не могла удержать его надолго. К 1907 году он вернулся в Тируваннамалай. Но теперь его стали одолевать сомнения. Он уже подходил к среднему возрасту, но несмотря на всю свою исключительность и обширные познания, несмотря на все мантры и *тапас*, он ещё не достиг успеха ни в Боге, ни в мире. Он чувствовал, что близится его смертный час. На девятый день фестиваля Картикай он неожиданно вспомнил о Свами на горе. У него наверняка есть ответы. Как только пришло побуждение, он начал действовать. Под палящим полуденным солнцем он взошёл на гору к пещере Вирупакша. Свами сидел один на веранде. Шастри пал ниц перед ним и обнял его стопы вытянутыми руками. Голосом, дрожащим от волнения, он сказал: «Всё, что нужно было прочитать, я прочёл; даже *Веданта Шастру* я полностью изучил; я выполнял *джану* (призывание) от всего

¹ Pancha Kavyas – пять великих книг литературы на телугу.

сердца; и всё же я до сих пор не понял, что такое *танас*. Поэтому я ищу прибежища у Ваших стоп. Молю Вас просветить меня, раскрыв природу *танаса*».

Свами обратил на него свой пристальный взгляд и после пятнадцати минут молчания ответил: «Если человек наблюдает, откуда возникает идея „себя“, ум погружается в ТО; вот что такое *танас*. При повторении мантры, если человек смотрит на Источник, откуда появляется звук мантры, ум погружается в ТО; вот что такое *танас*».

Шастри был переполнен радостью, но не столько от этих слов, сколько от Благодати, излучавшейся от Свами. С бьющей через край жизненной энергией, которую он вкладывал во всё, он написал друзьям об этой полученной *упадеше* и начал составлять восхваления Свами в стихах на санскрите. Он узнал от Паланисвами, что имя Свами – Венкатараман, и объявил, что отныне тот должен быть известен как Бхагаван Шри Рамана и как Махарши. Имя «Рамана» немедленно вошло в обиход; так же и титул Махарши (Маха-риши, Великий Риши, мудрец). Долгое время его именовали в устной речи и на письме как «Махарши», однако постепенно среди преданных возобладала практика обращения к нему в третьем лице как «Бхагаван», что означает «Божественный» или просто «Господь». Сам он обычно говорил безлично, избегая использования слова «я». Например, на самом деле он не говорил: «Я не знал, когда всходит солнце и когда оно садится», как процитировано в пятой главе, он сказал: «Кто знал, когда солнце всходит и когда оно садится?» Иногда он говорил о своём теле как об «этом». Только в высказываниях, где уместно было слово «Бог», он употреблял «Бхагаван» и говорил о себе в третьем лице. К примеру, когда моя дочь должна была вернуться в школу и просила его вспоминать о ней, когда она уедет, ответ был: «Если Китти будет вспоминать Бхагавана, Бхагаван будет вспоминать Китти».

Ганапати Шастри также любил отзываться о Шри Бхагаване как о проявлении Господа Субраманьи; однако тут почитатели справедливо отказывали ему в поддержке, чувствуя, что считать Шри Бхагавана проявлением какого-то одного божественного аспекта – это пытаться ограничить Безграничное. И сам Шри Бхагаван не поддерживал такую идентификацию. Один посетитель однажды спросил его: «Если Бхагаван – *аватар* Субраманьи, как некоторые говорят, почему он не скажет нам об этом открыто, чтобы мы не терялись в догадках?»

И он ответил: «Что такое *аватар*? *Аватар* – это проявление одного аспекта Бога, тогда как Джняни – это Бог сам».

Примерно через год после встречи со Шри Бхагаваном Ганапати Шастри испытал замечательное проявление его Благодати. Он сидел, медитируя, в храме Ганапати в Тирувоттиуре и чувствовал, что ум его блуждает, и поэтому пылко жаждал присутствия и руководства Шри Бхагавана. В этот момент Шри Бхагаван вошёл в храм. Ганапати Шастри простёрся перед ним и когда хотел подняться, вдруг ощутил руку Шри Бхагавана на своей голове и чудовищную жизненную силу, проходящую

через его тело от этого прикосновения, так что он тоже получил Милость от Учителя через прикосновение.

Впоследствии Шри Бхагаван рассказал об этом случае: «Как-то раз, несколько лет назад, я лежал, бодрствуя, когда отчетливо ощутил, что моё тело поднимается всё выше и выше. Я видел, как физические объекты внизу становятся всё меньше и меньше, пока не исчезли вовсе, и всё вокруг меня не стало одним беспредельным пространством ослепительного света. Через какое-то время я почувствовал, что тело начало опускаться, и стали появляться физические объекты внизу. Я так полно осознавал обстановку, что в конце концов решил, что именно так *Сиддхи* (Мудрецы со сверхъестественными силами) путешествуют на большие расстояния и таинственно появляются и исчезают. Пока тело приземлялось, мне открылось, что я в Тирувоттиюре, хотя я никогда не был в этом месте. Я увидел, что я на большой дороге, и зашагал по ней. На некотором расстоянии от дороги был храм Ганапати, и я вошёл туда».

Этот случай очень характерен для Шри Бхагавана тем, что бедствие или преданность одного из его учеников вызвали непровольный отклик и вмешательство в форме, которую иначе, нежели чудесной, и не назовёшь. И так же показательно, что Шри Бхагаван, имея в распоряжении любые сверхъестественные силы, был совершенно не заинтересован использовать силы более тонкие, чем физический мир, и когда в ответ на запрос преданного происходили такие вещи, он мог сказать с простотой ребёнка: «Думаю, что именно так делают *Сиддхи*».

И именно этого безразличия Ганапати Шастри оказался не в состоянии постичь. Однажды он спросил: «Достаточно ли для достижения моих целей искать источник я-мысли? Или же нужна ещё *мантра дхьяна* (повторение мантр)?» Всегда одно и то же: его цели, его амбиции, восстановление страны, оживление религии.

Шри Бхагаван ответил кратко: «Первого достаточно». А когда Шастри продолжил говорить о своих целях и идеалах, он добавил: «Будет лучше, если ты скинешь всю ношу на Господа. Он позаботится о любом бремени, и ты будешь свободен от него. Он сделает свою часть работы».

В 1917 году Ганапати Шастри с другими преданными задали Шри Бхагавану ряд вопросов, которые вместе с его ответами составили книгу под названием «Шри Рамана Гита»¹ – более учёную и теоретическую, чем большинство остальных книг. Характерно, что в одном из вопросов Ганапати Шастри спрашивает: если некто достиг *Джняны* (Само-осознания), так сказать, в процессе поиска некоторых особенных сил, исполнятся ли его первоначальные желания? И нигде тонкий и молниеносный юмор Шри Бхагавана не проиллюстрирован лучше, чем в ответе, который он дал: «Если йогин, хотя он и начал заниматься йогой ради исполнения

¹ Издана на русском языке как «Шри Рамана Гита (Песнь Шри Раманы)», СПб, 1996.
<http://ramana.ru/books/index.html#ramanagita>

желаний, в процессе занятий получил Знание, он не станет особо радоваться, даже если его желания каким-то образом осуществляются».

Примерно в 1934 году Ганапати Шастри с группой последователей поселился в деревне Нимпура близ Карагпура и посвятил себя *танасу* (аскетизму), которым занимался до смерти, случившейся двумя годами позднее. Однажды, после смерти Шастри, Шри Бхагавана спросили, мог ли он достичь Осознания в течение этой жизни, и Бхагаван ответил: «Как он мог? Его *санкальпы* (внутренние склонности) были слишком сильны».

Ф.Х. Хамфрис

Первый западный почитатель Шри Бхагавана уже занимался оккультизмом, когда в 1911 году приехал в Индию. Ему был всего двадцать один год, и он прибыл на полицейскую службу в Веллоре. Он нанял преподавателя, некоего Нарасимхайю, чтобы тот обучил его телугу, и на первом же уроке попросил достать книгу по индийской астрологии на английском языке. Это была странная просьба для белого сахиба¹, но Нарасимхайя согласился и принёс одну из библиотеки. На следующий день Хамфрис задал ещё более удивительный вопрос: «Вы знаете здесь какого-нибудь Махатму?»

Нарасимхайя коротко ответил, что не знает. Однако это не надолго спасло его от смущения, так как на следующий день Хамфрис сказал: «Вчера вы мне сказали, что не знаете никакого Махатму. Что ж, я видел вашего Гуру этим утром, сразу после того, как проснулся. Он сел возле меня и что-то сказал, но что, я не смог понять».

Так как Нарасимхайя всё ещё выглядел неубеждённым, Хамфрис продолжил: «Первым человеком из Веллора, которого я встретил в Бомбее, были вы». Нарасимхайя стал возражать, что он никогда не был в Бомбее, но Хамфрис объяснил, что когда он прибыл туда, его положили в больницу с высокой температурой. Чтобы облегчить себе боль, он направил свой ум в Веллор, куда он должен был направиться немедленно по прибытию в Индию, если бы не болезнь. Он путешествовал в Веллор в астральном теле и видел там Нарасимхайю.

Нарасимхайя просто ответил, что не знает, что такое астральное тело, и вообще не знает других тел, кроме физического. Однако, чтобы проверить истинность того сна, на следующий день он оставил на столе Хамфриса пачку фотографий, перед тем как уйти на урок к другому офицеру полиции. Хамфрис просмотрел их и сразу выбрал фото Ганапати Шастри. «Вот!» – воскликнул он, когда его учитель вернулся. «Это ваш Гуру».

Нарасимхайя признал, что так оно и есть. После этого Хамфрис снова заболел и вынужден был отправиться в Утакаманд на лечение. Через несколько месяцев он

¹ Sahib – вежливое название европейца в колониальной Индии, а также форма обращения к нему.

вернулся в Веллор и снова удивил Нарасимхайю, на этот раз нарисовав горную пещеру, которую увидел во сне, с ручьём, текущим перед ней, и Мудрецом, стоящим у её входа. Это могла быть только Вирупакша. Нарасимхайя рассказал ему о Шри Бхагаване. Хамфрис был представлен Ганапати Шастри и проникся к нему большим уважением, и в том же месяце, в ноябре 1911 года, все трое предприняли визит в Тируваннамалай.

Первое впечатление Хамфриса от потрясающей тишины Шри Бхагавана уже упоминалось в главе 6. В том же письме он писал: «Самым трогательным было зрелище множества детей, примерно до семи лет, которые самостоятельно поднимались на гору, приходили к Махарши и сидели около него, хотя он мог даже не взглянуть на них и не сказать ни слова за весь день. Они не играли, а просто сидели там тихо, совершенно довольные».

Как и Ганапати Шастри, Хамфрис жаждал помочь миру.

Х: Учитель, могу ли я помочь миру?

Б: Помоги себе, и ты поможешь миру.

Х: Я желаю помочь миру. Разве я не могу быть полезен?

Б: Да, помогая себе, ты помогаешь миру. Ты в мире, ты – мир. Ты не отличаешься от мира, как и мир не отличается от тебя.

Х: (после паузы) Учитель, могу ли я совершать чудеса, как делали раньше Шри Кришна и Иисус?

Б: Разве кто-нибудь из них, когда совершал чудо, чувствовал, что это он его совершает?

Х: Нет, Учитель.

Вскоре Хамфрис прибыл повторно.

«Я приехал на мотоцикле и поднялся к пещере. Мудрец улыбнулся, когда увидел меня, но несколько не удивился. Мы зашли внутрь, и перед тем, как сесть, он задал мне вопрос о том, что мог знать только я. Очевидно, он познал мой внутренний мир в тот момент, когда увидел. Каждый, кто приходит к нему, для него – открытая книга, и ему хватает одного взгляда, чтобы открыть её содержание.

„Вы ещё ничего не ели, – сказал он, – и голодны”. Я признался, что так оно и есть, и он сразу позвал *челу* (ученика), чтобы тот принёс мне поесть – рис, гхи, фрукты и так далее, которые едят пальцами, так как индусы не используют ложки. Хотя я и пробовал уже есть таким способом, мне не хватало сноровки. Поэтому он дал мне ложку из кокоса, улыбаясь и беседуя между делом. Ты не можешь представить себе ничего более прекрасного, чем эта улыбка. Мне дали кокосовое молоко, белое, как коровье, и вкусное, в которое он сам добавил щепотку сахара.

Когда я доел, то был ещё голоден, и он знал это и попросил принести добавку. Он знает всё, и когда на меня стали наседать, чтобы я съел фрукт, хотя я уже насытился, он сразу их остановил.

Мне пришлось извиниться за свою манеру пить. Он просто сказал: «Ничего». Индусы щепетильны в этом вопросе. Они не хлебают через край и никогда не касаются сосуда губами, а льют жидкость прямо в рот. Так многие могут пить из одного сосуда без боязни подхватить инфекцию.

Пока я ел, он рассказывал обо мне остальным, и весьма подробно. А ведь он видел меня до этого лишь однажды, а после меня – ещё сотни других людей. Он просто, так сказать, включил ясновидение, как будто открыл энциклопедию. Я сидел около трёх часов, слушая его наставления.

Позднее я захотел пить, так как поездка была по жаре, но не высказал этого. И всё же он узнал и сказал челе принести мне лимонада.

Наконец, настало время уходить, поэтому я поклонился, как мы обычно делаем, и вышел из пещеры, чтобы обуться. Он тоже вышел и сказал, что я могу снова прийти, чтобы увидеть его.

Удивительно, какую перемену может пережить человек в его Присутствии!»

Нет сомнений, что любой, кто сидел перед Шри Бхагаваном, был для него открытой книгой; и всё же Хамфрис, скорее всего, был неправ насчёт ясновидения. Хотя Шри Бхагаван и видел людей насквозь, чтобы помогать им и направлять, он не использовал подобных сил на человеческом уровне. Его память на лица была такой же феноменальной, как и на книги. Из тысяч, приходивших к нему, он не забывал ни одного почитателя, кто хоть однажды побывал у него. Пускай тот возвращался годы спустя, он узнавал его. Он помнил и историю жизни каждого преданного, а Нарасимхайя, должно быть, рассказывал ему о Хамфрисе. Когда какой-то вопрос не стоило обсуждать, он выказывал крайнюю осторожность, однако обычно был прост и бесхитроу, как ребёнок, и мог обсуждать кого-то прямо в его присутствии, совершенно непринуждённо и не вызывая у того смущения. Что касается еды и питья, Шри Бхагаван был не только внимательным, но и необычайно наблюдательным и следил, удовлетворён ли гость.

В Хамфрисе начали проявляться чудодейственные силы, но Шри Бхагаван предостерег, чтобы тот не потворствовал им, и он оказался достаточно силён, чтобы сопротивляться искушению. Под влиянием Шри Бхагавана он вскоре утратил весь интерес к оккультизму.

Более того, он перерос заблуждение, почти общепринятое на Западе и всё более распространяющееся на современном Востоке, что человечеству можно помочь только внешней активностью. Ему было сказано, что, помогая себе, человек

помогает миру; это изречение, которое школа *laissez faire*¹ ошибочно считает истиной в экономическом смысле, на самом деле правдиво в духовном смысле, так как духовное богатство одного не отнимает духовного богатства у другого, но увеличивает его. Точно так же, как он увидел Шри Бхагавана в самую первую их встречу как «неподвижный труп, из которого с огромной силой излучается Бог», так и любой человек, согласно своей пропускной способности, является передающей станцией невидимых влияний. В той мере, в какой человек находится в состоянии гармонии и свободен от эгоизма, он неизбежно и непроизвольно излучает гармонию, неважно, проявляет ли он при этом внешнюю активность или нет; и в той мере, в какой его внутренняя суть беспокойна и эго сильно, он излучает дисгармонию, хотя при этом может совершать богослужение.

Хотя Хамфрис никогда не жил со Шри Бхагаваном и посещал его всего несколько раз, он впитал его учение и получил его Милость. Очерк на английском, который он послал другу, позднее был опубликован в «Международной психической газете» и содержит прекрасное изложение Учения.

«Учитель – это человек, который медитирует исключительно на Боге, который выбросил всю свою личность в океан Бога и утопил и забыл её там, став исключительно инструментом Бога, и когда он открывает рот, то произносит слова Бога, без усилий или намерения; а когда поднимает руку, Бог вновь течёт через неё, творя чудо.

Не думай слишком много о психических феноменах и подобных вещах. Имя им – легион; как только в сердце искателя установилась вера в психическое, эти феномены сделали свою работу. Нет смысла обладать ясновидением или яснослышанием, ведь без них возможны намного большие просветление и мир, чем с ними. Учитель рассматривает эти силы как форму самоубийства!

Представление, что Учитель – это просто человек, который посредством долгих тренировок, или молитв, или ещё чего-либо подобного, обрёл власть над различными оккультными силами, совершенно неверно. Учитель ни в грош не ставит оккультные силы, потому что они не нужны ему в повседневной жизни.

Те явления, которые мы видим, они удивительны и любопытны, но мы не сознаём самое изумительное из них – то, что является безграничной силой, которая одна ответственна за:

- А) все явления, которые мы видим; и
- Б) сам акт их видения.

Не останавливай своё внимание на всех этих изменчивых вещах, вроде жизни, смерти и явлениях. Не думай даже о самом акте их видения и восприятия, но

¹ *Laissez-faire* [лесэ-фэр] (с фр. – «позвольте-делать»), принцип невмешательства – экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным.

только о том, что видит все эти вещи – о том, что ответственно за это всё. Поначалу это покажется почти невозможным, но постепенно ты ощутишь результат. Потребуется годы постоянной, ежедневной тренировки – но именно так становятся Учителем. Уделяй этой тренировке ежедневно четверть часа. Пытайся твёрдо держать ум на ТОМ, которое видит. Оно внутри тебя. Не жди, что "ТО" – это некая определённая вещь, на которой можно с лёгкостью сосредоточиться; это не так. Хотя поиск "ТОГО" может занять годы, результат такой концентрации ты увидишь уже через четыре-пять месяцев – во всех видах бессознательного ясновидения, в покое ума, в силе справляться с бедами, в силе во всём, хотя и всегда бессознательной силе¹.

Я передаю тебе это учение в тех же словах, в которых Учитель передаёт его близким *челам* (ученикам). Отныне пусть же всё твоё внимание в медитации будет направлено не на акт видения, не на то, что ты видишь, но единственно на ТО, которое видит.

Человек не получает награды за Достижение. И тогда он понимает, что ему не нужна награда. Как говорит Кришна: "У тебя есть право на работу, но не на её плоды". Истинное достижение – это просто поклонение, а поклонение – это достижение.

Если ты присядешь и осознаешь, что мыслишь только благодаря единой Жизни и что разум, оживляемый этой единой Жизнью для акта мышления, есть часть целого, которое есть Бог, тогда ты отбросишь идею, что твой ум существует как отдельная сущность; и в результате разум и тело, так сказать, физически исчезнут; а единственное, что останется – это Бытие, которое одновременно и существование, и несуществование и необъяснимо словами или концепциями.

Учитель беспрестанно в этом состоянии и не может быть в ином, с той лишь разницей, что каким-то, для нас непостижимым, образом он может использовать ум, тело и даже интеллект, не впадая при этом в заблуждение, что у него есть отдельное сознание.

Бесполезно рассуждать, бесполезно пытаться понять ментально или интеллектуально и исходить из этой позиции. Такое умственное понимание – это лишь религия, лишь устав для детей и для жизни общества, руководство, как нам избежать потрясений; только внутренний огонь может сжечь глупости внутри нас и постепенно научить ощущению всеобщности, то есть знанию об иллюзии отделённости.

Религия, будь то христианство, буддизм, индуизм, теософия или любой другой "-изм", или "-софия", или система, может только довести нас до единой точки, где встречаются все религии, но не дальше.

¹ Приобретение или отсутствие оккультных сил зависит от *праарабдхи* (судьбы) человека. Силы не являются знаком его прогресса, как и их отсутствие не есть признак нехватки прогресса.

Эта единая точка, где встречаются все религии – это осознание (не в мистическом смысле, но в самом мирском и повседневном, и чем более мирском, повседневном и практичном, тем лучше) того факта, что Бог есть всё и всё есть Бог.

С этой точки начинается работа такого ментального понимания, и она заключается в ломке привычки. Необходимо прекратить называть вещи "вещами", но должно звать их Богом; и вместо того, чтобы думать о них как о вещах, должно знать их как Бога; вместо того, чтобы представлять, что "существование" – это единственно возможная вещь, следует понять, что это (феноменальное) существование – лишь творение ума и что "несуществование" – необходимое следствие, если ты постулируешь "существование".

Знание вещей лишь указывает на существование органа для познания. Нет звуков для глухого, нет зрелищ для слепого, а разум – просто орган для постижения или восприятия определённых сторон Бога.

Бог бесконечен, а потому существование и несуществование – просто его противоположные стороны. Я не хочу сказать, что Бог сделан из каких-то *определённых* частей. Трудно всеобъемлюще рассказать о Боге. Подлинное знание приходит изнутри, а не снаружи. И подлинное знание – это не "знание", но "видение".

Осознание – это не что иное, как видеть Бога в буквальном смысле. Наша величайшая ошибка в том, что мы думаем о Боге как действующем символически и аллегорически, а не практически и буквально.

Возьми кусок стекла, раскрась в разные цвета и нарисуй всякие образы и вставь его в проектор, включи свет, и тогда цвета и образы будут спроецированы на экран. Если же ты не включишь свет, ты не увидишь цвета и образы на экране.

А как получаются цвета? Путём разложения белого цвета в многогранной призме. Так же и с личностью человека. Её можно увидеть, когда через неё сияет Свет Жизни (Бог), то есть в поступках человека. Если человек спит или мёртв, ты не увидишь его личности. Ты можешь познать её, только когда эта личность оживляется Светом Жизни, который заставляет её действовать тысячей различных способов при контакте с этим многогранным миром. Если бы белый свет не разбивался и не проходил сквозь формы и образы на нашем слайде в проекторе, мы бы никогда не узнали, что там вообще было стекло перед проектором, так как свет просто бы светил сквозь него. В каком-то смысле белый свет был подпорчен, часть его чистоты была утрачена из-за того, что его вынудили светить сквозь цвета на стекле.

То же и с обычным человеком. Его ум – как экран. На него падает свет, тусклый и изменившийся, потому что он позволил многогранному миру встать на пути Света (Бога) и разбить его. Он видит лишь остатки Света (Бога) вместо Света

(Бога) самого, и его ум отражает эти остатки, которые он видит, как экран отражает цвета на стекле. Убери призму, и цвета исчезнут, поглощённые обратно в белый свет, из которого они появились. Убери цвета со слайда, и свет засияет сквозь него. Убери из нашего видения мир эффектов, который мы видим, и позволь нам смотреть прямо на источник, и мы увидим Свет (Бога).

Учитель в медитации, хотя его глаза и уши и открыты, так крепко удерживает своё внимание на "ТОМ, которое видит", что он не видит и не слышит и не имеет никакого физического сознания – впрочем, как и ментального, – но только духовное.

Мы должны устранить мир, который есть причина наших сомнений, который омрачает наши умы, и тогда свет Бога будет сиять ясно. Как можно устранить мир? Ну, например, вместо того чтобы видеть человека, ты смотришь и говоришь: "Это Бог, оживляющий тело", тело, которое отвечает указаниям Бога, более или менее точно, как корабль отвечает, более или менее точно, своему рулю.

Что такое грехи? Почему, например, человек много пьёт? Потому что он ненавидит быть связанным – связанным невозможностью пить столько, сколько захочется. Совершая грех, он стремится к свободе. Это стремление к свободе – первое инстинктивное действие Бога в уме человека. Потому что Бог знает, что он не ограничен. Пьянство не даёт человеку свободы, но в тот момент он не знает, что на самом деле он ищет свободу. Когда же он это понимает, то начинает искать лучший способ достичь свободы.

Но человек достигает свободы, только когда понимает, что никогда не был связан. Все "я", которые чувствуют себя такими связанными, все они на самом деле безграничный Дух. Я связан, потому что не знаю ничего другого, кроме того, что предоставляют мне мои чувства. В то время как на самом деле я – то, что ощущает, то, что воспринимает плоды чувств в любом теле и в любом уме. Эти тела и умы – просто инструменты высшего "Я", безграничного Духа.

Что истинному Я делать с инструментами, когда оно само является этими инструментами, так же как любые цвета – это Белый Свет?»

Нужно ли говорить, что служба в полиции оказалась не близка Хамфрису. Шри Бхагаван посоветовал ему заниматься службой и медитацией одновременно. Несколько лет он так и делал, а потом ушёл в отставку. Будучи католиком и понимая сущностное единство всех религий, он не видел необходимости менять конфессию. Он вернулся в Англию, где ушёл в монастырь.

Рагхавачарьяр

Посетители Бхагавана часто были впечатлены его терпимостью и мягкостью. И не просто потому, что он признавал истинность всех религий – так поступает любой человек с духовным пониманием, – но и если какая-то группа, школа или ашрам стремились распространять духовность, он признавал творимое ими добро, неважно, насколько далеки были их методы от его собственных или их учение – от строгой ортодоксии.

К Шри Бхагавану периодически приходил Рагхавачарьяр, чиновник из администрации Тируваннамалай. Он хотел узнать его мнение о Теософском обществе, но когда бы он ни пришёл, там всегда была толпа почитателей, а при других говорить он стеснялся. Однажды он пришёл, твёрдо решив задать три вопроса. Вот как он сам об этом рассказывает:

«Вопросы были такие:

1. Можете ли вы уделить мне несколько минут для личного разговора, в отсутствие других посетителей?
2. Мне бы хотелось узнать ваше мнение насчёт Теософского общества, чьим членом я являюсь.
3. Пожалуйста, разрешите мне увидеть вашу реальную форму, если я гожусь для этого.

Когда я зашёл, простёрся и сел в его Присутствии, там была толпа не менее тридцати человек, но мало-помалу все разошлись. Так я остался с Махарши наедине и получил ответ на первый вопрос, даже не задав его. Это очень впечатлило меня.

Затем он сам меня спросил, не *Гиту* ли я держу в руках и не являюсь ли я членом Теософского общества, и заметил раньше, чем я успел ответить на его вопросы: „Оно делает хорошую работу”. Я ответил ему утвердительно.

Таким образом, мой второй вопрос тоже был предвосхищён, и я с нетерпением ждал третьего. Через полчаса я набрался смелости и сказал: „Точно так же, как Арджуна хотел увидеть форму Шри Кришны и попросил *даршан* (его видение), так и я жажду иметь *даршан* Вашей истинной формы, если я этого достоин”. В тот момент он сидел на *пиале* (возвышении), а на стене позади него был нарисован портрет Дакшинамурти. Он молча смотрел на меня, как обычно, а я смотрел ему в глаза. Затем его тело вместе с изображением Дакшинамурти исчезли из моего поля зрения. Передо мной было только пустое пространство, даже без стен. После этого у меня перед глазами образовалось белёсое облако с очертаниями Махарши и Дакшинамурти. Их фигуры постепенно проявлялись серебристыми линиями. Затем, как вспышками молний, стали вырисовываться глаза, нос и другие детали. Они медленно расширялись, пока общая фигура Мудреца и Дакшинамурти не стала сверкать мощным, нестерпимым светом. Поэтому я закрыл глаза и подождал несколько минут, и потом увидел его и Дакшинамурти в обычном обличье. Я простёрся ниц перед Махарши и вышел.

Месяц после этого я не отваживался ходить к нему, так велико было впечатление, которое произвёл на меня этот опыт. Через месяц я поднялся на гору и увидел, что Махарши стоит перед Скандашрамом. Я обратился к нему: „Месяц назад я задал Вам вопрос, и у меня было вот такое переживание”, – и рассказал о переживании *даршана*, попросив объяснить его смысл. После паузы Махарши ответил: „Вы хотели увидеть мою форму, и вы увидели моё исчезновение. Я бесформен. Так что этот опыт мог быть правдой. Ваши дальнейшие видения могут соответствовать вашим представлениям, почерпнутым из изучения *Бхагавад-Гиты*. Но у Ганapati Шастри был похожий опыт; вы можете посоветоваться с ним”. (На самом деле я не стал с ним советоваться). После этого Махарши сказал: „Выясните, кем является „Я”, видящее и мыслящее, и найдите его местообитание”».

Анонимный преданный

В Вирупакшу пришёл некий преданный, и хотя он оставался лишь пять дней, он так очевидно обрёл Милость Шри Бхагавана, что Нарасимхасвами, собиравший материал для его биографии – книги «Само-реализация», на которой основана значительная часть этой работы, счёл себя обязанным записать его адрес и имя. От него исходили радость и мир, и глаза Шри Бхагавана сияли, глядя на него. Каждый день он сочинял во славу Шри Бхагавана по песне на тамильском, такие восторженные, такие непосредственные, настолько наполненные радостью и преданностью, что среди всех сочинённых песен они входят в число тех, что исполняются и поныне. Позднее Нарасимхасвами посетил Сатьямангалам, город, который он назвал, чтобы собрать о нём больше сведений, но там такого не знали. Кто-то указал, что это название означает «Обитель Блаженства», и предположил, что посетитель мог быть посланцем какой-то тайной «Обители Блаженства», пришедшим отдать должное великому Гуру этого века.

Одна из его песен прославляет Шри Бхагавана как «Раману *Садгуру*». Однажды, когда её исполняли, Шри Бхагаван сам присоединился к её пению. Преданный, который пел её, засмеялся и сказал: «Первый раз я слышу, как кто-то поёт своё собственное восхваление».

Шри Бхагаван ответил: «Зачем ограничивать Раману этими метром восемьдесят? Рамана всеобщий».

Одна из пяти песен так наполнена радостью рассвета и пробуждения, что можно и вправду поверить, что тот, кто написал её, пережил подлинный рассвет:

На Горе зачинается рассвет,
Сладкий Рамана, приди!
Господь Аруначала, приди!

В кустах пташка поёт,
Дорогой Учитель, Рамана, приди!
Господь Знания, приди!

Раковина гудит, звёзды потускнели.
Сладкий Рамана, приди!
Господь, Бог Богов, приди!

Петухи кричат, птицы щебечут,
Уже пора, приди!
Ночь сбежала, приди!

Трубы трубят, барабаны стучат,
Светло-золотой Рамана, приди!
Знания рассвет, приди!

Вороны каркают – уже утро,
Господь, украшенный змеёй¹, приди!
Господь с синим горлом², приди!

Неведение исчезло, лотосы³ открылись,
Мудрый Господь Рамана, приди!
Венец *Вед*, приди!

Незапятнанный свойствами, Господь Освобождения,
Милосердный Рамана, приди!
Господь Покоя, приди!

Мудрец и Господь,
Единый с Бытием-Знанием-Блаженством,
Господь, танцующий в радости⁴, приди!

Любовь на вершине знания,
За пределами удовольствия и боли, приди!
Блаженная Тишина, приди!

¹ Эпитет Шивы

² Эпитет Шивы

³ Это также означает «сердца»

⁴ Эпитет Шивы

11 Животные

Согласно представлениям индуизма (как изложено, например, Шанкарачарьей в комментарии к Бхагавад-Гите, гл. V, шлоки 40-44), после смерти тот, кто не растворил иллюзию отдельной личности, осознав тождество с Самостью, переходит на небеса или в ад согласно хорошей или плохой карме или их сводному балансу, накопленному в течение земной жизни. После окончания этого времени жатвы он снова возвращается на землю к высокому или низкому рождению в соответствии со своей кармой, для того чтобы отработать часть, известную как *прабандха*, то есть судьбу одной жизни. В течение этой новой жизни он опять накапливает *агами*, или новую карму, добавляя её к своей *санчита-карме*, или тому остатку уже собранной кармы, которая не является *прабандхой*.

Обычно считается, что духовный прогресс и отработка кармы возможны только в человеческом воплощении, однако Шри Бхагаван указал, что и животные в состоянии отрабатывать свою карму. В разговоре, цитируемом ниже в этой главе, он говорит: «Мы не знаем, какие души занимают эти тела и для завершения какой части их неоконченной кармы они могут искать нашего общества». Шанкарачарья тоже утверждал, что животные могут достичь Освобождения. Кроме того, в одной из *Пуран* рассказывается, как Мудрец Джада-Бхарата, умирая, был захвачен мимолётной мыслью о своём приручённом олене, и ему пришлось переродиться оленем, чтобы изгнать эту последнюю оставшуюся привязанность.

Шри Бхагаван проявлял такое же уважение к животным, чья судьба привела их к нему, как и к людям. И животные тянулись к нему не менее, чем люди. Уже в Гурумуртаме птицы и белки строили свои гнёзда вокруг него. В те дни преданные полагали, что он безразличен к миру, так как не привязан к нему, но на самом деле он был очень наблюдателен и позже рассказывал о семье белок, которые заняли гнездо, покинутое какими-то птицами.

Он никогда не называл животных «оно», как принято у тамилов, а всегда «он» или «она». «Парням дали их еду?» - так он обычно говорил о собаках ашрама. «Дайте Лакшми её рис прямо сейчас» – это он говорит о корове Лакшми. В ашраме было правило, что сначала кормили собак, потом нищих, что могли прийти, и в последнюю очередь преданных. Зная нежелание Шри Бхагавана принимать что-либо, что нельзя было разделить между всеми в равной мере, я был удивлён, увидев однажды, как он пробует манго в промежутке между трапезами. Но потом я понял причину – сезон манго только начался, и он хотел узнать, достаточно ли зрел плод, чтобы дать его белому павлину, полученному от Махарани из Бароды и ставшему его подопечным. Были и другие павлины. Он подзывал их, имитируя их крик, и они подходили к нему и получали арахис, рис, манго. В последний день, перед его физической смертью, когда доктора сказали, что боль должна быть ужасной, он услышал павлиний клёкот на дереве поблизости и спросил, дали ли им еду.

Белки часто запрыгивали через окно на его диван, и у него всегда была небольшая банка с арахисом для них. Иногда он протягивал банку забежавшей белке и разрешал есть самой; иногда держал орешек, и маленькое создание брало его из ладони. Однажды, когда из-за возраста и ревматизма он стал гулять, опираясь на трость, он спускался по ступеням в ашрам, и в этот момент у его ног пробежала белка, которую преследовала собака. Он крикнул на собаку и бросил трость между ними, из-за чего поскользнулся и сломал ключицу; но собака отвлеклась, и белка была спасена.

Животные чувствовали его Милость. Если дикое животное выхаживается людьми, другие представители его вида бойкотируют его, когда оно возвращается в стаю, но если оно возвращалось от Бхагавана, всё было по-другому – скорее, они даже уважали такого счастливчика. Они чувствовали полное отсутствие страха и гнева в Бхагаване. Он сидел на горе, когда по его ногам проползла змея. Он не пошевелился и не выказал ни признака тревоги. Один преданный спросил, что чувствуешь, когда по тебе ползёт змея, и он, засмеявшись, ответил: «Прохладу и мягкость».

Он не хотел, чтобы там, где он жил, убивали змей. «Мы пришли в их дом и не имеем права беспокоить их или причинять им вред. Они не досаждают нам». И они действительно не досаждали. Однажды его мать сильно испугалась, когда к ней подползла кобра. Шри Бхагаван встал перед змеёй, и она развернулась и уползла. Она проползла между двух скал, а он проследовал за ней; однако путь заканчивался скалистой стеной, и не имея возможности ускользнуть, она развернулась к нему, свилась в кольцо и посмотрела на него. Он тоже стоял и смотрел на неё. Так продолжалось несколько минут, после чего кобра распрямилась и, не чувствуя больше нужды бояться, спокойно уползла, чуть ли не по его ногам.

Однажды, когда он сидел с преданными в Скандашраме, туда забежал мангуст и некоторое время сидел у него на коленях. «Кто знает, зачем он пришёл?» – сказал он. «Это не мог быть простой мангуст». Был ещё один весьма неординарный мангуст, про которого рассказал в своём дневнике профессор Венкатрамия. Отвечая на вопрос мистера Гранта Даффа, Шри Бхагаван сказал:

«Это случилось на Арудра Даршан (шиваистский праздник). Я тогда жил на горе в Скандашраме. На гору поднимались потоки посетителей из города, а сквозь толпы безо всякого страха пробирался мангуст, необыкновенно большой и золотистого оттенка, а не обычного серого, и без привычного чёрного пятна на хвосте. Люди думали, что он ручной и что владелец где-то в толпе. Он пришёл прямо к Паланисвами, который принимал ванну в ручье около пещеры Вирупакша. Он погладил и потрепал зверька. Он зашёл за Паланисвами в пещеру, оглядел в ней каждый уголок, а потом присоединился к толпе, шедшей в Скандашрам. Все изумлялись его симпатичной внешности и бесстрашию. Он подошёл ко мне, взобрался на колени и некоторое время отдыхал на них. Потом он поднялся, огляделся и прыгнул. Он обошёл всё вокруг, а я следовал за ним и следил, чтобы ему не навредили невнимательные посетители или павлины. Два павлина действительно присматривались к нему, но он спокойно ходил там и сям, пока в конце концов не исчез среди скал к юго-западу от ашрама.

Однажды ранним утром, перед восходом солнца, Шри Бхагаван с двумя преданными нарезал овощи для кухни ашрама. Один из них, Лакшмана Шарма, привёл свою собаку – симпатичного, чисто белого пса – который бегал вокруг в радостном настроении и отказывался от предлагаемой еды. Шри Бхагаван сказал: «Видите, какую радость он проявляет? Это высокая душа, которая приняла форму собаки».

В своём дневнике профессор Венкатарамия рассказал о впечатляющем случае преданности среди ашрамских собак:

«В тот период (то есть в 1924 году) в ашраме было четыре собаки. Шри Бхагаван говорил, что они не принимают еду, пока он сам не попробует. Один пандит решил это проверить и разложил перед ними немного еды, но они не прикоснулись к ней. Через некоторое время Шри Бхагаван положил небольшой кусочек этой еды себе в рот, и они тотчас же набросились и проглотили её».

Прародительницей большинства собак ашрама была Камала, которая пришла в Скандашрам ещё щенком. Преданные пытались прогнать её, опасаясь, что она наводнит ашрам своими щенками, принося их каждый год, но она отказалась уходить. И в самом деле, выросла большая собачья семья, но ко всем ним должно было оказываться равное уважение. По случаю первого щенения Камалу помыли, раскрасили куркумой и киноварью на лбу и выделили чистое место в ашраме, где она оставалась со своими щенками десять дней. А на десятый день её очищение отметили пирушкой. Она была умной и услужливой собакой. Шри Бхагаван часто поручал ей провести новоприбывшего вокруг горы. «Камала, сделай круг с этим новичком»; и она подводила его к каждому изображению, танку и святилищу на пути.

Одним из самых замечательных псов, хотя и не потомства Камалы, был Чинна Каруппан (Маленький Черныш). Вот что рассказывает о нём сам Шри Бхагаван:

«Чинна Каруппан был чисто чёрный, отсюда его имя. Он был особой высоких принципов. Когда мы жили в пещере Вирупакша, в отдалении часто виднелось нечто чёрное. Иногда мы видели его голову, высывающуюся из кустов. Его *вайрагья* (бесстрастие), видимо, была очень сильной. Он ни с кем не заводил дружбы, и, кажется, вообще избегал компаний. Мы уважали его независимость и *вайрагью* и обычно оставляли еду возле его местообитания и уходили. Однажды мы поднимались по склону, когда вдруг Каруппан выскочил нам навстречу и подбежал ко мне, радостно виляя хвостом. Удивительно, что он выбрал меня из всей группы, чтобы продемонстрировать свои чувства. С тех пор он жил с нами в ашраме как один из обитателей. Очень интеллигентным и услужливым парнем он был, и каким благородным! Он утратил свою прежнюю отчуждённость и стал очень ласковым. Он был примером всеобщего братства. Он заводил дружбу с каждым посетителем и обитателем ашрама, забирался на колени и ютился у него. Его дружелюбность обычно хорошо принималась. Некоторые пытались избегать его, но он был неумолим и никогда не принимал отказа. Однако, если ему приказывали убираться, он повиновался, словно монах, принявший обет послушания. Однажды он стал ластиться к ортодоксальному брамину, который

повторял мантры, сидя под айвой возле нашей пещеры. Этот брамин считал собак нечистыми и тщательно избегал контакта с ними, не желая к ним даже приближаться. Однако Каруппан, очевидно, понимая и признавая только естественный закон равенства (*саматвам*), настаивал на общении. Принимая во внимание чувства брамина, один из обитателей ашрама взял палку и ударил собаку, хотя и несильно. Каруппан завыл и убежал, и больше он в ашрам не вернулся. С тех пор его не видели. Он никогда не возвращался на место, где с ним плохо обошлись, таким чувствительным он был.

Человек, который совершил эту ошибку, очевидно, недооценил принципы и чувствительность этой собаки. Хотя уже было предупреждение. Случилось примерно так: однажды Паланисвами отругал и грубо обошёлся с Чинна Каруппаном. Было холодно и дождливо, но всё равно Чинна Каруппан убежал на улицу и провёл всю ночь на куче угля неподалёку. Было и ещё одно предупреждение, в связи с другой собакой. За несколько лет до этого Паланисвами отругал маленькую собачку, которая жила с нами в пещере Вирупакша, и собачка побежала вниз прямо к танку Санкатиртам, и вскоре там нашли её плавающий труп. Паланисвами и всем остальным в ашраме сразу было сказано, что собаки и другие животные – обитатели ашрама – имеют свой разум и принципы, и с ними нельзя обращаться грубо. Мы не знаем, какие души могут населять эти тела и для завершения какой части своей неоконченной кармы они ищут нашей компании».

Были и другие собаки, которые проявляли интеллект и высокие принципы. Будучи в Скандашраме, Шри Бхагаван обычно был рядом с собакой, когда та испускала свой последний вздох, и телу устраивалось подобающее погребение, а на могилу устанавливался камень. В поздние годы, когда строения ашрама разрослись и особенно когда Шри Бхагаван стал менее активен, люди стали делать по-своему, и у животных-почитателей стало мало доступа.

Вплоть до последних нескольких лет обезьяны подходили к окну рядом с диваном Шри Бхагавана и заглядывали внутрь через решётку. Иногда можно было увидеть обезьянью мамашу с детёнышами, как будто она пришла показать их Бхагавану, точно как это делали люди. В качестве компромисса служителям разрешалось отгонять их, но сначала они должны были бросить им банан.

Пока он не стал слишком слаб, Шри Бхагаван гулял по горе каждое утро после семи часов и каждый вечер около пяти. Однажды вечером, вместо обычной короткой прогулки он пошёл в Скандашрам. Когда он не вернулся в своё обычное время, некоторые почитатели пошли за ним на гору, другие собрались группками, обсуждая, куда он ушёл, что это значит и что теперь делать, остальные сидели в холле, ожидая. Пара обезьян подошла к двери в холл и, забыв свой страх перед людьми, зашла внутрь, с беспокойством глядя на диван.

Вскоре после этого, за несколько лет до того, как люди утратили Шри Бхагавана, дни обезьян в ашраме подошли к концу. На площади перед холлом была сооружена

крыша из пальмовых листьев, что затруднило им доступ в холл, и в целом большинство из них было возвращено в джунгли или отловлено городскими властями и отправлено в Америку для экспериментов.

С 1900 года, когда Шри Бхагаван поселился на горе, и до 1922, когда он спустился, чтобы жить у её подножия, он был очень близок с обезьянами. Он внимательно наблюдал за ними, с любовью и участием, каковые *джняни* испытывает ко всем существам, и с присущей ему проницательностью. Он научился понимать их крики и узнал их кодекс поведения и систему правления. Он открыл, что у каждого племени есть свой царь и определённый район, и если туда вторгнется другое племя, то будет война. Но перед тем, как начнётся война или установится мир, от одного племени к другому посылается представитель. Бхагаван рассказывал посетителям, что обезьяны признавали в нём своего и часто принимали судьёй в своих спорах.

«Как правило, обезьяны бойкотируют того, о ком позаботились люди, но в моём случае они делали исключение. Также, если было какое-то непонимание и ссора, они приходили ко мне, и я мирил их, разводя в стороны и этим прекращая спор. Однажды молодую обезьяну побил более старший член их группы, и её, беспомощную, оставили возле ашрама. Паренёк пришёл, прихрамывая, в ашрам в пещере Вирупакша, поэтому мы прозвали его Нонди (Хромой). Когда через пять дней пришла его группа, они увидели, что я забочусь о нём, но всё же приняли его обратно. С тех пор вся эта группа приходила за какой-нибудь мелочью, которую оставляли для них за пределами ашрама, но Нонди приходил прямо ко мне на колени. Он был очень аккуратный едок. Когда перед ним ставили тарелку с рисом, он не ронял с неё ни рисинки. А если что-то и падало, то он подбирал и съедал перед тем, как продолжить кушать то, что было на тарелке.

Хотя при этом он был очень чувствительным. Однажды по какой-то причине он выбросил кусочек пищи, и я отругал его: „Что! Зачем ты тратишь еду?“ Он сразу ударил меня по глазу, немного повредив его. В наказание ему на несколько дней запретили подходить ко мне и забираться на колени, но парнишка сжался и стал умолять и вернул себе счастлиное место. Это был его второй проступок. А в первый раз я поднёс его кружку с горячим молоком, чтобы подуть и остудить, а он был раздражён и ударил меня по глазу, но серьёзного вреда не было, и он сразу вернулся ко мне на колени и сжался, как будто говорил: „Забудь и прости“, и его извинения были приняты».

Впоследствии Нонди стал вождём своего племени. Шри Бхагаван рассказывал ещё об одном вожде обезьян, который решился на смелый шаг, объявив вне закона двух буйных самцов из своего племени. В племени начались волнения, и вождь покинул их и ушёл в джунгли, где оставался две недели. Когда он вернулся, он вызвал на поединок смутьянов и бунтовщиков, но так как за две недели *тапаса* в джунглях он стал намного сильнее, никто не отважился ему ответить.

Как-то ранним утром сообщили, что возле ашрама лежит, умирая, какая-то обезьяна. Шри Бхагаван вышел посмотреть, и это оказался тот самый вождь. Его принесли в

ашрам и положили напротив Шри Бхагавана. Два изгнанных самца сидели на дереве неподалёку, наблюдая. Шри Бхагаван немного подвинулся, и умирающая обезьяна инстинктивно укусила его за ногу. «У меня четыре таких знака милости от обезьяньих вождей» – сказал он однажды, указывая на свою ногу. После этого вождь издал последний стон и испустил дух. Две наблюдавших обезьяны прыгали вверх и вниз, стеноя от горя. Тело вождя было кремировано с почестями, полагающимися *саньясину*: его обмыли молоком, а потом водой и обмазали священным пеплом; его укрыли новой тканью, оставив лицо открытым, и перед ним зажгли камфору. Место для могилы выделили возле ашрама, и на неё установили камень.

Рассказывают одну удивительную историю обезьяньей благодарности. Однажды Шри Бхагаван с группой преданных шёл вокруг горы, и около святилища Пачаямман Койл они почувствовали голод и жажду. Сразу же появилась стая обезьян, которая вскарабкалась на дикие фиговые деревья на обочине и стала трясти ветки, усыпав дорогу спелыми плодами, и после этого убежала, не съев ни одного. В это же время подошла группа женщин с сосудами, полными питьевой воды.

Из всех преданных ему животных самой любимой у Шри Бхагавана была корова Лакшми. Её вместе с матерью привел в ашрам некий Аруначала Пиллай, в 1926 году, когда она была ещё телёнком, и подарил Шри Бхагавану. Тот не хотел принимать подарок, так как в ашраме не было условий для коров. Однако Аруначала Пиллай наотрез отказался забирать их обратно, и один преданный, Раманат Дикшитар, предложил присмотреть за ними, и поэтому они остались. Дикшитар ухаживал за ними около трёх месяцев, после чего они перешли к кому-то в городе, кто держал коров. Тот следил за ними около года, а потом как-то раз пришёл на *даршан* к Шри Бхагавану и привёл их с собой. Телёнка, видимо, неудержимо притягивало к Шри Бхагавану – она запомнила путь в ашрам и на следующий день вернулась одна, и с той поры приходила каждое утро и уходила только вечером. Позднее, когда она перешла жить в ашрам, она продолжала приходить к Шри Бхагавану, направляясь прямо к нему и не обращая внимания больше ни на кого, и Шри Бхагаван всегда имел для неё бананы или какие-то другие лакомства. Долгое время она приходила в холл ежедневно к обеду, и так пунктуально, что если он был чем-то занят и сидел дольше положенного, он смотрел на часы, когда она входила, и обнаруживал, что уже пора.

Она родила много телят, и по крайней мере трёх из них – на *Джаянти* Бхагавана (день рождения). Когда в ашраме построили каменный коровник, было решено, что на церемонии освящения первой в него должна войти Лакшми, но в нужный момент её нигде не могли найти; она лежала около Шри Бхагавана и не двигалась с места, пока он сам не пошёл; поэтому он вошёл первым, а она – за ним. Не только она была необычайно преданна Шри Бхагавану, но и Милость и доброта, которые он выказывал к ней, были совершенно исключительными. В последующие годы в ашраме было много коров и быков, но никто не вызывал такой привязанности и сияния Милости. Потомки Лакшми и сейчас в ашраме.

17 июня 1948 года Лакшми заболела, и утром 18-го стало ясно, что конец близок. В десять часов Шри Бхагаван подошёл к ней. «Амма (Мама), – сказал он. – Ты хочешь,

чтобы я был рядом с тобой?» Он сел рядом с ней и положил её голову себе на колени. Он посмотрел ей в глаза и положил одну руку ей на голову, как будто давал *дику* (инициацию), а другую – на сердце. Прижавшись щекой к её щеке, он гладил её. Удостоверившись, что её сердце было чистым и свободным от всех *васан* (скрытых склонностей) и направленным полностью на Бхагавана, он оставил её и ушёл в столовую на обед. Лакшми была в сознании до самого конца; её глаза были спокойны. В одиннадцать тридцать она оставила тело, совершенно мирно. Она была похоронена на территории ашрама с полным ритуалом, рядом с могилами оленя, вороны и собаки, которых Шри Бхагаван тоже распорядился похоронить здесь. На её могилу был установлен квадратный камень, украшенный её портретом. На камне была выгравирована эпитафия, которую написал Шри Бхагаван, утверждающая, что она достигла *мукти* (Освобождения). Девараджа Мудальяр спросил Бхагавана, было ли это условностью, так как выражение, что кто-то достиг *самадхи*, является вежливым способом передать, что человек умер, или же это действительно означало *мукти*, и Шри Бхагаван сказал, что это значило именно *мукти*.

12 Шри Раманашрам

Когда в декабре 1922 года преданные последовали за Шри Бхагаваном к *самадхи* Матери у подножия горы, там у Ашрама был только один сарай. В последующие годы число ашрамитов росло, приходили пожертвования, и были возведены основные строения Ашрама – зал, где сидел Шри Бхагаван, офис и книжный магазин, столовая и кухня, коровник, почта, амбулатория, гостевая комната для посетителей-мужчин (на самом деле не комната, а большое общежитие для тех, кто желал остаться в Ашраме на несколько дней), пара небольших бунгало для гостей, которые оставались дольше – одноэтажные домики, побеленные снаружи, в индийском стиле.

С запада к Ашраму примыкает большой квадратный танк (традиционный индийский водоём), с каменными ступенями, ведущими к воде со всех четырёх сторон. К югу от Ашрама проходит автобусная дорога из Тируваннамала в Бангалор, тянущаяся с востока на запад. Далее, к западу, эта дорога раздваивается и идёт вокруг Горы. Если стоять на дороге лицом на север, то видишь деревянную арку, выкрашенную чёрным, на которой золотыми буквами написано «Шри Раманашрамам»¹. Ворот нет, просто открытый вход². Ветви кокосовых пальм прикрывают строения Ашрама, а над ними, близкая и величественная, возвышается Гора.

Был построен не только сам Ашрам. Вдоль дороги Махараджа из Морви воздвиг гостиницу для приезжающих раджей. Возникло целое поселение коттеджей и бунгало, построенных почитателями-домохозяинами. С запада от Ашрама, между танком и Горой, *садху* основали поселение в Палакотту, разместившись в пещерах и хижинах среди деревьев. В самом Ашраме те, кто был склонен более к действию, чем медитации, служили в офисе, в саду, книжном магазине, кухне, в том или ином отделении, считая себя благословлёнными быть рядом со Шри Бхагаваном, видеть, как он проходит рядом, а возможно, иногда быть замеченным и очастливленным разговором с ним.

Всё это строительство, планирование и управление деньгами требовали руководства Ашрамом, потому что сам Шри Бхагаван ничем подобным не занимался. Вследствие этого управляющим Ашрамом, *сарвадикари*, стал его брат, Ниранджанананда Свами. Появились правила, регулирующие жизнь Ашрама. Некоторые из них были утомительны для почитателей; однако если кто-то испытывал искушение протестовать или бунтовать, позиция Шри Бхагавана сдерживала их, так как он подчинялся всем правилам и поддерживал власть – возможно, не по какому-то конкретному вопросу, а на общем основании, что приказы должны исполняться. В этом был определённый смысл, как и во всём, что он делал.

¹ Формы «ашрам» и «ашрамам» обе правильные. Первая – санскрит, вторая – тамильский.

² Теперь это изменилось – появились ворота, которые закрываются на ночь.

Он предписывал путь, которому должно было следовать не в изоляции, но условиях мира, в этой *кали-юге*, духовно тёмной эпохе, и если он призывал своих последователей помнить Себя, при этом подчиняясь условиям, неудивительно, что он сам подавал этому пример, выполняя все правила Ашрама. Более того, он не одобрял, когда люди отходили от цели, ради которой они пришли к нему, погружаясь в споры об управлении. Он говорил: «Люди приходят в Ашрам в поисках Спасения, а потом увязают в политике Ашрама и забывают, зачем вообще прибыли». Если эти вещи важны для них, им не стоило ради этого приезжать в Тируваннамалай.

Иногда случались вспышки недовольства и несогласия, и нельзя сказать, что они были совершенно необоснованными и не по существу, но Шри Бхагаван не поддерживал их. Однажды из Мадраса в специально арендованном автобусе приехала группа деловых людей и служащих, чтобы требовать полного устранения руководства Ашрама и учреждения нового. Они собрались в холле и сели перед Шри Бхагаваном. Он сидел молча, с каменным лицом, отчуждённым и твёрдым, как скала. Они почувствовали себя неловко перед ним, переглядывались, елозили, но ни один из них не осмеливался заговорить. В конце концов они покинули холл и вернулись в Мадрас так же, как приехали. Только тогда Шри Бхагавану рассказали о цели их визита, и он ответил: «Интересно, зачем они сюда приходят? Они приходят изменить себя или изменить Ашрам?»

Но в то же время – ещё один урок, который стоит извлечь – если какое-то правило было не просто утомительно, но и несправедливо, он обычно не подчинялся ему, как он не подчинился сбору платы в пещере Вирупакша. Но и в таких случаях его методом редко был действительный протест, больше привлечение внимания к несправедливости через своё поведение. Одно время в столовой Ашрама после трапезы подавали кофе, но обнаружилось, что на всех его не хватает, поэтому лицам менее значимым, которые ели в конце зала, давали воду. Шри Бхагаван заметил это – он всегда всё замечал – и сказал: «Дайте и мне воду». С тех пор он пил воду и больше никогда не принимал кофе.

Как-то раз, когда он был уже в возрасте, а его колени, деформированные из-за ревматизма, стали плохо сгибаться, прибыла группа европейцев. Одна дама из этой группы, которой было непривычно сидеть со скрещёнными ногами, села у стены и вытянула ноги перед собой. Служитель, видимо, не понимая, как больно сидеть со скрещёнными ногами тому, кто к этому не привык, сказал ей не сидеть так. Бедная женщина покраснела от смущения и поджала ноги. Шри Бхагаван сразу же сел, выпрямившись и скрестив ноги. Несмотря на боль в коленях, он продолжал так сидеть, и когда почитатели стали просить его перестать, он сказал: «Если таково правило, я должен подчиняться ему, как и все остальные. Если это неуважение – вытягивать ноги, я проявляю неуважение ко всем в холле». Тот служитель уже ушёл из холла, но его вернули, и он попросил даму сесть так, как ей будет удобно. Но даже тогда было сложно убедить Шри Бхагавана расслабиться.

В ранние годы иногда случались и критические нападки. Особенно западные почитатели были подвержены миссионерскому духу. Один проповедник зашёл в

холл и обратился с речью к самому Шри Бхагавану. Шри Бхагаван не отвечал, но громогласный голос Майора Чедвика из глубины холла, бросивший вызов интерпретации христианства говорившего, так обескуражил последнего, что он оставил свою затею. Даже в поздние годы всё ещё приходили католические священники, которые сначала проявляли интерес и почтение, а потом сеяли какие-то сомнения, так что оставалось только догадываться, были ли их сердца вообще открыты или, может их целью был просто прозелитизм и введение в заблуждение.

Однажды пришёл мусульманин, чтобы поспорить, но видимо, за его вызовом стояла искренность, потому что Шри Бхагаван отвечал ему весьма терпеливо.

«Если ли у Бога форма?» - спросил он.

«Кто говорит, что у Бога есть форма?» - парировал Шри Бхагаван.

Вопрошающий упорствовал: «Если у Бога нет формы, разве это не ошибка – придавать ему форму идола и поклоняться ему в таком виде?»

Он воспринял ответ Бхагавана как «Никто не говорит, что у Бога есть форма». Но он значил именно то, что было сказано, и сейчас это было усилено: «Оставьте Бога в покое; сначала скажите мне, есть ли форма у вас».

«Конечно, у меня есть форма, как вы можете видеть, но я не Бог».

«Значит, вы – физическое тело, сделанное из плоти, костей и крови и хорошо одетое?»

«Да, должно быть, это так; я сознаю своё существование в этой телесной форме».

«Вы называете себя этим телом, потому что сейчас вы сознаёте ваше тело, но являетесь ли вы этим телом? Может ли оно быть вами в глубоком сне, когда вы совершенно не осознаёте его существования?»

«Да, я наверняка остаюсь в той же телесной форме даже в глубоком сне, потому что я сознаю его до того момента, как засну, и как только просыпаюсь, я вижу, что я такой же, как был, когда пошёл спать».

«А когда приходит смерть?»

Вопрошающий остановился и с минуту думал. «Что ж, тогда меня признают мёртвым, и тело хоронят».

«Но вы же сказали, что тело – это вы. Когда его увозят на кремацию, почему оно не протестует, говоря: «Нет, нет! Не увозите меня! Эта собственность, которую я собрал, эта одежда, которую я ношу, дети, которых я взрастил, всё это моё, я должен остаться со всем этим!»

И посетитель признал, что ошибочно отождествлял себя с телом, и сказал: «Я – не само тело, я – жизнь в этом теле».

Тогда Шри Бхагаван объяснил ему: «До этого момента вы всерьёз считали себя телом и имеющим форму. Это – первичное невежество, которое является корнем всех проблем. До тех пор, пока это невежество не искоренено, пока вы не узнаете свою бесформенную природу, это просто буквоедство – спорить насчёт Бога, есть ли у Него форма или же Он бесформенный, и правильно ли поклоняться Ему в форме идола, когда на самом деле Он бесформенный. Пока человек не увидит бесформенного Себя, он не сможет по-настоящему поклоняться бесформенному Богу».

Иногда даваемые ответы были короткими и загадочными, иногда – исчерпывающими, но всегда подходящими для вопрошавшего и всегда удивительно точными. Однажды пришёл обнажённый факир и около недели сидел с вытянутой вверх правой рукой. Он не входил в холл сам, но прислал вопрос: «Что ждёт меня в будущем?»

«Скажите ему, что его будущее будет таким, каково его настоящее», был ответ. Этим не только отбивался интерес к будущему, но и напоминалось, что нынешняя активность, искренняя или неискренняя, творит его будущее состояние.

Один посетитель продемонстрировал свои знания, рассказав о различных путях мастеров и цитируя западных философов. «Одни говорят одно, другие – другое, – заключил он. – Кто из вас прав? Каким путём мне следовать?»

Шри Бхагаван молчал, но посетитель настаивал на своём вопросе: «Пожалуйста, скажите, каким путём мне идти».

Когда Шри Бхагаван поднялся, чтобы выйти из холла, то кратко ответил: «Идите путём, которым пришли».

Посетитель пожаловался преданным, что ответ бесполезен, и они указали на его более глубокое значение: что единственный путь – это вернуться к своему Источнику, идти туда, откуда пришёл. В то же время это был именно тот ответ, которого он заслуживал.

Сундареша Айяр, преданный, о котором уже упоминалось, прослышал о том, что его должны перевести в другой город, и пожаловался на своё горе: «Сорок лет я был с Бхагаваном, и вот теперь меня высылают. Что мне делать вдали от Бхагавана?»

«Сколько вы были с Бхагаваном?» - спросил он.

«Сорок лет».

И тогда, повернувшись к преданным, Шри Бхагаван сказал: «Вот человек, который слушал мои поучения сорок лет и теперь говорит, что может оказаться вдали от

Бхагавана!» Таким образом он обратил внимание на своё всеобщее присутствие. И тем не менее, перевод был отменён.

Год за годом маленький холл оставался центром для преданных и фокусом для тех людей со всего мира, кто не мог физически там присутствовать. Внешнему наблюдателю могло показаться, что происходит совсем мало, но на самом деле активность была огромной.

За годы распорядок жизни не сильно изменился; разве что с постепенным ослаблением физической формы Бхагавана появилось больше правил, больше запретов. Пока не начала сказываться возрастная немощь, не было установленных часов, когда можно было к нему прийти. Он был доступен всё время, днём и ночью. Даже на время сна он не закрывал двери в холл, чтобы не отгородиться от того, кто мог нуждаться в нём. Часто он беседовал с преданными глубоко за полночь. Некоторые из них, как Сундареша Айяр, были семейными людьми, и назавтра их ждала работа, но они обнаруживали, что после вечера, проведённого с Бхагаваном, они не чувствовали усталости от недостатка сна.

В повседневной жизни ашрама царили порядок и пунктуальность, ибо это соответствовало тому принятию жизненных обстоятельств, каковому Шри Бхагаван был сам примером и которое он предписывал ученикам. Поэтому всё было чисто и опрятно и на своём месте.

Было время, когда он часто вставал в три-четыре часа утра и проводил час или два за очисткой и нарезанием овощей или приготовлением тарелок из листьев (до того, как в Ашраме стали выращивать банановые листья специально для этих целей). Здесь, как и всегда, вокруг него собирались и помогали преданные, из удовольствия побыть рядом с ним. Иногда он прикладывал руку к самому процессу приготовления. Он дал указание, чтобы очистки от овощей не выбрасывали, а отдавали скоту. Ничто не должно было тратиться понапрасну. Как-то раз он обнаружил, что несмотря на его инструкции, очистки выбрасывают, и с тех пор он больше никогда не присоединялся к работе на кухне.

Уже в 1926 он прекратил *гири прадакшину* (обход Горы). Собирались такие толпы, что ими невозможно было управлять – никто не хотел оставаться в Ашраме, когда он уходил, все хотели идти с ним. Более того, пока его не было, могли прийти посетители за *даршаном* – его Присутствием – и уйти разочарованными, не увидев его. Он не раз указывал, что предоставление *даршана* было его, так сказать, жизненной задачей и что он должен быть доступен всем, кто приходит. Он отмечал это как одну из причин, почему он спустился к подножию Горы, а не вернулся в Скандашрам, который был менее доступен. Он не только прекратил выполнять *прадакшину* – он вообще никогда больше не покидал Ашрама, за исключением короткой прогулки по Горе утром и вечером. Даже его отказ от работы на кухне был, возможно, продиктован по большей части необходимостью быть доступным всем почитателям, так как на кухне к нему могли присоединиться лишь немногие. Когда его уговаривали совершить тур по святым местам Индии, одной из причин отказа

было то, что в Ашрам могут прийти почитатели и не застать его. И даже в течение последней болезни он до самого конца настаивал, что все пришедшие должны иметь *даршан*.

Можно составить целые тома с переживаниями преданных и наставлениями, которые они получили за эти годы. Однако предоставить исчерпывающий отчёт не является целью этой книги; здесь, скорее, общая картина жизни и учения Шри Бхагавана.

13 Жизнь со Шри Бхагаваном

Возможно, представить Божьего человека через описание его обычной жизни сложнее, нежели среди чудес и преобразений, и поэтому будет полезным рассказать о рутине последних лет. События, случившиеся в этот период, не более примечательны, чем то, что происходило ранее, так же как и упомянутые здесь преданные – не более выдающиеся, чем множество оставшихся за рамками рассказа.

На дворе уже 1947 год. Пятьдесят лет протекло в Тируваннамалае. Возраст и ухудшающееся здоровье навязывают свои ограничения, и к Шри Бхагавану уже нельзя прийти частным образом и в любое время. Он спит на диване, где днём даёт *даршан*, блаженство своего Присутствия, но теперь – за закрытыми дверьми. В пять утра они открываются, и тихо входят первые посетители. Они простираются и садятся на чёрный каменный пол, истёртый и блестящий, многие из них – на небольшие подстилки, которые они приносят с собой. Почему Шри Бхагаван, такой скромный, который настаивал на равном отношении с самыми простыми людьми, позволяет это простирание перед ним? Хотя в человеческом плане он отвергал любые привилегии, он признавал, что обожествление внешне проявленного Гуру полезно для *садханы*, духовного прогресса. Однако этой внешней формы подчинения было недостаточно. Однажды он сказал недвусмысленно: «Люди простираются предо мной, но я знаю, кто подчинился в сердце своём».

У изголовья его дивана сидит небольшая группа браминов, живущих в Ашраме; они распеваят Веды, и к ним присоединяются ещё один или двое, пришедших из города, что в двух километрах отсюда. С другой стороны дивана тлеют ароматические палочки, распространяя в воздухе своё благоухание. Если это зимние месяцы, то рядом с диваном стоит жаровня с горящими углями – печальное напоминание о его угасающих жизненных силах. Иногда он греет свои хрупкие ладони и узкие пальцы, такие прекрасные в сиянии угольков, и втирает немного тепла в свои конечности. Все сидят тихо, большинство – с закрытыми в медитации глазами.

За несколько минут до шести пение прекращается. Все поднимаются и стоят, пока Шри Бхагаван с усилием встаёт с дивана, тянется за тростью, которую помощник вкладывает в его руку, и медленными шагами движется к двери. Не вследствие слабости или страха упасть он идёт с опущенным взглядом; чувствуется, что это врождённая скромность. Он выходит из холла через северную дверь, со стороны Горы, и идёт медленно, опираясь на трость и немного согнувшись, по проходу между белыми стенами столовой и здания офиса, затем, обходя мужской гостевой дом, к ванной рядом с коровником, самой восточной постройке Ашрама. За ним следуют два служителя, коренастые, невысокие и темнокожие, обёрнутые в белые *дхоти* от талии до лодыжек, тогда как он высок и строен, золотистого оттенка и одет только в белую набедренную повязку. Лишь изредка он поднимает взгляд, когда какой-нибудь почитатель подходит к нему, или чтобы улыбнуться ребёнку.

Невозможно описать сияние его улыбки. Человек, который мог показаться бесчувственным дельцом, покинет Тируваннамалай с поющим сердцем от этой улыбки. Одна простая женщина сказала: «Я не понимаю ничего в философии, но когда он улыбается мне, я чувствую себя в безопасности, как ребёнок на руках у матери. Я его ещё ни разу не видела, когда получила письмо от своей пятилетней дочери: "Ты полюбишь Бхагавана. Когда он улыбается, любой станет таким счастливым!"»

В семь часов – завтрак. После завтрака Шри Бхагаван идёт на короткую прогулку и после возвращается в холл. За это время там прибирают и стелют на диван чистые покрывала, некоторые из них – богато украшенные подарки от почитателей. Всё безукоризненно чисто и аккуратно сложено, потому что служители знают, как он наблюдателен и что малейшая деталь будет замечена, независимо от того, сделает ли он об этом замечание или нет.

К восьми часам Шри Бхагаван снова в холле, и начинают прибывать преданные. К девяти холл полон. Если вы здесь первый раз, то, вероятно, почувствуете, насколько интимен холл, как близко вы к Мастеру, так как всё пространство здесь – это комната 12 на 4.5 метров. Она вытянута с востока на запад, с дверьми по длинным сторонам. Та дверь, что на север, выходит на Гору, открываясь на площадь, затенённую деревьями, со столовой на её восточной стороне и с садом и амбулаторией на западной. Южная дверь ведёт к храму¹ и дороге за ним, и это сторона, откуда прибывают преданные. Диван – в северо-восточном углу холла. Рядом с ним – вращающийся стеллаж с книгами, которые требуются чаще всего, а на нём стоят часы, и ещё одни висят на стене рядом с диваном; и те, и другие ходят с точностью до минуты.

Если необходима какая-то книга для цитаты, Шри Бхагаван точно будет знать, где она стоит, на какой полке, и, возможно, даже саму страницу с нужным отрывком. Вдоль южной стены стоят большие стеллажи с книгами, закрытые остеклёнными дверцами.

Большая часть почитателей сидит центре холла, лицом к Шри Бхагавану, то есть в сторону востока; женщины – прямо перед ним, вдоль северной части, а мужчины – слева от него. Только некоторые из мужчин сидят рядом с диваном, у южной стены, ближе к Шри Бхагавану, чем остальные. Несколько лет назад эта привилегия была у женщин, но потом, по некоторым причинам, расположение поменялось. Согласно индуистской традиции, мужчины и женщины сидят отдельно, и Шри Бхагаван это одобряет, так как магнетизм между ними может помешать более важному магнетизму – духовному.

Снова горят ароматические палочки. Некоторые продолжают сидеть в медитации с закрытыми глазами, но остальные расслабились и просто любят Шри

¹ Сейчас южная дверь закрыта, так как с южной стороны к Старому Холлу пристроен зал *Самадхи* Бхагавана.

Бхагаваном. Какой-то посетитель поёт песни восхваления, которые сочинил он сам. Человек, возвратившийся откуда-то в Ашрам, делает подношение из фруктов к его стопам и потом находит себе место среди сидящих перед ним. Служитель отдаёт обратно часть подношения как милость, *прасад* Шри Бхагавана; что-то могут дать детям, которые зашли в холл, или обезьянам, которые стоят у окна возле дивана или заглядывают в дверь, или павлинам, или корове Лакшми, если она почтит визитом. Остальное отнесут в столовую, чтобы позже распределить между преданными.

Шри Бхагаван ничего не принимает для себя. В его взгляде – какая-то невыразимая заботливость. Это сострадание не просто насущным проблемам его почитателей, но и в целом обширной ноше *сансары*, человеческой жизни. И при этом, несмотря на сострадательность, его лицо может выражать суровость человека, который победил и не идёт на компромиссы. Этот аспект твёрдости обычно скрыт мягкой порослью белых волос, так как, будучи *саньясином*, его голова и лицо бреются каждое полнолуние. Многие из преданных сожалеют – ведь поросль белых волос так усиливает аспект милости и мягкости, но никто не осмеливается сказать ему об этом.

Его лицо – как лик воды, всегда изменчивое и при этом всегда одно и то же. Удивительно, как быстро оно меняется от мягкости к скалоподобной величественности, от смеха к состраданию. Так полно живёт каждый последующий аспект, что чувствуешь, что это лицо не одного человека, но всего человечества. Формально он, может быть, и не красив, так как черты лица неправильные, но всё же самое красивое лицо будет выглядеть заурядным рядом с ним. Такая реальность в этом лице, что оно глубоко отпечатывается в памяти и живёт в ней, когда другие уже стираются. Даже те, кто видел его совсем недолго или только на фотографии, вызывают его мысленным взором более живо, чем тех, кого они хорошо знают. И в самом деле, возможно, что любовь, милость, мудрость, глубокое понимание, детская невинность, что сияют с такой фотографии – это лучшая стартовая точка для медитации, нежели любые слова.

Вокруг дивана, в полуметре от него, стоят подвижные перила, около 45 сантиметров высотой. Их установка поначалу вызвала небольшое сопротивление. Руководство Ашрама заметило, что обычно Шри Бхагаван избегает прикосновений и отступает, если кто-то пытается прикоснуться. Припомнив, к тому же, как один несмышлёный почитатель разбил кокос и хотел выразить почтение, вылив молоко ему на голову, они решили, что будет лучше добавить немного изоляции. С другой стороны, многие преданные почувствовали, что между ними и Шри Бхагаваном поставили своего рода барьер. Споры о том, одобрит ли он эту меру, шли прямо перед ним, но никто не осмелился спросить его самого. Сам Бхагаван сидел безучастный.

Некоторые из почитателей, не вставая с места, беседуют со Шри Бхагаваном о себе или о своих знакомых, сообщают новости об отсутствующих преданных, задают вопросы по учению. Чувствуется домашняя атмосфера, как в большой семье. Похоже, у кого-то личный вопрос, и он подходит к дивану, чтобы поговорить со Шри Бхагаваном шёпотом или передать ему лист бумаги, на которой он его написал.

Может быть, ему нужен ответ, а может, ему достаточно просто рассказать Шри Бхагавану, и он верит, что всё будет хорошо.

Мать приносит своё дитя, и он улыбается ребёнку более нежно, чем сама мать. Девочка принесла свою куклу и заставляет её сделать постирание перед диваном, а затем показывает Шри Бхагавану, который берет её и рассматривает. Молодая обезьянка проскользнула в дверь и пытается схватить банан. Служитель выгоняет её, но сейчас здесь только один служитель, и поэтому обезьянка огибает Холл и забегает с другой стороны, а Шри Бхагаван шёпотом подбадривает: «Быстрее! Быстрее! Он скоро вернётся!». Дикий на вид *садху*, со спутанными волосами, в одеянии цвета охры, стоит перед диваном с поднятыми руками. Процветающий горожанин в европейском костюме чинно постирается и занимает одно из передних мест, а его компаньон, не вполне уверенный в своей преданности, не постирается вовсе.

Возле дивана сидит группа *пандитов*, переводя работу на санскрите, и время от времени передаёт её Шри Бхагавану, чтобы прояснить какие-то моменты. Трёхлетний ребёнок, чтобы не оставаться в стороне, протягивает свою книжку про Маленькую Бо Пип, и Шри Бхагаван так же милостиво берёт и её и просматривает с таким же интересом; но книга потрёпана, поэтому он отдаёт её служителю, чтобы её переплели и вернули на следующий день аккуратно починенной.

Служитель очень усерден. Иначе нельзя, потому что Шри Бхагаван очень наблюдателен и проницателен и не потерпит никакой неряшливой работы. Служители ощущают, что пользуются особой Милостью Шри Бхагавана. Это же чувствуют и *пандиты*. И трёхлетний ребёнок. Постепенно ощущаешь, как глубина и непосредственность его отклика ведёт преданных, таких различных по характеру и складу ума, к ощущению личной связи с Учителем.

Также постепенно начинаешь понимать мастерство и искусность руководства Шри Бхагавана – или, точнее, человеческого аспекта этого руководства, потому что само руководство невидимо. Для него любой – открытая книга. Он бросает проницательный взгляд на того или иного ученика, чтобы посмотреть, как продвигается их медитация; иногда его глаза задерживаются на ком-то из них, передавая прямую силу Милости. При этом всё делается как можно более незаметно: это может быть лёгкий взгляд искоса, чтобы не привлекать внимания, или более глубокий – между чтением газеты или когда ученик сидит с закрытыми глазами и ничего не подозревает; так делается, чтобы оградить от двоякой опасности – зависти со стороны других преданных и зазнайства того, кто осчастливлен этим взглядом.

Особое внимание часто проявляется к новичкам – и к этому преданные уже привыкли. Возможно, его всякий раз будет приветствовать улыбка, когда он входит в Холл, и за ним будут наблюдать в медитации, подбадривать дружескими замечаниями. Это может продолжаться несколько дней, или недель, или месяцев, пока медитация не зажжётся в его сердце или пока он не привяжется любовью ко

Шри Бхагавану. Но человеческая природа такова, что это также, вероятно, кормится этим вниманием, и новичок начинает приписывать подобное внимание превосходству над другими преданными, которое понимает только он и Шри Бхагаван. И тогда он будет некоторое время игнорироваться, пока более глубокое понимание не вызовет более глубокий отклик. К сожалению, это происходит не всегда; иногда гордость от воображаемого превосходства остаётся.

Примерно в восемь тридцать Шри Бхагавану приносят газеты, и если ему не задают вопросов, он открывает некоторые из них и просматривает, возможно, делая замечания по каким-то интересным темам – хотя и никогда не скажет чего-то, что может быть истолковано как политическое мнение. Некоторые из газет присылают в сам Ашрам; некоторые выписывают преданные и отдают их сначала Шри Бхагавану, просто ради удовольствия читать потом газету, которой он касался. Можно понять, когда это частная газета, потому что такую он ловко и аккуратно вытащит из обёртки и вложит обратно после прочтения, так что владелец получит её в точно таком же виде, как она прибыла.

Примерно с 9:50 до 10:10 Шри Бхагаван обычно гулял по Горе, но последние несколько лет его тело слишком ослабло, и он просто прохаживается по территории Ашрама. Все встают, когда он выходит из холла, кроме разве что тех, кто в глубокой медитации. Во время этого перерыва люди собираются небольшими группами – и мужчины, и женщины вместе, потому что они разделены, только когда сидят в холле. Некоторые читают газеты; другие получают почту от Раджи Айера, чуткого, услужливого маленького почтальона, который знает всё обо всех.

Шри Бхагаван заходит обратно, и если те, кто сидел в холле, пытаются встать, он даёт им знак продолжать сидеть. «Если вы встаёте, когда вхожу я, вы должны вставать ради каждого, кто входит». Однажды, во время жарких месяцев, на подоконник рядом с ним поставили электровентилятор. Он приказал служителю выключить его, а когда тот стал возражать, Бхагаван сам встал и выдернул шнур из розетки. Преданным тоже было жарко; почему только у него должен был быть вентилятор? Позднее установили вентиляторы на потолке, и все стали наслаждаться прохладой в равной степени.

Теперь принесли почту Шри Бхагавану. Одно письмо помечено просто: «Махарши, Индия». Ещё пакет с семенами цветов от преданного из Америки для сада Ашрама. Письма от преданных со всего мира. Шри Бхагаван тщательно прочитывает каждое, даже изучает адрес и почтовую марку. Если это новости от каких-то преданных, у кого есть друзья в холле, он расскажет им эти новости. Сам он не отвечает на письма. В этом выражается точка зрения *джняни* (Просветлённого), у которого нет ни отношений, ни имени, чтобы подписаться. Ответы пишутся в офисе Ашрама, их приносят ему во второй половине дня, и он укажет, если там есть что-то неподходящее. Если в ответе требуется сообщить что-то частное или личное, он может отметить это, но в целом его учение настолько простое, что преданные легко научаются повторять его дословно – и только Милость, лежащую за словами, может передать он один.

После того, как отданы все распоряжения по письмам, возможно, что все сидят в молчании, но в этом молчании нет напряжения; оно вибрирует покоем. Похоже, кто-то пришёл попрощаться – это какая-то дама со слезами на глазах оттого, что ей надо уезжать, и сияющие глаза Бхагавана наполняют её любовью и силой. Как описать эти глаза? Глядя в них, чувствуешь, что всё горести мира, вся борьба прошлого, все проблемы ума испаряются, как миазмы, из пучины которых человек поднимается в безмятежную реальность покоя. Нет нужды в словах; его Милость очищает сердца, и таким образом внешний Гуру поворачивает человека вовнутрь, к осознанию Гуру внутри себя.

В одиннадцать часов звучит ашрамский гонг, зовущий на ланч. Все встают и ждут, пока Шри Бхагаван покидает холл. Если это обычный день, почитатели расходятся по домам, но, возможно, это какой-то праздник или *бхикша*, подаваемая кем-нибудь из преданных, и тогда все приглашаются на ланч. Большой зал столовой свободен от мебели. На красном кафельном полу двойными рядами разложены тарелки из листьев банана, и почитатели сидят перед ними, скрестив ноги. Посередине столовой стоит перегородка, шириной в три четверти зала. С одной стороны сидят те брамины, которые предпочитают придерживаться ортодоксальных правил, а по другую сторону – не-брамины, не-индуисты и брамины, предпочитающие принимать пищу с другими преданными. Таким образом, для ортодоксов созданы подходящие условия, и Шри Бхагаван не говорит ничего, что могло бы побудить браминов либо сохранить, либо отказаться от своей ортодоксии, – во всяком случае, не публично и не всем одинаково. Сам он сидит у восточной стены в поле зрения обеих групп преданных.

По рядам ходят служители и женщины-браминки, раскладывая на тарелки рис, овощи и приправы. Все ждут, когда начнёт есть Шри Бхагаван, а он ждёт, когда всех обслужат. Процесс еды занимает всё время, не смешиваясь с разговорами, как на Западе. Дама из Америки, которой трудно соблюдать индийские обычаи, принесла с собой ложку. Один из служителей кладёт овощи на её лист-тарелку и говорит, что они были специально приготовлены без острых приправ – об этом распорядился сам Шри Бхагаван. Все остальные деловито едят руками. Служители ходят вдоль рядов, предлагая вторую порцию, воду, молочную сыворотку, фрукты или сладости. Шри Бхагаван сердито подзывает служителя к себе обратно. Когда проявляют небрежность в мелочах жизни, он может выказать гнев. Служитель раскладывал по четверти манго на тарелки, а ему положил половинку. Он кладёт её обратно и выбирает самый маленький кусочек, какой нашёл.

Один за другим люди заканчивают обедать; они встают и выходят на улицу, где моют руки под краном, прежде чем пойти домой.

До двух часов Шри Бхагаван отдыхает, и холл закрыт для посещения. Администрация Ашрама решила, что его угасающее здоровье требует такого полуденного отдыха, но как им донести до него эту мысль? Если попросить о послаблении, которое вызовет неудобства для преданных, он, скорее всего, откажет. Чтобы не рисковать, они решили сделать это неофициально, частным образом упрасывая преданных не

входить в холл в это время. Несколько дней всё шло хорошо, но потом один новичок, не зная о правиле, вошёл в холл после ланча. Служитель стал делать ему знаки, чтобы тот вышел, но Шри Бхагаван позвал его обратно, чтобы тот рассказал, в чём вообще дело. На следующий день после ланча Бхагаван уже сидел на ступеньках возле холла, и когда служитель спросил его, что случилось, он ответил: «Кажется, никому не разрешают входить в холл до двух часов». Лишь с большим трудом удалось убедить его принять эти часы отдыха.

После полудня в холле могут быть новые лица, так как мало кто из почитателей сидит там весь день. Даже у тех, кто живёт рядом с Ашрамом, есть свои домашние и прочие дела, поэтому у них есть определённые часы для посещения.

Шри Бхагаван говорит об учении, только отвечая на вопросы. Сам он это делает очень редко. И разговаривает он не тоном пафосной серьёзности, а в непринуждённой манере, часто с шутками и смехом. И от вопрошающего никто не ждёт, что он примет что-то только потому, что так говорит Махарши; он может спорить, пока не убедится. Один теософист спрашивает, одобряет ли Шри Бхагаван поиск невидимых Учителей, и он сразу парирует: «Если они невидимы, как вы их увидите?» – «В сознании», – отвечает теософист, и тогда приходит подлинный ответ: «В сознании нет других людей».

Кто-то из другого ашрама спрашивает: «Правильно ли я говорю, что разница в том, что мы приписываем реальность миру, а вы – нет?»

И Шри Бхагаван прибегает к юмору, чтобы избежать дискуссий: «Наоборот, так как мы говорим, что Бытие едино, то приписываем полную реальность миру, и более того – мы приписываем полную реальность Богу; вы же, говоря, что существуют все трое¹, оставляете миру и Богу только по одной трети реальности».

Все смеются, но, несмотря на это, кто-то из преданных вступает в дискуссию с посетителем, и тогда Шри Бхагаван замечает: «В таких обсуждениях мало пользы».

Если вопросы задаются на английском, он отвечает через переводчика. Хотя он и не говорит бегло по-английски, он всё понимает и поправляет переводчика при малейшей неточности.

Будучи едиными доктринально, ответы Шри Бхагавана были в высшей степени *ad hominem* («к человеку», лат.), значительно меняясь в зависимости от личности спрашивающего. Христианский миссионер спросил: «Бог – это личность?», и, без ущерба доктрине Адвайты, Шри Бхагаван пытается облегчить ответ для него: «Да, Он всегда первое лицо, „Я“, которое всегда предшествует „тебе“. Если ты отдаёшь приоритет мирским вещам, Бог отступает на второй план; если ты отказываешься от всего и ищешь только Его, Он один остаётся как „Я“, Самость».

¹ Бог, мир и человек

Кто-то интересуется, помнит ли миссионер, что это имя Бога, открытое через Моисея¹. Шри Бхагаван иногда ссылался на превосходство «Я есть» как Божественного имени.

Обычно только новички задают вопросы и получают объяснения. Ученики редко имеют вопросы, некоторые вообще никогда ничего не спрашивают. Объяснения – это не само учение; это лишь знаки, указывающие на Учение.

Без четверти пять. Шри Бхагаван растирает свои затёкшие колени и ноги и тянется за тростью. Иногда требуются две или три попытки, чтобы встать с дивана, но помощи он не приемлет. За двадцать минут, пока его нет, снова подметают холл и поправляют покрывала на диване.

Минут через десять-пятнадцать после его возвращения начинается чтение нараспев Вед, за которым следует «Упадеша Сарам», «Наставление в тридцати стихах» Шри Бхагавана. Это пункт, в котором Шри Бхагаван отвергал ортодоксию, потому что, строго говоря, только браминам позволяется слушать пение Вед, тогда как здесь их слушают все наравне. Когда его спросили, в чём польза такого занятия, он ответил просто: «Звук распевания помогает успокоить ум». Он так же однозначно сказал, что не обязательно понимать смысл. Это практическая иллюстрация того, что было сказано о «медитации», которую он предписывал – что это не мысль, но поворот ума внутрь, к сознанию по ту сторону мышления.

Чтение нараспев продолжается около тридцати пяти минут. Во время распевания он часто сидит неподвижно, с лицом величественным, царственным, словно высеченным из камня. Когда оно заканчивается, все сидят до шести тридцати, когда женщины, как заведено, покидают Ашрам. Некоторые из мужчин остаются ещё на час, обычно сидя в тишине, иногда разговаривая, распевая тамильские песни; после этого ужин, и преданные расходятся.

Вечерняя встреча особенно ценна, так как сочетает торжественность распевания раннего утра с дружелюбием поздних часов. И всё же для тех, кто может это воспринять, торжественность всегда здесь, даже когда Шри Бхагаван с виду смеётся и шутит.

Приходит служитель, чтобы помассировать его ноги с какой-то мазью, но он забирает её у него. Они слишком суетятся вокруг него. Но он обращает свой отказ в шутку: «Вы получили Милость через взгляд и речь, а теперь хотите Милости через прикосновение? Позвольте и мне получить немного Милости через прикосновение к себе».

Однако на бумаге может быть изложено лишь бледное отражение его юмора, так как тут больше не то, **что** говорилось (хотя и весьма проникательно и остроумно), нежели **как** это говорилось. Когда он рассказывал какую-нибудь историю, то был

¹ Исход (3:14): «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий...»

подлинным актёром, разыгрывая свою роль так, словно жил ею. Он очаровывал всех зрителей, даже тех, кто не понимал языка. Реальная жизнь тоже была ролью, которую он играл, и в этой настоящей жизни переходы от смеха к глубокому состраданию могли быть такими же быстрыми, как и в рассказываемой истории.

Даже в ранние дни, когда все думали, что он безразличен ко всему, у него было тонкое чувство юмора, и были шутки, о которых он рассказывал лишь годы спустя. В одном случае, когда в Павалакунру его посещала мать и толпы прочих людей, они закрывали его снаружи, когда уходили в город за подаянием, опасаясь, что он может ускользнуть. Он же, однако, знал, что дверь можно снять с петель и открыть даже запертую снаружи, и поэтому, чтобы избежать толпы и беспокойства, он вышел, пока их не было. Когда они вернулись, то обнаружили, что комната пуста, хотя дверь была закрыта на засов. Позже, когда никого рядом не было, он вернулся тем же путём. Они сидели прямо перед ним и рассказывали друг другу, как с помощью *сиддх* (сверхъестественных сил) он исчез, хотя дверь была заперта, а потом появился снова, и ни один мускул не дрогнул на его лице, хотя годы спустя весь холл сотрясся от хохота, когда он рассказывал эту историю.

Стоит так же рассказать немного о больших ежегодных празднествах. Большинство преданных не могли жить в Тируваннамалае постоянно и приезжали время от времени, поэтому на большие праздники собирались толпы, особенно на такие четыре, как Картикай, Дипавали, Махапуджа (годовщина смерти Матери) и Джаянти (день рождения Шри Бхагавана). Джаянти был самым большим и наиболее посещаемым из них. Поначалу Шри Бхагаван вообще не хотел его праздновать. Он сочинил такие стихи:

Вы, те, кто желает отмечать день рождения, выясните сначала, когда произошло ваше рождение. Истинное рождение человека – когда он открывает ТО, которое превосходит рождение и смерть – Вечное Бытие.

По крайней мере, на день рождения следует оплакивать своё вступление в этот мир (*сансару*). Славить и праздновать этот день – это как украшать труп и восхищаться им. Искать Самость человека и погружаться в неё – вот мудрость.

И всё же для преданных день рождения Шри Бхагавана был поводом для празднования, и он вынужден был подчиниться; однако он отказывался, как в этом, так и любом другом случае, позволять проводить *пуджу* в его честь. В этот день собиралась большая толпа, и все разделяли трапезу со Шри Бхагаваном. Даже большого зала столовой не хватало для этой цели, и поэтому почитатели располагались на площади перед зданием столовой, под навесом из пальмовых листьев. Также кормили бедняков, которые приходили в две или три смены; полиция и бойскауты охраняли входы и руководили толпами.

В такой день Шри Бхагаван сидел отстранённо, величественный, и всё же с глубоким взглядом узнавания каждого из старых преданных, которые приходили. На один из фестивалей Картикай весь Ашрам заполонила толпа, и вокруг Махарши поставили

ограждение. Неожиданно через прутья пролез маленький мальчик и подбежал к нему, чтобы показать свою новую игрушку. Бхагаван повернулся к служителю и сказал, смеясь: «Посмотри, как мало толку в ваших ограждениях!»

В сентябре 1946-го в честь пятидесятой годовщины прибытия Шри Бхагавана в Тируваннамалай было устроено пышное празднество. Преданные приехали отовсюду. По этому поводу был выпущен «Сувенир золотого юбилея» – сборник статей и стихов, написанных специально для этой книги.

В последние годы старый холл стал слишком маленьким даже в обычные дни, поэтому чаще сидели снаружи, под навесом из пальмовых листьев. В 1939-м начались работы над храмом, который решили возвести над Самадхи Матери. Он был завершён в 1949 году, вместе с новым холлом, где, как планировалось, должен был сидеть Шри Бхагаван и преданные. Новый холл и храм Самадхи Матери – это две части одного здания, который возвели строители традиционных храмов по правилам Писаний.

Это здание протянулось к югу от старого холла и офиса Ашрама, между ними и дорогой. Западная его часть, к югу от старого холла – это храм, а восточная – это большой, квадратный, хорошо проветриваемый зал, где должен был сидеть Шри Бхагаван с преданными.

Кумбабхишекам, ритуальное открытие храма и холла, был внушительной церемонией, на котором присутствовали многие преданные. Она увенчала годы труда, работ и планирования. Шри Бхагаван, однако, не хотел входить в новый холл. Он предпочитал простоту и не любил никакой пышности вокруг себя. Многие из преданных тоже противились – старый холл так вибрировал Присутствием, а новый казался холодным и безжизненным. Когда Бхагаван вошёл туда, последняя болезнь уже завладела его телом.

14 Упадеша

Удивительно, какой скрытой была *упадеша* Шри Бхагавана, то есть руководство, наставление, которое он давал своим ученикам – нет точного перевода этого слова. Хотя он и был доступен всем в равной мере, хотя вопросы и ответы на них звучали публично, руководство, дававшееся каждому из учеников, было, тем не менее, исключительно прямым и приспособленным к его характерным особенностям. Свами Йогананда, у которого было множество последователей в Америке, спросил его однажды, какое наставление давать людям для их духовного развития, и он ответил: «Это зависит от характера и духовной зрелости человека. Не может быть общего наставления». Достаточно вспомнить истории четырёх преданных, которые упоминались ранее – Эчаммал, Матери, Шивапракашама Пиллая и Натешы Мудалиара – чтобы понять, насколько разным был подход.

Шри Бхагаван был чрезвычайно деятелен – он сам говорил об этом, хотя никто из тех, кто испытал его Милость, не нуждался в подтверждении. И всё же его деятельность была настолько скрытной, что случайные посетители и те, кто был не в состоянии её воспринять, считали, что он вообще не даёт *упадешы* или что он безразличен к нуждам искателей. Было много таких, как тот брамин, который пытался убедить Натешу Мудалиара не ходить к нему.

Крайняя важность этого вопроса состоит в том, что (за исключением редчайших случаев, таких, как сам Шри Бхагаван) Осознание возможно только по Милости Гуру. Шри Бхагаван высказывался об этом так же определённо, как и другие Учителя. Поэтому для *садхака* (духовно устремлённого) было недостаточно знать, что его учение возвышенное, а присутствие вдохновляет; ему необходимо было знать, что Махарши – Гуру, дающий *дикшу* (посвящение) и *упадешу* (наставление).

Термин «Гуру» используется в трёх смыслах. Он может означать того, кто, хотя и не имеет собственных духовных достижений, наделён (подобно рукоположению священника) правом давать посвящение и *упадешу*. Этот статус часто передаётся по наследству и мало чем отличается от семейного врача по духовному здоровью. Во-вторых, гуру может быть тем, кто, в дополнение к вышесказанному, имеет некоторые духовные достижения и может направлять своих учеников с помощью настолько могущественной *упадешы* (даже если фактические предписанные практики могут быть такими же), насколько продвинулся он сам. Но в высшем и самом истинном смысле слова Гуру – это тот, кто осознал своё Единство с Духом, который является Самостью всего. Это – Садгуру.

Именно в этом последнем смысле и использовал это слово Шри Бхагаван. Потому-то он и говорил: «Бог, Гуру и Самость – это одно и то же». А описывая Гуру, он сказал (в «Духовном Наставлении»):

«Гуру – это тот, кто всё время пребывает в бездонных глубинах истинного Я. Он не видит никакой разницы между собой и другими и полностью свободен от

ложных представлений о различии — что он сам просветлённый, или освобождённый, в то время как другие вокруг него находятся в рабстве, или тьме невежества. Его твёрдость, или самообладание, никогда не могут быть поколеблены ни при каких обстоятельствах, и он никогда не обеспокоен».

Подчинение этому Гуру – это не подчинение какой-то внешней личности, но подчинение истинному Я, проявившемуся во внешнем мире, чтобы помочь человеку открыть истинное Я внутри. «Учитель – внутри; медитация означает удаление невежественной идеи, что он только снаружи. Если бы он был просто незнакомцем, которого вы ждёте, он был бы обязан так же исчезнуть, как появился. Какая польза от такого преходящего существа? Но пока вы считаете, что отделены, что вы – тело, до тех пор внешний Учитель тоже необходим, и он появится в телесном облике. Когда ошибочное отождествление себя с телом исчезает, обнаруживается, что Учитель был ничем иным, как Самостью».

Естественно, что тот, кто является Гуру в этом высшем смысле, как человек, который осознал свою идентичность с Абсолютом, так не скажет, поскольку не остаётся эго, которое подтвердило бы эту идентичность. Также он не скажет о том, что имеет учеников, потому что, будучи превыше различий, для него не может быть отношений.

Хотя Джняни (Просветлённый) Един с Абсолютом, его черты характера продолжают существовать во внешнем выражении, как средство его проявления, так что один Джняни может быть совершенно отличаться от другого Джняни в человеческом плане. Одной из характеристик Шри Бхагавана была его пронизательность. Несомненно, что так же, как он позволял считать себя *муни* (тем, кто принял обет молчания) в ранние годы в Тируваннамалае, чтобы избежать беспокойства, он извлёк выгоду из этой доктринальной невозможности признавать идентичность и допускать отношения, чтобы оградиться от необоснованных притязаний на упадешу от тех, кто не был настоящим преданным. Поразительно, насколько успешной была эта защита, в то время как подлинные почитатели не страдали от неё.

Давайте рассмотрим утверждения Шри Бхагавана внимательнее. Иногда он говорил, что у него нет учеников, и никогда не заявлял открыто, что он – Гуру; однако он использовал термин «Гуру» как синоним слова «Джняни», таким образом не оставляя сомнений в том, что он был Гуру, и не единожды присоединялся к пению «Раманы Садгуру».

Более того, когда преданный был искренне расстроен и искал решения, иногда он уверял его так, что не оставалось места сомнениям. Майор Чедвик, ученик из Англии, записал подобное уверение, которое ему дали в 1940 году:

Чедвик: Бхагаван говорит, что у него нет учеников?

Бхагаван: Да.

Ч: Ещё он говорит, что Гуру необходим, если человек хочет достичь Освобождения?

Б: Да.

Ч: Тогда что мне делать? Неужели годы, что я сидел здесь, были напрасной тратой времени? Может, мне лучше пойти поискать какого-нибудь другого гуру, который дал бы мне инициацию, ведь Бхагаван говорит, что он не Гуру?

Б: Что, по-вашему, привело вас сюда, в такую даль, и заставило так долго оставаться здесь? Почему вы сомневаетесь? Если бы вам нужно было найти какого-нибудь гуру, вы бы ушли давным-давно.

Гуру, или *Джняни* (Просветлённый), не видит разницы между собой и другими людьми. Для него все – джняни, все едины со своим «Я», так как может Джняни сказать, что тот и этот – его ученики? Но тот, кто не освобождён, видит всё, как множество, он видит всё отличающимся от него, поэтому для него отношения Гуру-ученик – реальность, и ему нужна Милость Гуру, чтобы пробудить его к Реальности. Для него есть три вида инициации: прикосновением, взглядом и молчанием. (Здесь Шри Бхагаван дал мне понять, что его путь – инициация молчанием, как он и поступал со многими).

Ч: Тогда у Бхагавана всё-таки есть ученики!

Б: Как я уже сказал, с точки зрения Бхагавана учеников нет; но с точки зрения ученика Милость Гуру – как океан. Если он пришёл с чашкой, он зачерпнёт только чашку. Нет смысла жаловаться на скудость океана; чем больше сосуд, тем больше он унесёт. Всё зависит только от него самого.

Ч: Тогда выходит, что знание – является ли Бхагаван моим Гуру или нет – это просто вопрос веры, раз сам Бхагаван не собирается это признавать.

Б: (Сидя с прямой спиной, поворачивается к переводчику и говорит с большим выражением). Спросите его, может, он хочет, чтобы я дал ему документ в письменном виде?

Мало кто был так настойчив, как Майор Чедвик, в своём требовании подтверждения. Бхагаван избегал заявлений, где бы признавалась двойственность, и всё же то, что Шри Бхагаван – Гуру, было вполне ясно для каждого человека, имеющего понимание и благословение; а некоторые знали это и безо всякого словесного подтверждения.

А. Бозе, промышленник из Бенгалии, как следует из записей С.С. Коэна, однажды попытался добиться определённого утверждения. Он сказал:

– Я убеждён, что для успеха усилий *садхака* (искателя) необходим Гуру. – И после этого добавил с лукавой улыбкой: – Разве Бхагаван не сочувствует нам?

Но Бхагаван оплатил ему тем же:

– Вам необходима тренировка; Милость всегда здесь. – Немного помолчав, он добавил: – Вы по шею в воде и при этом плачетесь, что хотите пить.

Даже «практика», «тренировка» на самом деле означает становиться более восприимчивым к Милости; Шри Бхагаван иногда иллюстрировал это, говоря, что

хотя солнце и светит, вам нужно сделать усилие и повернуться к нему, если вы хотите его увидеть. Профессор Венкатрамия записал в своём дневнике, как Бхагаван сказал миссис Пиггот, посетительнице из Англии: «Осознание – больше результат милости Гуру, чем всяких лекций, поучений, медитации и так далее. Все они вторичны; Милость – вот первичная и главная причина».

Некоторые, кто знал его учение из вторых рук, полагали, что он не считал необходимым иметь Гуру, и объясняли этим отсутствие явной инициации, но он отвергал равно и это предположение. С.С. Коэн записал разговор на эту тему с Дилипом Кумаром Роем, известным музыкантом из ашрама Шри Ауробиндо:

ДКР: Некоторые люди говорят, что Махарши отрицает необходимость Гуру.

Другие утверждают обратное. Что скажет сам Махарши?

Бх: Я никогда не говорил, что Гуру не нужен.

ДКР: Шри Ауробиндо часто ссылается на вас как на того, у кого не было Гуру.

Бх: Это зависит от того, что вы называете Гуру. Он не обязательно должен быть в форме человека. У Даттатреи было двадцать четыре Гуру – элементы и так далее. Это значит, что любая форма в этом мире была его Гуру. Гуру абсолютно необходим. Упанишады говорят, что никто, кроме Гуру, не может вывести человека из джунглей ментальных и чувственных восприятий, поэтому Гуру должен быть.

ДКР: Я имел в виду Гуру-человека. У Махарши его не было.

Бх: У меня он мог быть в то или иное время. И разве я не пел гимны Аруначале? Что такое Гуру? Гуру – это Бог или истинное Я. Сначала человек молится Богу, чтобы удовлетворить свои желания, но потом приходит время, когда он молится уже не ради своих желаний, а ради самого Бога. И в ответ на его молитвы Бог является ему в той или иной форме, человеческой или какой-то другой, чтобы вести его как Гуру.

Только в ответ на возражение посетителя, что у самого Бхагавана не было Гуру, он стал объяснять, что Гуру не обязательно принимает человеческую форму, и было понятно, что это касается только очень редких случаев.

Возможно, В. Венкатраман подошёл ближе всего к явному подтверждению, что Бхагаван был Гуру. Однажды он ему сказал: «Нужно выполнить две вещи: первое – найти Гуру вне себя, а второе – найти Гуру внутри. Первое вы уже сделали».

Или, возможно, подтверждение, что получил я сам, было даже более прямым. Спустя несколько недель, проведённых в Ашраме, я ощутил, что Бхагаван действительно был Гуру, дающий инициацию и руководство. Я написал об этом письмо своим друзьям в Европе и перед тем, как отправить, показал его Бхагавану и спросил, можно ли его отправлять. Он одобрил его и, передавая обратно, сказал: «Да, отправляй его».

Быть Гуру – значит, давать инициацию и упадешу. Эти вещи неразделимы, потому что не может быть упадешы без изначального акта посвящения и нет смысла в

инициации, если за ней не следует упадеша. Поэтому иногда и возникал вопрос, даёт ли Шри Бхагаван инициацию и упадешу.

Когда его спрашивали, даёт ли он инициацию, Шри Бхагаван всегда уходил от прямого ответа. Если бы ответ был «нет», он бы, конечно, сказал «нет»; но скажи он «да», его защита от необоснованных притязаний на посвящение пала бы, и пришлось бы одних принимать, а других отвергать на основании решения, которое могло бы показаться произвольным, вместо того, чтобы оставить это решение на волю их собственного понимания или отсутствия понимания. Его самой частой формой ответа был тот, что был дан Майору Чедвику: «Есть три вида посвящения – прикосновением, взглядом и молчанием». Это был обычный для Шри Бхагавана метод – сделать безличное доктринальное утверждение, в котором, однако, будет заключён ответ на конкретный вопрос. Это положение хорошо известно – согласно индуизму, три вида инициации сравниваются с птицей, которой требуется сидеть на яйцах, чтобы они вылупились, рыбой, которая лишь смотрит на свою икру, и черепахой, которая о своих яйцах только думает. Посвящение взглядом или молчанием стало очень редким в наш век; это мауна дикша Аруначалы, Дакшинамурти, и это тот вид инициации, который лучше всего подходит прямому пути Само-исследования, которому учил Шри Бхагаван. Такая инициация подходит в двух смыслах – и по внутренней сути, и как обеспечивающая подходящую маскировку.

Посвящение взглядом было очень реальной, осязаемой вещью. Шри Бхагаван поворачивался к преданному и останавливал на нём свой пылающий взгляд. Сияние, сила его глаз проникали в человека, разрушая его мыслительный процесс. Иногда это было, как будто через тебя проходил электрический ток, иногда – как море покоя, поток света. Один почитатель так описал это: «Неожиданно Бхагаван обратил на меня свои светящиеся, прозрачные глаза. До этого я не мог долго выдерживать его взгляд. Сейчас я смотрел прямо в эти мощные и прекрасные глаза, как долго – не могу сказать. Они держали меня в какой-то вибрации, которую я отчётливо слышал». После этого всегда следовало чувство, несомненная убеждённость, что ты принят Бхагаваном, что отныне он главный, он руководит. Те, кто знал об этом процессе, обычно понимали, когда происходила подобная инициация, но чаще всего она была незаметной; это могло произойти, когда распевали Веды и мало кто мог это увидеть, или преданный мог почувствовать внезапное побуждение прийти к Бхагавану перед рассветом или в какое-то время, когда у него было мало посетителей или вообще никого. Посвящение молчанием было таким же реальным. Оно происходило у тех, кто повернулся к Бхагавану в своём сердце, но не мог физически приехать в Тируваннамалай. Иногда это происходило во сне, как у Натешы Мудалиара.

Не было Учителя столь же категоричного, как Шри Бхагаван, в вопросе своего руководства и защиты, раз преданный был принят и ему было дано безмолвное посвящение. Он заверил Шивапракашама Пиллая в изложении, которое позже было опубликовано под названием «Кто я?»: «Тот, кто заслужил Милость Гуру, без всяких сомнений будет спасён и никогда не будет покинут, так же как добыча, попавшая в зубы тигра, уже не сможет вырваться».

Преданный из Голландии, Л. Хартц, который мог остаться в Ашраме лишь на недолгий срок и, вероятно, опасавшийся, что его решимость может ослабнуть, когда он уедет, попросил об уверении и получил такой ответ: «Даже если вы забудете Бхагавана, Бхагаван никогда не забудет вас».

Два других преданных, чешский дипломат и мусульманский профессор, поражённые необычной силой и прямотой этого заверения, спросили, относится ли оно только к Хартцу или ко всем преданным, и получили ответ: «Ко всем».

В другой раз один преданный пришёл в отчаяние, не видя в себе никакого прогресса, и сказал: «Боюсь, что если буду продолжать в том же духе, то отправлюсь в ад». И Шри Бхагаван ответил: «Если вы туда отправитесь, Бхагаван пойдёт за вами и вернёт обратно».

Даже обстоятельства жизни преданного формируются Гуру таким образом, чтобы способствовать его *садхане* (духовному прогрессу). Одному преданному сказали так: «Учитель находится как внутри, так и снаружи, поэтому он создаёт внешние условия, чтобы повернуть вас внутрь, и в то же время подготавливает ваше нутро, чтобы притянуть вас к Центру».

Когда кто-то, кто не обратился ко Шри Бхагавану в своём сердце, спрашивал, даёт ли он упадешу, он мог дать какой-нибудь таинственный ответ или вообще ничего не ответить, но в любом случае предполагался отрицательный ответ. На самом деле его упадеша, как и его посвящение, происходила через молчание. Ум тихо поворачивался в нужном направлении. От преданного ожидалось, что он поймёт это. Очень немногие нуждались в словесных заверениях.

Показателен рассказ В. Венкатрамана, о котором уже упоминалось выше. В юности он был пылким преданным Шри Рамакришны, но чувствовал потребность в живом Гуру во плоти и крови и поэтому взмолился со всем жаром страсти: «Учитель, даруй мне живого Гуру, не менее совершенного, чем ты». Очень скоро после этого он услышал о Шри Рамане, к тому времени уже несколько лет жившего в Ашраме у подножия горы. Он отправился туда с подношением из цветов. Случилось так (как всегда бывает, когда это нужно), что когда он пришёл, в Холле никого больше не было. Шри Бхагаван сидел, откинувшись на диване, а позади него на стене висел портрет Шри Рамакришны, которому Венкатраман и молился. Шри Бхагаван разделил гирлянду пополам; одну половину он велел служителю повесить на портрет, а вторую – на лингам в храме. Венкатраман чувствовал себя легко и непринуждённо. Он был дома, его цель была достигнута. Он рассказал историю своего прибытия. Шри Бхагаван спросил его: «Ты знаешь о Дакшинамурти?»

«Я знаю, что он давал безмолвную упадешу», – ответил тот.

И Шри Бхагаван сказал: «Это та упадеша, которую ты получишь здесь».

В действительности эта молчаливая упадеша была очень разнообразной. Чаще всего Шри Бхагаван писал и говорил о вичаре – само-исследовании, и поэтому возникло мнение, что он предписывает только *Джняну-маргу*, путь Знания, который большинство людей считают слишком суровой для этого века. Но на самом деле он подходил к этому вопросу универсально и предоставлял руководство для любого темперамента, предлагая путь Преданности ничуть не реже, чем путь Знания. Для него Любовь и преданность – это спасительный мост над пропастью. У него было много почитателей, которым он предписывал только этот путь.

Тот же самый Венкатраман через некоторое время стал тревожиться о том, что ему не дали *садхану* – то есть у него не было упражнения для практики – и пожаловался об этом Бхагавану.

- А что привело тебя сюда? – спросил Бхагаван.
- Размышление о вас, Свами.
- Тогда это и есть твоя садхана. Этого достаточно.

И в самом деле, мысль-воспоминание о Бхагаване начала сопровождать его везде, со временем став неотделимой от него.

Путь преданности – это, по факту, то же самое, что и подчинение. Вся ноша возлагается на Гуру. И этот путь Шри Бхагаван тоже предписывал. Одному преданному он сказал: «Подчинись мне, и я сразу твой ум». Другому он дал наставление: «Просто оставайся тихим, Бхагаван сделает всё остальное». Деварадже Мудалиару он сказал: «Ваше дело – просто подчиниться и оставить всё остальное мне». И часто он говорил: «Есть два пути: спрашивать себя «Кто я?» или подчиниться Гуру».

И всё же подчиниться, сохранять ум спокойным и быть полностью восприимчивым к Милости Гуру – это нелегко. Это требует постоянных усилий, постоянного памятования, и только Милость Гуру делает это возможным. Многие использовали преданность и другие методы, которые помогали им в духовной работе, и Шри Бхагаван одобрял и разрешал подобные средства, хотя и редко на самом деле их предписывал.

Самой же действенной, хотя и невидимой, была сила *сатсанга*. Дословно это значит «связь, общение с Бытием», но в качестве средства для садханы оно используется для обозначения «связи с тем, кто осознал *Сат* – Бытие». Шри Бхагаван отзывался о нём в самых высоких выражениях. Первые пять из «Дополнительных сорока стихов» посвящены его восхвалению. История их добавления весьма характерна. Приёмная дочь Эчаммал нашла один из этих стихов, написанный санскритом на бумаге, в которую был обернут кулёк со сладостями. Стих так тронул её, что она выучила его и продекламировала перед Шри Бхагаваном, и он, поняв его важность, перевёл его на тамильский. Как раз в то время он составлял сорок дополнительных стихов, какие-то писал, какие-то переводил, и добавил к ним этот и ещё четыре, тоже переведённые с санскрита. Третий из них ставит связь с Учителем – сатсанг –

превыше всех остальных методов. «Если обретена связь с Мудрецами, зачем нужны остальные методы самодисциплины? Скажи мне, какой смысл в вентиляторе, когда дует прохладный, мягкий южный ветерок?»

Общение со Шри Бхагаваном производило тонкую алхимию, хотя его эффект мог проявиться лишь годы спустя. Иногда он прямо говорил преданным о важности для них такого общения. Ранге Айяру, школьному другу, про которого упоминалось в третьей главе, он сказал так: «Если ты остаёшься с Джняни, он даёт тебе ткань готовой». Подразумевается, что другими способами вы получаете нить и должны ткать её сами.

Сундареша Айяр стал преданным в двенадцать лет. Когда ему было около девятнадцати, он стал ощущать неудовлетворение собой, чувствуя, что ему нужно прикладывать больше сознательных и активных усилий. Он был домохозяином, жил в городе, но посещал Шри Бхагавана почти каждый день; однако теперь он решил, в качестве акта суровой самодисциплины, больше не приходить, пока не разовьёт в себе такие отрешённость и устремлённость, что будет достоин общения – сатсанга. Сто дней он не появлялся, а потом к нему пришла мысль: «Ну и как, стал ли я лучше, не видя Бхагавана?» И он пошёл к Бхагавану. Тот встретил его у входа в Скандашрам и поприветствовал вопросом: «Стал ли ты лучше, не приходя ко мне?» После этого он поговорил с ним о важности и действенности сатсанга, несмотря на то что ученик может не воспринимать эффекта, который тот на него производит, или не видит у себя никаких улучшений. Он сравнил это с тем, как мать кормит своё дитя ночью, когда то спит. На следующий день ребёнок думает, что ничего не ел, хотя она-то знает, что это не так, и на самом деле он сыт.

Этот пример означает нечто большее, чем автоматическую пользу от жизни в атмосфере Мудреца; он подразумевает, что Мудрец сознательно направляет своё влияние. Однажды Шри Бхагаван дал этому поразительное подтверждение, хотя те, кто пережили это, не нуждались в нём. Сундареша Айяр сочинил песню на тамильском с его восхвалением, упомянув, что из его глаз изливается Милость, чтобы поддерживать преданных. Шри Бхагаван поправил его: «Нет, не изливается, а направляется, потому что это сознательный процесс направления Милости к конкретным людям».

Ученик тоже должен совершать усилия, чтобы в полной мере принимать Милость Учителя, и методом, который предписывал Шри Бхагаван для этой цели, была *вичара*, вопрошание «Кто я?». Это та самая садхана, которую он принёс в ответ на нужды нашего времени, и насчёт неё не было никакой секретности или таинственности. Он был совершенно категоричен по поводу её превосходства. «Само-исследование – это единственный безошибочный, единственный прямой метод, чтобы обнаружить безусловное, абсолютное Бытие, которым вы действительно являетесь... Попытка разрушить эго, или ум, другими садханами, нежели Само-исследование, напоминает вора, переодевшегося в полицейского, чтобы поймать вора, которым он сам и является. Само-исследование единственное может открыть истину, что ни эго, ни ума никогда не существовало, и позволить

человеку осознать чистое, неразличённое Бытие Самости, или Абсолюта. Когда Самость осознана, больше ничего не нужно знать, потому что это совершенное Блаженство, это Всё». (Евангелие Махарши, часть II.)

«Цель Само-исследования – сосредоточить весь ум на его Источнике. Поэтому это не тот случай, когда одно „я” ищет другое „я”». (Там же.)

Сфокусировать весь ум на его источнике — значит повернуть его внутрь, на самого себя. Предписывалось сесть в медитации, спрашивая «Кто я?», одновременно фокусируя внимание на Сердце, не физическом органе в левой части груди, но духовном Сердце справа. В соответствии с натурой спрашивающего, Шри Бхагаван мог делать акцент на физическом или ментальном аспекте, концентрации на Сердце или на вопрошании «Кто я?».

Духовное сердце в груди справа – это не одна из йогических чакр; это центр и источник эго-«я» и обиталище Самости, и, таким образом, место Союза. Когда его спросили, есть ли какие-то подтверждения в писаниях или других авторитетных источниках, чтобы помещать Сердце в этом месте, Шри Бхагван сказал, что он это обнаружил на своём опыте, а позднее встретил подтверждение в одной малаяламской книге по аюрведе¹. Тот, кто следовал его наставлениям, тоже открывал, что так оно и есть. Это такая фундаментальная вещь для использования вичары, что стоит привести беседу из «Евангелия Махарши», где Шри Бхагаван рассказывает о ней более подробно.

Преданный: Шри Бхагаван определяет особенное место для Сердца в физическом теле, и оно – в груди, на два пальца правее центра.

Бхагаван: Да, это Центр духовного опыта, согласно свидетельствам Мудрецов. Этот Духовный Сердечный центр – нечто совершенно отличное от мускульного органа для кровообращения, известного под тем же именем. Духовный Сердечный центр не является органом тела. Всё, что можно сказать о Сердце, это то, что оно – самое Ядро вашего существа, то, с чем вы на самом деле идентичны (*что буквально и означает этот термин на санскрите: „хридаям” – Духовное Сердце; Хрит + Аям = Сердце есмь Я*), неважно, бодрствуете ли вы при этом, спите или в глубоком сне без сновидений, погружены ли вы в работу или поглощены в самадхи.

Пр: В этом случае, как оно может быть определено в какой-то части тела? Определяя место для Сердца, мы накладываем физиологические ограничения на ТО, которое за пределами пространства и времени.

Бх: Это правда, но человек, который задаёт вопрос о местоположении Сердца, рассматривает себя как существующего в теле или с ним... Так как во время бестелесного переживания Сердца как чистого Сознания Мудрец совершенно не сознаёт своё тело, этот абсолютный опыт локализуется им внутри ограничений физического тела, как вид воспоминания, которое возникает, когда он осознаёт тело.

¹ Сравните: «Сердце мудрого – на правую сторону, а сердце глупого – на левую» (Екклесиаст, 10 : 2).

Пр: Для таких людей, как я, у которых не было ни прямого переживания Сердца, ни соответствующего воспоминания, эта тема выглядит довольно сложной для понимания. Возможно, по поводу позиционирования самого Сердца нам придётся зависеть от своего рода догадки.

Бх: Если определение позиции Сердца зависело бы от догадки, то даже для невежественного человека вопрос вряд ли стоил бы обсуждения. Нет, вам не придётся зависеть от догадки, но только от безошибочной интуиции.

Пр: У кого есть такая интуиция?

Бх: У каждого.

Пр: Не одолжит ли Шри Бхагаван и мне интуитивного знания Сердца?

Бх: Нет, не Сердца, но позиции Сердца относительно вашей личности.

Пр: Сейчас Шри Бхагаван сказал, что я интуитивно знаю позицию Сердца в физическом теле, так?

Бх: А почему нет?

Пр: (указывая на себя) Это лично ко мне Шри Бхагаван сейчас обращается?

Бх: Да. Вот она, та самая интуиция. Как вы показали на себя сейчас жестом? Вы направили палец на правую сторону своей груди, не так ли? Это именно то самое место Сердечного Центра.

Пр: Тогда, значит, не имея прямого знания о Сердечном Центре, я должен зависеть от этой интуиции?

Бх: А почему бы и нет? Когда школьник говорит: «Это я сложил цифры правильно!», или когда он спрашивает вас: «Мне сбегать и принести вам книгу?», разве он указывает на голову, которая сложила цифры, или на ноги, которые быстро донесут его до книги? Нет, в обоих случаях его палец вполне естественно направлен на правую сторону груди, таким образом простодушно выражая глубокую истину, что Источник «Я» в нём – в этом самом месте. Именно безошибочная интуиция заставляет его указывать на себя как на Сердце, которое есть Самость. Это действие вполне произвольное и универсальное, иначе говоря, оно одинаково для каждой личности. Какое ещё большее доказательство, чем это, вам надо для расположения Сердечного Центра в физическом теле?

Таким образом, наставление состояло в том, чтобы сесть, сосредоточившись на сердце справа, и спрашивать: «Кто я?» Когда во время медитации возникают мысли, нужно не следовать за ними, а наблюдать их и спрашивать: «Что это за мысль? Откуда она пришла? И к кому? Ко мне — и кто же я?» Таким образом, любая мысль исчезает при внимательном рассмотрении и возвращается к основной я-мысли. Если возникают нечистые мысли, то с ними следует обращаться точно так же, ибо садхана на самом деле делает то, что, как утверждается, делает психоанализ: она очищает подсознание от грязи, выводит её на свет божий и уничтожает. «Да, в медитации возникают всевозможные мысли. Всё верно, ведь то, что скрыто в вас, выходит наружу. Если оно не всплывёт, как оно может быть уничтожено?» (*Евангелие Махарши.*)

Все мыслеформы – чужаки этой форме медитации. Иногда преданный спрашивал Шри Бхагавана, может ли он использовать утверждения, как «я есмь Он», или ещё

какое-нибудь, во время исследования, но тот всегда запрещал это. Однажды, когда преданный предлагал одно утверждение за другим, он объяснил: «Любые мысли несовместимы с Осознанием. Правильно – исключить мысли о себе и все остальные мысли. Мышление – это одно, а Осознание – совсем другое».

У вопроса «Кто я?» нет ответа. Тут не может быть ответа, потому что он растворяет я-мысль, которая является прародителем всех остальных мыслей, и проникает глубже, в тишину, где нет мышления. «Не следует в медитации давать уму наводящие ответы, например, *Шивохам* (я есть Шива). Подлинный ответ придёт сам. Любой ответ эго будет неверным». Ответ – это пробуждающийся поток Сознания, упомянутый в конце первой главы, вибрирующий, как самая сущность бытия человека и при этом всё же безличностная. Настойчивой практикой нужно вызывать его всё чаще и чаще, пока он не станет постоянным, не только во время медитации, но и как фон деятельности и общения. Даже тогда вичару всё ещё нужно использовать, так как эго будет пытаться заключить перемирие с потоком осознания, и если однажды ему это позволить, оно будет усиливаться и бороться за восстановление своего превосходства, подобно язычникам, которым евреи позволили остаться в Обетованной земле. Шри Бхагаван настаивал (например, в своём ответе Шивапракашаму Пиллаю), что исследование должно проводиться до самого конца. Какие бы состояния, какие бы силы, какие бы ощущения или видения ни приходили, должно быть всё время вопрошание, к кому они приходят, пока не останется одна лишь Самость.

И в самом деле, видения и силы могут оказаться отвлекающим фактором, сковывая ум так же мощно, как привязанность к физической силе или удовольствию, и обманывая его, заставляя воображать, что он уже превратился в Самость. И как и с земными силами и удовольствиями, желание обладать этими вещами даже более губительно, нежели само обладание ими. Однажды перед Шри Бхагаваном сидел Нарасимхасвами, переводя на тамильский биографию и высказывания Вивекнанды. Когда он дошёл до описания хорошо известного эпизода, когда одно-единственное прикосновение Шри Рамакришны дало Вивекананде переживание всех вещей как единой субстанции, его посетила мысль о том, что и для него такое переживание было бы весьма желательным и что, возможно, Шри Бхагаван может дать его прикосновением или взглядом. Как это часто бывало, вопрос, который его беспокоил, тут же был озвучен другим преданным: Эчаммал спросила, могут ли преданные достичь *сиддх* (окультурных сил). Это был период, когда Шри Бхагаван составлял «Сорок стихов о Реальности», работу, которую, вместе с Дополнением, можно считать формулировкой Учения, и он сочинил стих в ответ на вопрос. «Пребывать твёрдо в Реальности, которая вечна, это истинная сиддхи. Иметь любые другие достижения – это как обладать ими во сне. Остаются ли они реальными, когда человек просыпается? Станет ли тот, кто установился в Реальности и свободен от иллюзии, беспокоиться о подобных вещах?»

Окультурное – препятствие духовному. Окультурные силы, а ещё больше – желание этих сил, сбивают искателя. В *Девикалоттрам*, которую Шри Бхагаван перевёл с санскрита на тамильский, сказано: «Не следует принимать чудодейственные силы и

тому подобное, даже когда их прямо предлагают, потому что они как верёвки, которыми опутывают зверя, и рано или поздно они утянут человека на дно. Высшая *Мукти* (Освобождение) не относится к ним; её нельзя найти нигде, кроме как в Бесконечном Сознании».

Возвращаясь к рассказу: Шри Бхагаван предписывал Само-исследование не только как технику медитации, но и как технику жизни. Когда его спросили, нужно ли использовать её всегда или только в определённые часы, он ответил: «Всегда». Это проливает свет на его отказ, когда его просили одобрить отречение от мирской жизни, так как сами обстоятельства, которые были препятствиями для садханы, оказываются, таким образом, инструментами садханы. В конечном счёте, садхана – это просто атака на эго, и никакое количество экстаза или медитации не может привести её к успеху, пока эго остаётся укоренённым в надеждах и страхах, амбициях и обидах, в любом виде страстей и желаний. Шри Рама и царь Джанака были свободны от привязанностей, хотя и жили в миру; садху, который пытался скатывать камни на Шри Бхагавана, был опутан ими, хотя и отрёкся от мира.

В то же время это не значит, что, не имея плана кампании, простой беззгостной деятельности будет достаточно, так как эго тонкое и цепкое и найдёт себе убежище даже в такой деятельности, которая должна была бы уничтожить его – оно может возгордиться от добрых дел или наслаждаться аскетизмом.

Само-исследование, как ежедневная деятельность, вопрошание себя, для кого возникают все эти мысли, и есть такой план компании, и это очень действенный план. Оно может выглядеть не особо эффективным, когда применяется к безэмоциональным мыслям, вроде мнения о книге или фильме; но когда его применяют к волнующим мыслям, оно имеет огромную силу и бьёт в самый корень страстей. Человека задели, и он чувствует возмущение – кого задели, кто возмущён? Кому приятно, кто подавлен, зол или торжествует? Кто-то впадает в фантазии, представляя возможные достижения, и таким образом накачивает эго так же сильно, как медитация сдувает его; и в такой момент нужна чуткость и решимость, чтобы выхватить меч вичары и разрубить узел мыслей.

Среди разнообразной жизненной деятельности, наряду с вичарой Шри Бхагаван предписывал преданность и подчинение Божественной Воле. Он сравнивал человека, который думает, что это он сам несёт всю ношу и ответственность за свою жизнь, с пассажиром поезда, который не хочет положить багаж и держит его всю дорогу на руках, хотя поезд везёт и его самого, и его багаж, а более умные пассажиры давно уже сложили сумки на полки и сидят в комфорте. Все наставления и примеры, которые он давал, направлены в одну точку – ослабление своекорыстия и разрушение иллюзии «я являюсь деятелем».

Известный член Конгресса¹, Джамналар Баджадж, однажды приехал в Ашрам и спросил: «Является ли правильным желание *свараджа* (политической независимости)?»

Шри Бхагаван ответил: «Да, упорная работа ради такой цели постепенно расширяет видение, так что индивидуальная личность постепенно растворяется в стране. Подобное растворение индивидуальности весьма желательно, и такая карма есть *нишкамьякарма*²».

Видимо, торжествующий оттого, что получил одобрение Свами своих политических целей, и желающий ещё более определённого заверения, Джамналар стал спрашивать о том, что, казалось бы, следует логически: «Если *сварадж* достигнут после длительной борьбы и ужасных жертв, разве человек не имеет права радоваться результату?»

Но он был разочарован: «Нет, в процессе борьбы он должен подчинить себя Высшей Силе, чьё Могущество он всегда должен держать в уме и никогда не забывать. Как тогда он может торжествовать? Он совершенно не должен заботиться о результате своих действий. Только тогда это становится *нишкамьей*».

Другими словами, исход деятельности человека зависит от Бога, и всё, за что ответственен этот человек, это чистота и незаинтересованность в результате. Более того, делая что-то правильное только потому, что это правильно, без себялюбия, человек приносит пользу остальным даже без видимого результата его действий, и даже в более эффективной, хотя и более тонкой манере, чем если бы результат был налицо. Человек также приносит пользу себе самым непосредственным образом. На самом деле, можно сказать, что бескорыстная деятельность является истинным банковским счетом, накапливающим хорошую карму, которая будет определять будущую судьбу человека.

В другом подобном случае, в ответ какому-то посетителю, Шри Бхагаван объяснил, что направленность ума может сделать из социальной или политической деятельности действенную садхану, но при этом он отговаривал почитателей от подобной активности. Вполне достаточно, если они будут выполнять свои личные жизненные функции с чистотой и незаинтересованностью, делая то, что правильно, потому что это правильно. Хотя нынешнее состояние мира и выглядит дисгармоничным, это часть более обширной гармонии; и совершая Самоисследование, человек может и познать эту гармонию, и распространять намного более гармоничное влияние, чем пытаюсь переделать ход событий. Учение Шри

¹ Индийский национальный конгресс – политическая партия в Индии; старейшая политическая организация страны. От лояльной оппозиции британскому колониальному режиму перешла в 1920-х гг. к активной борьбе за национальную независимость, превратившись в массовую партию. Основой программы ИНК стали принципы гандизма.

² То есть такая деятельность является деятельностью без привязанности к результату.

Бхагавана по этому поводу просуммировано в нижеследующем разговоре с Полом Брантоном:

ПБ: Не выскажет ли Махарши своё мнение по поводу будущего этого мира, ведь мы живём в переломные времена?

Б: Почему вы беспокоитесь насчёт будущего? Вы даже не знаете толком настоящего. Позаботьтесь о настоящем, а будущее позаботится о себе само.

ПБ: Вступит ли мир вскоре в новую эпоху дружелюбия и взаимопомощи, или же он опустится в пучину хаоса и войн?

Б: Есть Единый, который управляет миром, и это Его задача – присматривать за миром. Тот, кто дал миру жизнь, знает, и как присмотреть за ним. Он несёт бремя этого мира, не вы.

ПБ: И всё же, если посмотреть непредвзятым взглядом, сложно увидеть, где проявляется эта забота.

Б: Каков ты, таков и мир. Без понимания себя, какой смысл пытаться понять мир? Это один из вопросов, которые не нужны искателю Истины. Люди тратят свою энергию на подобные вопросы. Прежде всего выясните Истину, лежащую в основе вас, тогда вы сможете легче познать Истину, лежащую в основе мира, частью которого вы являетесь.

Следует отметить, что в последнем предложении под словом «вас» Шри Бхагаван подразумевает эго, которое собеседник принимает в тот момент за себя. Истинное «Я» – это не часть мира, но Самость и Творец мира.

Предписание использовать Само-исследование среди жизненной активности было расширением его традиционного использования и приспособлением к нуждам нашего времени. В его прямом использовании, как медитация, это чистейшая и древнейшая садхана. Хотя оно пришло к Шри Бхагавану спонтанно, не из книг, оно лежит в русле традиции древних Риши. Мудрец Васишта писал: «Это исследование „Кто я?“ – это поиск Себя и огонь, сжигающий семена ядовитых ростков концептуальных мыслей». Однако ранее оно было известно только как чистая *Джняна-марга* (Путь Знания), наиболее простая, как и наиболее глубокая, чью наивысшую тайну открывали лишь ученикам с самым ясным пониманием, которые следовали ей в постоянной медитации, удалившись от соблазнов мира. *Карма-марга* (путь Действия), с другой стороны, был путём для тех, кто оставался жить в миру и чья жизнь, как определено в Бхагавад Гите, состояла в служении и действии без привязанности к плодам деятельности, то есть без личного интереса и малейшего следа эгоизма. Ныне же эти два пути слились в один, создав новый путь, подходящий условиям этого века, путь, которому можно следовать тихо, в офисе или на заводе, ничуть не хуже, чем в ашраме или пещере, со внешним следованием ритуалу или без него, просто выделяя немного времени для медитации и после этого памятуя о ней на протяжении дня.

«В конечном счёте всё скрытое станет явным». С богословской точки зрения, это высказывание Христа можно считать его собственным провозвестием глубочайшего и самого тайного пути и его адаптацией к нашему веку. И такая адаптация – это то, что сделал Шри Бхагаван.

На самом деле, новый путь – не просто слияние Джняна-марти и карма-марги; это ещё и *бхакти* (любовь, или преданность), так как он порождает чистую любовь – любовь к Себе, Внутреннему Гуру, которая есть любовь к Бхагавану, любовь к Богу. Шри Бхагаван сказал в «Евангелии Махарши»: «Вечное, нерушимое, естественное состояние пребывания в Себе – это Джняна. Чтобы пребывать в Самости, ты должен любить Самость. Так как Бог – это, в действительности, Самость, любовь к Самости есть любовь к Богу, и это – бхакти. Джняна и бхакти, таким образом, это одно и то же».

Пути Джняны и бхакти, предписанные Шри Бхагаваном, могут выглядеть совершенно разными путями, но на самом деле они гораздо ближе друг к другу, чем может показаться, и один не исключает другого; на самом деле они могут слиться в единый, интегральный путь, только что описанный.

С одной стороны, подчинение внешнему Гуру ведёт через его Милость к внутреннему Гуру, которого вичара стремится обнаружить; и, с другой стороны, вичара ведёт к спокойствию и подчинению. Оба метода направлены на прямое преклонение ума, только в первом случае больше перед внешним, а в другом – перед внутренним Гуру. Непрямые методы садханы направлены, скорее, на то, чтобы укрепить и упрочить ум, чтобы он мог, в конечном счете, достичь достаточной силы и размаха, чтобы сдаться Духу, и именно это Шри Бхагаван называл «вором, превращающимся в полицейского, чтобы поймать вора, который есть он сам». Это, конечно, верно, что ум должен быть укреплен и очищен, прежде чем он сдастся, но используя вичару, с Милостью Шри Бхагавана, это происходит автоматически.

Один преданный, Кришна Дживрадхани, как-то спросил об этом: «В книгах говорится, что человеку надо культивировать все добрые, или божественные, качества, чтобы подготовить себя к Само-осознанию».

И Шри Бхагаван ответил: «Все добрые, или божественные, качества включены в *Джняну* (Знание), а все плохие, дьявольские – в *аджняну* (неведение). Когда приходит Джняна, всякая аджняна уходит, и все божественные качества приходят автоматически. Если человек – Джняни, он не может солгать или сделать что-то плохое. Без сомнения, в некоторых книгах говорится, что нужно культивировать одно качество за другим и, таким образом, готовиться к окончательной *Мокше* (Спасению), но для тех, кто следует Джняне, или *вичара марге*, самой их садханы вполне достаточно для достижения любых божественных качеств; им не нужно делать ничего другого».

Однако может возникнуть вопрос, насколько на самом деле доступна вичара. В «Духовном наставлении», составленном вскоре после того, как Шри Бхагаван

спустился из Скандашрама, сообщается, что один преданный спросил: «Все ли искатели могут, каким бы ни был их духовный багаж, сразу принять и применить на практике этот метод поиска Себя?» И он ответил: «Нет, он предназначен только для зрелых душ. Остальным нужно пройти соответствующую подготовку и практику, применяя такие методы, которые подходят их уровню развития, ментальному и духовному».

Похожий ответ можно найти в разъяснениях, изданных как «Шри Рамана Гита», когда Махарши жил в пещере Вирупакша. «Другие методы» включают в себя религиозные и молитвенные обряды, медитацию, поклонение, мантры, а также контроль дыхания. Все они – не только подготовка к использованию вичары, но и могут сочетаться с ней. Многие преданные говорили Шри Бхагавану, что они используют подобные методы, которые им предписали их гуру, или просили его одобрения на их использование, и он милостиво выслушивал их и одобрял. Но когда кто-нибудь из них обнаруживал, что его метод, отличный от вичары, сходит на нет, он это тоже одобрял. Один преданный сообщил, что больше не получает поддержки от своего метода, который ранее практиковал, и просил разрешения оставить его, и Махарши ответил: «Да, все прочие методы лишь ведут к вичаре».

В поздний период Ашрама у подножия горы нет записей о каких-либо ограничениях на использование вичары; напротив, её явно предписывали, вместе с концентрацией на Сердце, всем, кто спрашивал о Пути. Это приводит к выводу, что только в той новой форме, в которой нам даровал её Шри Бхагаван, вичара стала доступной для всех, кто, по его Милости, стремился её использовать.

С другой стороны, было заметно, что мало кто пытался практиковать вичару. И в самом деле, многие из тех, кто приходил в Ашрам и просил разъяснить ему тайну жизни, или дать ему метод, чтобы пережить покой, или очистить и укрепить характер, явно были настолько далеки от учения Адвайты или практикования Само-исследования, что для внешнего наблюдателя было сложно не ощутить разочарования или досады от того малого утешения, которое они, казалось, получали. Но это было лишь внешнее впечатление, ибо если посмотреть более внимательно, оказывалось, что подлинный ответ был не вербальным, но тем безмолвным влиянием, которое начинало пропитывать ум вопрошающего.

В своих объяснениях Шри Бхагаван твёрдо придерживался окончательной истины, которую одну признаёт Джняни, так же как он придерживался принципа, что, будучи за пределами различий, Джняни не имеет отношений и поэтому никого не называет своим учеником; но его безмолвная Благодать, воздействуя на ум ученика, позволяла тому искать для себя наиболее подходящие «другие методы» для своего развития, как уже было сказано про тех, кто просто стремился сдаться и сохранять ум спокойным. Вербальные предписания были необязательны. Каждый получал помощь в соответствии со своей натурой, пропорционально своему пониманию и преданности. «Милость Гуру – как океан. Если человек приходит с чашкой, то он и зачерпнёт только чашку. Нет смысла жаловаться на скупость океана. Чем больше сосуд, тем больше можно зачерпнуть. Всё зависит от человека».

Пожилая женщина из Франции, мать одного из преданных, прибыла с визитом в Ашрам. Она не понимала философии, да и не пыталась её понять, но после своего визита стала преданной католичкой, хотя до этого была ею чисто номинально; и она признала, что перемена произошла под влиянием Шри Бхагавана. Его учение состояло больше из таких изменений, нежели из устных наставлений.

Ещё может быть, что со временем милость Шри Бхагавана всё сильнее привязывала к нему почитателей и таким образом через преданность готовила их сердца к вичаре. Не только почитатели, но и случайные посетители ощущали, каким нежным, каким лучезарным стало его лицо в последние годы. Через Любовь он вёл к Знанию, так же как вичара ведёт через Знание к Любви. Преданность к нему поворачивала ум внутрь, к Самости, которой он был выражением, как и поиск «Я» внутри пробуждал безграничную любовь к «Я», проявленному в нём.

Один преданный так выразил это: «Просто взгляните в его лицо, такое захватывающее, такое невероятно милостивое и такое мудрое, и всё же с невинностью новорождённого дитя – он знает всё, что можно знать. Иногда в сердце начинается вибрация – Бхагаван, Бхагаван – это ядро моего бытия, принявшее форму, моё собственное сердце, выраженное вовне – Кто я? – И таким образом любовь ведёт к исследованию».

В прежние времена не было принято, чтобы Учитель описывал технику садханы открыто, устно и письменно (как это делал Шри Бхагаван). Причиной было то, что духовная практика могла быть эффективной, лишь когда передавалась ученику как *упадеша*, наставление его Гуру. Новаторство Шри Бхагавана в этом аспекте позволяет рассмотреть под другим углом вопрос о доступности вичары для широкого круга последователей: а насколько доступной может быть вообще какая-либо садхана, если её не предписал Гуру персонально?

Шри Бхагаван сам поддерживал традиционное мнение, что техника садханы действенна, только когда она предписана Гуру. Когда его однажды спросили, получит ли человек выгоду от мантр, которые он подобрал случайным образом, он ответил: «Нет, человек должен быть посвящён в них».

Как тогда может быть, что он объяснял вичару открыто и иногда даже отсылал посетителей к её описанию в книгах? Единственным объяснением может быть только то, что он был фигурой намного большей, чем просто Гуру для тех немногих, кто мог физически достичь его в Тируваннамалае. Ему принадлежит власть, и он давал санкцию. В этот духовно тёмный век, когда многие ищут Гуру, но редко его находят, Бхагаван сам принял на земле форму *Садгуру*, Божественного Руководства для тех, кто поворачивается к нему, и провозгласил садхану доступной для всех, кто, по его Милости, обратился к ней.

Использование вичары не только не ограничивалось теми, кто мог отправиться в Тируваннамалай, оно также не ограничивалось индуистами. Учение Шри Бхагавана – это сущность всех религий, открыто провозглашающая то, что ранее было скрыто.

Адвайта – это центральный постулат даосизма и буддизма; учение о внутреннем Гуру – это учение о «Христе в тебе»¹, восстановленное во всей полноте своего значения; вичара проникает в высшую истину исламского вероучения, или шахады, что нет бога, кроме Бога – что нет «я», кроме «Я». Шри Бхагаван был выше различий между религиями. Ему были доступны индуистские книги, поэтому, изучив их, он излагал своё учение, используя их термины, но он мог также оперировать терминами других религий, если это было нужно. Садхана, которую он предписывал, не зависела ни от какой религии. К нему приходили не только индуисты, но и буддисты, христиане, мусульмане, иудеи, парсы, и он никогда не ожидал, что кто-то из них изменит своей религии. Преданность Гуру и поток его Милости ведут к более глубокой реальности любой религии, а Само-исследование – к высшей истине, стоящей за религиями.

1 Царствие Божие внутри вас есть" (Лк.17:21)

15 Преданные

В общем и целом, преданные были самыми обычными людьми. Ни в коей мере не были они все поголовно учёными и интеллектуалами. На деле нередко бывало, что какой-нибудь интеллектуал, занятый своими теориями, был неспособен воспринять живую Истину и уходил, тогда как простой человек оставался и становился преданным и, благодаря своей искренности, удостоивался Милости Бхагавана. Из-за того, что само-исследование называется *Джняна-марга*, Путь Знания, некоторые полагают, что ему могут следовать только интеллектуалы, хотя тут подразумевается понимание сердцем, а не теоретическое знание. Теоретическое или доктринальное знание может служить помощью, но в равной степени оно может быть и помехой.

Шри Бхагаван писал: «Что толку от учености для тех, кто не стремится стереть письма судьбы вопрошанием: „Откуда родились мы, те, кто знает эти письма?“ Они просто уподобились граммофону. Кто они ещё, о, Аруначала? Скорее, неучёные спасутся, нежели те, чьё эго не стихло, несмотря на их учёность» (*Дополнительные Сорок Стихов*, сс. 35-36). Слова насчёт стирания письмен судьбы отсылают к индуистской концепции о судьбе человека, написанной на его лбу, и означают преодоление кармы человека. Эти слова – ещё одно подтверждение того, что сказано в пятой главе, что концепция судьбы не отвергает возможность самостоятельных усилий или, более того, их необходимость.

Учёность не порицалась сама по себе, как и материальный достаток или психические силы; порицались их желание и страсть к ним как ослепляющие человека и отвращающие от истинной цели. Как утверждается насчёт психических сил в древнем тексте, цитированном ранее, они как верёвки, которыми опутывают зверя. Требовалось чистое сердце, а не блистание умом; глубокое понимание, а не поверхностное теоретизирование; кротость, а не гордость. Особенно это можно было заметить, когда распевали песни преданности в холле – как мало мог уделить интереса Шри Бхагаван какой-нибудь знаменитости и как лучилась его Милость по отношению к тому, кто поёт всем сердцем, хоть и с малым умением.

Конечно, среди почитателей преобладали индусы, но были и многие другие. Никто не сделал больше для распространения вести о Шри Бхагаване в мире, чем Пол Брантон с его книгой «Поиск в тайной Индии».

Среди тех, кто в поздние годы жил в самом Ашраме или возле него, были Майор Чедвик, крупный, с военной выправкой, добродушный и с трубным голосом; миссис Талеяркан, дама из парсов, с властной натурой и флёром *grande dame*¹; С.С. Коэн, почитатель из Ирака, тихий и скромный; доктор Хафиз Сайед, отставной профессор персидского языка, с неким шармом старинного мусульманского аристократа. Люди

¹ Важная особа, знатная дама.

приходили со всех концов Земли, из Америки, Франции, Германии, Голландии, Чехословакии, Польши, кто надолго, а кто только на короткий срок.

Вишванатан, юный родственник Шри Бхагавана, пришёл в 1923 году, когда ему было лишь девятнадцать, и остался в Ашраме. Это был не первый его визит, но на этот раз, когда он вошёл в холл, Шри Бхагаван спросил его: «Ты покинул своих родителей?»

Этот вопрос был свидетельством того, что на этот раз юноша прибыл, чтобы остаться. Он признался, что, как и сам Шри Бхагаван, просто оставил записку, не указав, куда направился. Шри Бхагаван заставил его написать письмо, но в любом случае папа молодого человека догадался, куда тот уехал, и прибыл, чтобы обсудить побег. Он с пониманием отнёсся к ситуации. Он уже слышал восторженные отзывы о Свами, но знал его как младшего родственника в те дни, когда тот был ещё Венкатараманом, и ему просто тяжело было воспринимать его в Божественном свете. Однако когда он вошёл в Присутствие, его тело затрепетало от благоговения, и он пал ниц, прежде чем понял, что случилось.

«Я не вижу ничего от прежнего Венкатарамана здесь!», воскликнул он.

И Шри Бхагаван засмеялся: «А, тот парнишка! Он давно исчез».

Разговаривая в Вишванатаном в своём обычном юмористическом ключе, Шри Бхагаван однажды сказал: «По крайней мере ты знал санскрит, когда ушёл из дома; когда я ушёл, я ничего не знал».

Были и другие, кто знал санскрит и изучал писания – среди них был отставной профессор Мунагала Венкатрамья (составитель «Бесед со Шри Раманой Махарши»), который жил как *садху* и в течение нескольких лет вёл дневник событий Ашрама, и школьный учитель Сундареша Айяр, о котором уже упоминалось и который продолжил работать по специальности в Тируваннамалае.

В один год с Вишванатаном пришёл и Муруганар, один из выдающихся тамильских поэтов. Сам Шри Бхагаван иногда отсылал к его поэмам или зачитывал их вслух. Это он составил «Сорок стихов» и выпустил в виде книги, а кроме этого, он написал замечательный комментарий к ним на тамильском. Музыкант Манаваси Рамасвами Айяр – ещё более старый преданный. Старший по возрасту по отношению к Шри Бхагавану, впервые он пришёл к нему в 1907 году. Он тоже сочинял прекрасные песни во славу Учителя.

Рамасвами Пиллай пришёл юношей прямо из колледжа в 1911 году и остался. Как Вишванатан и Муруганар, он стал *садху*; однако в его случае его путь был больше путём преданности и служения. Однажды, в 1947 году, Шри Бхагаван поранил ногу о камень во время своей ежедневной прогулки по Горе. На следующий день Рамасвами Пиллай, уже седовласый, но всё ещё полный сил, начал делать ступени и тропу вверх по склону горы. Он работал в одиночку, от рассвета до заката, день за днём, пока тропа не была завершена. Края он укрепил камнем; там, где была скальная

площадка, он ступени высек, а где был земляной склон, он ступени выложил и обустроил. Тропа сделана так добротнo, что летние ливни не размыли её до сих пор; однако с тех времён её не ремонтировали, так как вскоре после того, как она была закончена, ухудшающееся здоровье Шри Бхагавана вынудило его прекратить прогулки по Горе.

Ранга Айяр, старый школьный приятель, о котором упоминалось выше, никогда не жил в Тируваннамалае, однако он часто приезжал с семьёй. Он учился со Шри Бхагаваном в одном классе и играл и боролся с ним, и он всегда пользовался большой свободой, разговаривая с ним и шутя. Приехав ещё в дни пещеры Вирупакша посмотреть, как выглядит его старый друг в качестве Свами, он сразу же понял, что стоит перед Божественным. А вот его старший брат Мани этого не осознал. Он стоял, насмешливо глядя на юного Свами, которого знал как младшего по школе. Шри Бхагаван повернул на него взгляд, и под его воздействием Мани пал ниц к его ногам. После этого он тоже стал преданным. Один из сыновей Ранги Айяра написал большую поэму на тамильском, прославляющую «брак» Шри Бхагавана с Божественным Знанием (*Джняной*).

Значительная часть «Евангелия Махарши» составлена из разговоров с польским эмигрантом М. Фридманом. Ещё две дамы из Польши были хорошо известны в Ашраме. Когда одной из них, миссис Нойе, пришла пора возвращаться в Америку, она не могла сдержать слёз. Шри Бхагаван утешил её: «Почему вы плачете? Я с вами, куда бы вы ни отправились».

Это верно для всех преданных Бхагавана. Он всегда с ними; если они помнят о нём, он помнит о них; даже если преданные расстанутся с ним, Бхагаван не расстанется с ними; и всё же услышать об этом лично было великим благословением.

Трое моих детей, единственные дети-европейцы в Тируваннамалае, были весьма заметны среди почитателей. Одним декабрьским вечером в 1946 году Шри Бхагаван посвятил двух старших из них в медитацию, и если даже их попытки описать это провалились, то что говорить о более взрослых людях. Китти, которой было десять, написала: «В тот вечер, когда я сидела в холле, Бхагаван улыбнулся мне, и я закрыла глаза и начала медитировать. Когда я закрыла глаза, я почувствовала себя очень счастливой и ощутила, что Бхагаван очень, очень близок ко мне, что он очень реален и что он во мне. Это не было как счастье и возбуждение от чего-то. Я не знаю, что сказать, просто очень счастлива, а Бхагаван так прекрасен».

А Адам, которому было семь, написал: «Когда я сидел в холле, я не чувствовал себя счастливым, поэтому начал молиться и тогда почувствовал себя очень счастливым, но не как когда получаешь новую игрушку, а просто любя Бхагавана и всех остальных».

Не то, чтобы дети просиживали в холле часто и подолгу. Когда им хотелось, они сидели; но чаще они просто играли где-то рядом.

Когда Франия, младшей дочери, было семь, двое старших как-то обсуждали своих друзей, и она, ещё не имевшая настоящих друзей, но не желавшая оставаться в стороне, заявила, что доктор Саед её лучший друг во всём мире. Шри Бхагавану рассказали об этом.

- А? – ответил он с поверхностным интересом.
- И её мать сказала: «А что насчёт Бхагавана?»
- А? – На этот раз он повернул голову и выказал действительный интерес.
- Франия ответила: «Бхагаван – не в этом мире».
- О!

Бхагаван сидел, выпрямившись, с выражением изумления, приложив указательный палец к носу, как он делал, когда бывал поражён. Он перевёл эту историю на тамильский и восхищённо рассказывал её всем, кто заходил в холл.

Позднее доктор Саед спросил ребёнка, где же Бхагаван, если не в мире, и она ответила: «Он – повсюду».

Он продолжил в духе Корана: «Как мы можем говорить, что он – не человек из мира, как и мы, когда видим, что он сидит на диване, ест, и пьёт, и гуляет?»

И она ответила: «Давайте поговорим о чём-нибудь другом».

И всё же любой рассказ о преданных будет недостаточным, потому что всегда остаются те, о ком стоило бы упомянуть. К примеру, мало кто разговаривал со Шри Бхагаваном более свободно, нежели Девараджа Мудалиар или Т.П. Рамачандра Айяр, чей дед однажды силой привёл юного Шри Раману на ритуальную трапезу в свой дом – единственный дом, в котором он принимал пищу после своего прибытия в Тируваннамалай. Много прекрасных снимков Шри Бхагавана, представляющих невероятную гамму его выражения лица, были сделаны доктором Т.Н. Кришнасвами, который приезжал периодически из Мадраса. Одно из самых красочных и живых описаний событий, имевших место в Ашраме, наполненное очарованием присутствия Шри Бхагавана, содержится в письмах, написанных на телугу одной преданной дамой по имени Нагамма, которые она отправляла своему брату Д.С. Шастри, работнику банка из Мадраса. Опять же, было множество преданных, которые редко или даже никогда не испытывали потребности разговаривать со Шри Бхагаваном. Были те, кто приезжал, как только выпадала возможность, в каком бы городе или стране они ни были, и были те, кто наносил один короткий визит и с тех пор оставался учеником великого Учителя, хотя и не в его физическом присутствии. А некоторые никогда его не видели, однако получали безмолвную инициацию на расстоянии.

Бхагаван не поощрял никакой эксцентричности в одежде и поведении или проявление экстаза. Уже приводились примеры, как он не одобрял желание видений и сил и что он предпочитал, чтобы семейные люди прилагали усилия в условиях домашней жизни и на работе. Он не вызывал в преданных эффектных, видимых изменений, потому что подобные изменения могут быть постройкой без основания

и позднее разрушиться. И в самом деле, иногда случалось, что преданные впадали в уныние, не видя в себе никаких изменений, и жаловались, что у них нет прогресса. В таких случаях Шри Бхагаван мог утешить или же возразить: «Как вы узнали, что у вас нет прогресса?» И объяснял, что только Гуру, а не ученик, может знать, есть ли у последнего прогресс; ученику должно продолжать упорно работать, даже хотя и здание, которое возводится, может быть невидимо уму. Такой путь выглядит достаточно тяжелым, но любовь ученика к Бхагавану и милость его улыбки придаёт ему красоты.

Любая преувеличенность поведения, такая, как *мауна*, обет молчания, тоже не поощрялась. По крайней мере в одном случае Шри Бхагаван выказал это очень чётко. Услышав, что Майор Чедвик собирается соблюдать *мауну* весь следующий день, он завёл длинную речь, направленную против подобной практики, указав, что речь – это предохранительный клапан и что лучше контролировать её, нежели отвергать, и высмеял людей, которые отказываются от речи посредством языка, а вместо него говорят карандашом. Настоящая *мауна* – в сердце, и можно оставаться молчаливым посреди речи, так же как можно сохранять тишину, находясь в гуще людей.

Иногда, и правда, случались преувеличения. В соответствии со скрытым характером его упадешы, разъяснённой в предыдущей главе, Шри Бхагаван редко что-то запрещал или предписывал в открытую, и всё же те, кто вступил на какой-то преувеличенный путь, должны были ощущать его неодобрение, даже если и не относили подобное неодобрение к самим себе, потому что они почти непременно начинали уходить из холла. Я припоминаю один подобный случай, когда душевное состояние почитательницы оказалось под угрозой, и Шри Бхагаван прямо сказал: «Почему она не приходит ко мне?» Следует знать, насколько тщательно он избегал давать прямые инструкции или указывать человеку приходить или уходить, как искусно он отражал любую попытку заставить его это сделать, насколько драгоценным и обязательным к исполнению рассматривалось малейшее проявление его воли, чтобы оценить всю важность подобного высказывания.

В данном случае почитательница не пришла, и вскоре после этого её рассудок повредился. Это не единственный пример. Несмотря на атмосферу нормальности, мощнейшая сила, излучаемая Шри Бхагаваном, была для некоторых посетителей слишком сильна. Следует отметить, что обычно в подобном случае, как только нарушалось душевное равновесие, человек переставал уединяться и начинал приходить в Ашрам. Стоит также отметить, что иногда Шри Бхагаван отчитывал такого человека, как нашкодившее дитя, которое дозволило себе такую слабость, которую могло и должно было отвергнуть. Довольно часто под влиянием Бхагавана начиналась борьба, и страдалец возвращался к нормальному состоянию.

Хотя для полноты картины подобные случаи должны быть здесь представлены, не стоит считать, исходя из отведённого им внимания, что такое вообще случалось часто. На самом деле подобное происходило весьма редко.

Сложно сформулировать что-то определённое насчёт методов Шри Бхагавана, потому что всегда можно найти для них исключения. Бывали случаи, когда его указания были прямыми и явными, особенно когда человеку удавалось застать его в одиночестве. Анантанараяна Рао, отставного ветеринарного хирурга, который построил дом неподалёку от Ашрама, несколько раз срочно вызывали в Мадрас, где серьёзно болел его шурин. Однажды он получил телеграмму по этому поводу и, несмотря на то что был уже поздний вечер, понёс её прямо Шри Бхагавану. Раньше Бхагаван никогда не уделял этому большого внимания, но на этот раз он сказал: «Да, да, тебе надо ехать». И стал рассуждать о маловажности смерти. Рао вернулся домой и сказал жене, что в этот раз болезнь, видимо, была последней. Они прибыли в Мадрас за пару дней до того, как его шурин скончался.

Иногда можно было услышать и более впечатляющие истории, например, как преданного наставляли повторять имя «Рамана», но про такое говорили нечасто.

Обычно преданный сам принимал решение и предварительно его озвучивал. Принятие решения было частью его *садханы*. Если оно было принято верно, то он получал улыбку одобрения, которая заставляла сердце петь, а возможно, даже небольшое словесное подтверждение. Если же решение не одобрялось, то это тоже обычно было заметно. Один домохозяин как-то раз признался в своём решении покинуть Тируваннамалай, чтобы переехать в какой-нибудь другой город, где он смог бы найти более высокооплачиваемую работу. Шри Бхагаван засмеялся: «Все имеют право строить планы». План этого домохозяина не сбылся.

Когда в Мадрас приехал известный индийский политический лидер, чтобы провести ряд встреч с избирателями, один служитель, который был его поклонником, попросил разрешения съездить к нему. Шри Бхагаван сидел с каменным лицом, как будто ничего не слышал. И всё же служитель поехал. Он метался от встречи к встрече, всё время приезжая слишком поздно или же получая отказ в допуске. И когда он вернулся, Шри Бхагаван подразнил его. «Значит, вы поехали в Мадрас без разрешения? Ну как, поездка была успешной?» Он был настолько полностью лишён эго, что мог обсуждать или шутить над собственными действиями так же естественно и безлично, как над действиями любого другого человека.

Влияние Шри Бхагавана было направлено на то, чтобы повернуть человека от удовольствия и боли, надежды и разочарования, вызываемых внешними обстоятельствами, к внутреннему счастью, которое является истинной природой человека, и, понимая это, были такие преданные, которые никогда ни о чём не просили, даже в мысленных молитвах, но старались преодолеть привязанности, которые дают рост желаниям. Даже если у них не всегда это получалось, это выглядело неким предательством – идти к Шри Бхагавану с желанием внешней выгоды, просить его о чём-либо ином, нежели о большей любви, большей стойкости, большем понимании. Если приходили беды, метод был не в том, чтобы избавиться от них, но спросить: «к кому пришла эта беда? Кто я?» и таким образом приблизиться к сознательному отождествлению с Тем, которое не страдает ни от рождения, ни от

смерти, ни от беды. И если человек обращался к Шри Бхагавану с этим намерением, мир и сила наполняли его.

Но природа человека такова, какая есть, и были такие почитатели, кто всё же просил Шри Бхагавана о помощи и защите в своей жизни. Принимая иную точку зрения, они рассматривали его как своего отца и мать и обращались к нему, какая бы беда или опасность ни возникала. Они могли писать ему письма о своих проблемах или просто молиться, где бы в этот момент ни находились. И их молитвы получали ответ. Беда или опасность отступали, или же, если это было невозможно или даже полезно для ученика, мир и стойкость духа наполняли его, чтобы помочь выдержать испытание. Помощь приходила к ним автоматически, без волевого усилия со стороны Шри Бхагавана. Это не значит, что подобное происходило лишь из-за веры ученика; так получалось из-за Милости, излучаемой Бхагаваном в ответ на веру преданного.

Некоторые почитатели были обескуражены тем, что Шри Бхагаван использует силу без своего волевого участия и иногда даже без знания об обстоятельствах проблемы. Девараджа Мудалиар записал, как однажды спросил Шри Бхагавана об этом.

«„Если в случае с Бхагаваном, как и со всеми остальными *Джняни*, ум разрушен, и он не видит никого другого, отличного от себя (*бхеда*), но только Единую Самость, как может он взаимодействовать с отдельным, конкретным учеником или почитателем, сочувствовать ему или делать что-то для него?“ Я спросил Бхагавана об этом и добавил: „Для меня, как и для многих других здесь, очевидно, что когда мы сильно переживаем о наших бедах и обращаемся мысленно к Бхагавану, где бы мы в этот момент ни были, помощь приходит почти мгновенно. К Бхагавану приходит человек, какой-нибудь старый преданный. Он начинает рассказывать обо всех проблемах, которые у него были с тех пор, как он видел Бхагавана последний раз; Бхагаван слушает его историю внимательно и с сочувствием, иногда даже выражая интерес и восклицая: 'О, надо же!' и тому подобное. История чаще всего заканчивается примерно так: 'Когда всё остальное не сработало, в конце концов я обратился к Бхагавану, и только Бхагаван спас меня'. Бхагаван выслушивает всё так, как будто это для него новость, и даже говорит тем, кто заходит позднее: 'Похоже, с ним случилось то-то и то-то с тех пор, как он был у нас'. Мы знаем, что Бхагаван никогда не притворяется, значит, он действительно не знает о том, что произошло, по крайней мере, на внешнем уровне, до тех пор, пока ему об этом не расскажут. В то же время для нас очевидно, что в тот момент, когда мы в беде и взываем о помощи, он слышит нас и посылает свою помощь тем или иным путём, или, по крайней мере, даёт мужество или другие возможности, чтобы вынести проблему, которая свалилась на нас, если по какой-то причине её нельзя предотвратить или смягчить. Когда я изложил всё это Бхагавану, он ответил: „Да, всё это происходит автоматически“».

Такое случалось очень редко – чтобы Шри Бхагаван намеренно использовал сверхъестественные силы. Более того, если такое и случалось, это происходило так же скрыто, как его инициация и упадеша. В поздние годы среди служителей был один семейный человек, Раджагопала Айяр. У него был сын, примерно трёх лет, которому

он дал имя Рамана, милый мальчишка, который обычно каждый день прибегал и простирался перед Шри Бхагаваном. Однажды вечером, после того как преданные разошлись по домам, ребёнок укусила змея. Раджагопала Айяр подхватил его на руки и побежал прямо в холл. Тем не менее, когда он добрался туда, ребенок уже посинел и задыхался. Шри Бхагаван поводит руками над ним и сказал: «С тобой всё в порядке, Рамана». И тот действительно поправился. Раджагопала Айяр рассказал о случившемся нескольким преданным, но об этом не очень много говорили.

Несмотря на то, что они перетекают друг в друга, необходимо проводить различие между просьбой о благах и надеждой на защиту и благополучие от Шри Бхагавана. Последнее он, безусловно, одобрял. Если кто-то сбрасывал ношу заботы о своём благополучии на Бхагавана, он принимал это. В «Акшараманамалай» он писал об отношении ученика к Гуру: «Разве Ты не призывал меня? Я пришёл, и отныне отвечать за меня – Твоя ноша». Однажды он, в ответ на просьбу почитателя, выбрал сорок два стиха из «Бхагавад Гиты» и расставил их в произвольном порядке, чтобы выразить своё учение, и среди них был стих:

«Я принимаю на себя защиту и безопасность тех, кто медитирует только на Мне и поклоняется только Мне и всегда держится только этого».

Могут быть времена и периоды суровых испытаний, когда твоя вера будет проверяться на прочность, но преданный, который возложил все надежды на Шри Бхагавана, всегда останется под присмотром.

16 Написанные работы

Всё написанное Шри Бхагаваном достаточно мало по объёму, и даже это почти всегда писалось в ответ на запрос конкретного преданного. Девараджа Мудалиар записал в своём дневнике, как Шри Бхагаван упомянул об этом, когда рассказывал о посетителе-поэте.

«Всё это – лишь активность ума. Чем больше ты упражняешь свой ум в составлении стихов и чем лучше у тебя это получается, тем меньше покоя у тебя остаётся. Какой толк в подобных достижениях, если вы не стяжаете покой? Но если вы скажете об этом людям, они не воспримут вас; они не могут оставаться в покое. Им нужно сочинять песни... Почему-то меня никогда не тянуло написать книгу или сочинять стихи. Все стихи, что я сочинил, были в ответ на чей-то запрос или в связи с каким-то определённым событием. Даже «Сорок стихов о Реальности», на которые ныне существует так много комментариев и переводов, не были запланированы как книга, а составлены из стихов, сочинённых в разное время и позднее собранных в книгу Муруганаром и другими. Единственные поэмы, которые пришли ко мне спонтанно и, так сказать, заставили меня записать их, без внешнего понуждения, это «Одиннадцать строф Шри Аруначале» и «Восемь строф Шри Аруначале». Первые слова «Одиннадцати строф» пришли ко мне одним утром, и хотя я и пытался избавиться от них, говоря: «И что мне делать с этими словами?», они не уходили, пока я не сочинил песню с этими словами; и все слова текли легко, без всяких усилий. Таким же путём была сочинена вторая строфа на следующий день, и остальные строфы в последующие дни, по одной в день. Только десятая и одиннадцатая были сочинены в один день».

Он продолжил рассказывать в своём типичной красочной манере, как он сочинил «Восемь строф».

«На следующий день я вышел, чтобы пойти вокруг Горы. Паланисвами шёл позади меня, и после того, как мы уже прошли некоторое расстояние, Айясами позвал его обратно и дал карандаш и бумагу, сказав: «Уже несколько дней Свами сочиняет по стиху каждый день. Он может и сегодня начать сочинять, так что лучше возьми эти карандаш и бумагу с собой».

Я узнал об этом только тогда, когда заметил, что Паланисвами нет со мной и что он догнал меня позже. В тот день, до того, как я вернулся в Вирупакшу, я написал шесть из восьми строф. То ли в тот вечер, то ли на следующий день приехал Нараяна Редди. В то время он жил в Веллоре как агент компании «Зингер» и приезжал время от времени. Айясами и Паланисвами рассказали ему о стихах, и он ответил: «Дайте мне их прямо сейчас, и я поеду и опубликую их». Он уже публиковал некоторые книги. Когда он стал настаивать, я сказал, что он может взять их и опубликовать первые одиннадцать как одну поэму и остальные, которые были в другом ритмическом

метре, как вторую. Чтобы дополнить требуемый объём, я сразу сочинил ещё две строфы, и он забрал все девятнадцать строф, чтобы опубликовать».

Многие поэты составляли песнопения во славу Шри Бхагавана на разных языках, и среди них были самыми выдающимися Ганапати Шастри, сочинявший на санскрите, и Муруганар на тамильском. Хотя в разговоре, цитировавшемся ранее, Шри Бхагаван осуждал написание стихов как трату энергии, которая могла бы быть использована для внутренней садханы, он милостиво слушал и выказывал интерес, когда поэмы распевались перед ним. Также про него писали книги и статьи в прозе, и он часто зачитывал их и переводил, чтобы все могли их понять. Поражала необыкновенная безличность его интереса, его детская непосредственность.

Есть две книги с прозой, про которые можно сказать, что они написаны Шри Бхагаваном. В ранние годы в Вирупакше он писал наставления по разным поводам для Гамбияра Сешайяра, и после смерти Сешайяра они были собраны и опубликованы в виде книги под заголовком «Само-исследование». Похожим образом его ответы, данные примерно в тот же период Шивапракашаму Пиллаю, были углублены и дополнены и собраны в книгу «Кто я?». Остальные книги в прозе, которые публиковал Ашрам, не написаны им, но являются записью его устных объяснений, которые он давал в ответ на вопросы, и поэтому все имеют форму диалогов.

Его поэмы распадаются на две группы: те, которые выражают больше подход через бхакти, то есть через любовь и преданность, и те, которые больше доктринальные. Первая группа состоит из пяти гимнов Шри Аруначале, все из которых написаны в период пещеры Вирупакша. Элемент преданности в них никоим образом не умаляет Адвайту, но совершенно сочетается со Знанием. Они написаны с позиции ученика или преданного, хоть и тот, кто написал их, был на самом деле установлен в высшем Знании, в Блаженстве Союза, а не в боли от тоски; и именно по этой причине эти книги так мощно затрагивают сердца преданных.

О двух из них уже упоминалось – о «Восьми строфах» и об «Одиннадцати строфах». В последней Шри Бхагаван не только пишет, как ученик, но в действительности использует слова: «Тот, кто не достиг Высшего Знания». Желая более точного подтверждения, один из преданных, А. Бозе, спросил, почему он так написал, было ли это с позиции преданных и для их пользы, и Шри Бхагаван подтвердил, что это так.

Последний из пяти гимнов Аруначале Шри Бхагаван написал сначала на санскрите, а после перевёл на тамильский. История его написания поразительна. Ганапати Шастри попросил Бхагавана написать поэму на санскрите, и он, смеясь, ответил, что не знает основ санскритской грамматики и поэтического метра. Шастри объяснил ему основы метра и упрямил попробовать сочинить. В тот же вечер он сочинил пять прекрасных стихов на санскрите. В переводе они звучат так:

Океан нектара, полный Милости, охватывающий всю вселенную Своим Великолепием, о, Аруначала, Высочайший! Будь же Солнцем и открой лотус моего сердца в Блаженстве!

О, Аруначала! В Тебе формируется вселенная, живёт и растворяется. В этой загадке покоится чудо Истины. Ты есть Внутренняя Самость, Которое танцует в сердце как «Я». «Сердце» - Твоё имя, о, Господь!

Тот, кто поворачивается вовнутрь с безмятежным умом, чтобы найти, где поднимается сознание «Я», осознают Самость и покоятся в Тебе, о, Аруначала! Это как река, когда она впадает и растворяется в Океане.

Отказавшись от внешнего мира, с контролируемым умом и дыханием, чтобы внутри медитировать на Тебе, йогин видит Твой Свет, о, Аруначала, и находит своё наслаждение в Тебе!

Тот, кто посвятил свой ум Тебе и, видя Тебя, всегда рассматривает вселенную как Твою форму, кто в любое время славит Тебя и любит Тебя как не что иное, нежели Самость, тот является Мастером, не имеющим равных, будучи единым с Тобой, о, Аруначала, и растворяется в Твоём Блаженстве!

Эти строфы более доктринальны, чем остальные четыре гимна, представляя собой три основных *марги*, то есть пути к осознанию. Рассуждая о них позже, Шри Бхагаван объяснил: «Третья строфа имеет дело с аспектом *Сат* (Бытием), четвёртая – с *Чит* (Сознанием), а пятая – с *Анандой* (Блаженством). *Джняни* становится единым с *Сат*, или Реальностью, как река, впадающая в океан; йогин видит свет *Чит*; *бхакта* или карма-йогин растворяется в потоке *Ананды*».

Однако наиболее трогательным и излюбленным из пяти гимнов является «Свадебная гирлянда из ста восьми стихов Шри Аруначале», обычно называемый по его припеву как «Аруначала Шива». В ранние годы пребывания Шри Бхагавана в Вирупакше Паланисвами с небольшой группой преданных ходили в город просить еду, и однажды они попросили Шри Бхагавана, чтобы тот сочинил для них молитвенную песню, которую они могли бы распевать по дороге. Он ответил, что ведь есть уже много великих песен, сочинённых Святыми, многие из них подзабыты, поэтому нет нужды сочинять ещё одну. Однако они продолжали наседать на него, и несколько дней спустя он отправился на прадакшину вокруг Горы, взяв с собой карандаш и бумагу, и в дороге написал сто восемь стихов.

Пока он писал, слёзы экстаза заливали его лицо, иногда не давая видеть и сдавливая голос. Для преданных поэма стала огромным вдохновением. Вся боль страсти и всё блаженство свершения отражены в её блестящем символизме. Совершенство Знания соединено с экстазом преданности. И всё же эта самая проникновенная из поэм была сочинена с позиции преданного, того, кто всё ещё ищет. Также это акростих, её сто восемь стихов начинаются с букв тамильского алфавита, идущих подряд. И всё же

нет другой, настолько непосредственной, поэмы. Некоторые почитатели просили Шри Бхагавана, чтобы он объяснил тот или иной стих, и он отвечал: «Подумайте сами, и я подумаю. Я не думал, когда сочинял его; я просто записывал то, что приходило».

Есть древняя легенда, что была группа *Риши*, Мудрецов, которые жили в лесу со своими семьями и практиковали кармы, то есть ритуалы поклонения и заклинаний, благодаря которым они стяжали сверхъестественные силы и надеялись в конечном итоге достичь высочайшего Освобождения. Однако они заблуждались. Чтобы убедить их в этом, Шива предстал пред ними в образе нищего бродяги, сопровождаемый Вишну, который принял облик Мохини, прекрасной дамы. Все Риши влюбились в Мохини, а их жёны – в Шиву, и всё их самообладание пало, а сверхъестественные силы стали слабеть. Увидев это, мудрецы решили, что Шива, видимо, враг, и наколдовали змей, тигра и слона, которых наслали на него. Однако Шива просто сделал из змей ожерелье, а тигра со слоном убил и сделал из шкуры первого набедренную повязку, а второго – накидку. Тогда Риши, осознав его большую, чем у них, силу, пали пред ним на колени и стали умолять, чтобы тот дал им *упадешу*, наставление. И тогда Шива показал им их ошибку, разъяснив, что действие не может освободить от действия, что карма – это механизм, а не причина творения, и что необходимо идти за пределы действий к медитации.

Поэт и преданный Муруганар написал эту историю в виде стиха на тамили, но когда он дошёл до места, где Шива даёт наставление мудрецам, он стал умолять Бхагавана, который является Воплощением Шивы, написать это наставление. В ответ Бхагаван сочинил «Упадеша Сарам» – «Наставление в тридцати стихах», в котором, начиная с набожной и бескорыстной деятельности, он объясняет, что хотя это и благотворно, повторение божественного имени более эффективно, ещё более эффективно повторение про себя, а не вслух, а самое эффективное – это молчаливое созерцание. Шри Бхагаван перевёл «Тридцать стихов» на санскрит, и эта санскритская версия почитается, как священное писание, в том плане, что их распевали ежедневно перед Шри Бхагаваном, вместе с Ведами, а сейчас распеваются перед его *самадхи*, захоронением.

Доктрина, которой учил Шри Бхагаван, наиболее полно изложена в этой поэме и в «Улладу Нарпаду» – «Сорока стихах о Реальности», вместе с приложением к ней в виде «Других сорока стихов».

Было сделано множество переводов и комментариев на «Сорок стихов о Реальности». Эта поэма носит универсальный характер и содержит такую концентрированную мудрость, что требует комментариев. И всё же, как отмечал Шри Бхагаван в разговоре, цитировавшемся ранее, она не была написана как одна большая поэма – стихи приходили время от времени, по разному поводу. Некоторые из дополнительных сорока стихов вообще не были написаны им самим, а отобраны из других источников, так как если где-то был подходящий стих, он не видел нужды сочинять новый. Как бы там ни было, в целом это самое полное и глубокое изложение его учения.

Кроме этих двух групп поэм, есть ещё несколько коротких поэм. Некоторые из них не лишены юмора. Одна содержит наставление по садхане в виде рецепта по приготовлению пападума, любимого южноиндийского яства. Мать Шри Бхагавана однажды готовила его и попросила его помочь, и тогда он спонтанно написал для неё символический рецепт.

Поэт Авваяр однажды написал жалобу на желудок: «Ты не хочешь пробыть без еды даже одного дня, но и на два дня ты не хочешь набрать достаточно еды. Ты даже не представляешь, какие проблемы мне приносишь, о вредный желудок! С тобой невозможно поладить!»

Однажды в Ашраме готовился праздник, и все много суетились, и Шри Бхагаван спародировал стих Авваяра: «Ты не даёшь мне, твоему желудку, даже часа покоя. День днём, каждый час ты продолжаешь есть. Ты даже не представляешь, как я страдаю, о это, создающее проблемы! С тобой невозможно поладить».

В 1947 году Шри Бхагаван написал свою последнюю поэму. На этот раз это не было ответом на чей-то запрос, но при этом было проявлением высшего литературного таланта, так как он написал её сначала на телугу, но в тамильской метрической форме, а потом уже перевёл на тамили. Она была названа «Экатмапанчакам» («Пять стихов об Истинном Я»).

Забывать Себя, путая Себя с телом, проходя через бесчисленные рождения и в конце концов открывать и становиться Собой – это просто как просыпаться ото сна, где ты странствовал по всему миру.

Тот, кто спрашивает: «Кто я?», хотя существует как Истинное Я, похож на пьяницу, который спрашивает, кто он и где он.

Тогда как по факту тело содержится в Самости, думать, что Самость находится в бесчувственном теле – это как думать, что киноэкран, на который проецируются картинки фильма, сам находится среди этих картинок.

Имеет ли украшение какое-то существование отдельно от золота (из которого оно сделано)? Есть ли тело, отдельное от Самости? Невежественный путает тело с Самостью, но *Джняни*, знающий Себя, воспринимает Себя как Себя.

Это единое Я, Реальность, одно существует вовеки. Если даже Первый Гуру (Ади Гуру, Дакшинамурти) открыл это в молчании, кто может передать это посредством речи?

Есть ещё несколько переводов, сделанных Шри Бхагаваном, в основном работ Шанкарачарьи. Посетитель пещеры Вирупакша однажды оставил там копию «Вивекачудамани» Шанкарачарьи. Просмотрев её, Шри Бхагаван рекомендовал Гамбияру Сешайе прочитать её. Однако тот не знал санскрита, поэтому захотел перевод на тамили. Паланисвами где-то одолжил перевод стихов на тамильский, и

Сешайя, увидев его, написал издателю, чтобы тот прислал ему экземпляр, но ему ответили, что тираж закончился. Поэтому он попросил Шри Бхагавана сделать простой перевод на тамильский, в прозе. Шри Бхагаван начал писать, но не успел далеко зайти, как Сешайя получил стихотворное издание, которое заказывал, поэтому Бхагаван оставил свою работу незавершённой. Несколько лет спустя, по горячей просьбе другого почитателя, он снова взялся за работу и завершил её. И тогда почитатель признался, что он настаивал на завершении работы для того, чтобы издать её. Услышав это, Шри Бхагаван написал предисловие о том, что эта свободная прозаическая версия может тоже использоваться, даже несмотря на то, что уже существует перевод на тамили в стихах. Само предисловие содержит резюме всей книги и краткое изложение учения и пути.

Последнее, что он написал – это перевод на тамильский язык работы Шанкарачарьи «Атма Бодха». Эта работа была у него ещё в ранние годы в Вирупакше, но он никогда не помышлял о том, чтобы перевести её. В 1949 году в Ашрам прислали её перевод на тамили, и возможно, это был не самый лучший перевод, поскольку вскоре Шри Бхагаван ощутил побуждение самому перевести её. Несколько дней он игнорировал это побуждение, но слова перевода сами являлись пред ним, стих за стихом, как будто уже написанные, поэтому он попросил бумагу и карандаш и записал их. Настолько полностью безуильной была эта работа, что он сказал, смеясь, что боялся, что может прийти какой-нибудь другой автор и заявить, что на самом деле это его рукопись, которую кто-то скопировал.

Также среди работ Шри Бхагавана есть компиляция из сорока двух стихов, которые он по просьбе одного преданного выбрал из Бхагавад-Гиты, разместив в таком порядке, чтобы он отражал его учение. Эта работа переведена на английский под названием «Песнь Горняя».

17 Махасамадхи

Последние годы перед кончиной тела, по крайней мере, начиная с 1947 года, здоровье Шри Бхагавана стало вызывать беспокойство. Ревматизм не только повредил его ноги, но также атаковал спину и плечи. Кроме этого, было впечатление огромной слабости, хотя он сам отказывался обращать на это внимание. Чувствовалось, что ему нужно более сытное питание, чем еда в Ашраме, но он не соглашался принимать что-то сверх обычного.

Ему ещё не было и семидесяти, но выглядел он гораздо старше. Не измученный заботами, поскольку сам он абсолютно не знал никаких забот и беспокойства. Просто постаревший и очень слабый. Почему случилось так, что человек, который был так активен и энергичен, у кого было мало болезней в жизни и не было горя и забот, так не по годам постарел? Он, принимавший на себя грехи мира, облегчавший карму преданных – только сам выпив взболтанный яд, Шива мог спасти мир от разрушения. Шри Шанкара писал: «О Самбху¹, Господь жизни! Ты также несёшь бремя временной жизни Своих преданных».

Было много знаков, всегда малозаметных, что даже физически Шри Бхагаван нёс это бремя. Один почитатель по имени Кришнамурти писал в тамильском журнале, как однажды пришёл и сел в холле с сильной болью в указательном пальце. Он никому об этом не говорил, но, к своему удивлению, увидел, как Шри Бхагаван вдруг стал тереть тем же пальцем себе об ладонь, и после этого его боль исчезла. И много кто испытывал подобное облегчение.

Для Шри Бхагавана жизнь на земле не была сокровищем, которое следовало экономить; ему было безразлично, как долго она продлится. Однажды в холле была дискуссия о том, как долго он проживёт. Кто-то цитировал астрологов, которые утверждали, что он доживёт до восьмидесяти; другие отрицали точность астрологии либо сомневались, что она применима к Шри Бхагавану, у которого больше не было кармы для отработки. Он слушал разговор, улыбался, но не принимал участия.

Новичок, сбитый этим с толку, спросил: «А что Бхагаван об этом думает?». Он не ответил, но одобрительно улыбнулся, когда ему ответил Девараджа Мудалиар: «Бхагаван об этом не думает». Весь последний год был иллюстрацией к этому ответу. Преданные оплакивали страдания Бхагавана и страшились наступающей смерти, а он – нет.

В начале 1949 года ниже локтя на его левой руке появилось небольшое утолщение. Оно не выглядело серьёзным, но в феврале доктор Ашрама удалил его. В течение месяца оно вернулось, увеличенное и более болезненное, и на этот раз оно было определено как злокачественная опухоль и вызвало серьёзную тревогу. Ближе к

¹ Имя Шивы.

концу марта из Мадраса приехали доктора и прооперировали её. Рана не зажила должным образом, и опухоль вскоре снова начала расти, расползаясь вверх.

С тех пор в воздухе повисла атмосфера трагедии и неизбежности хода событий. Представители официальной медицины поставили в известность, что они не могут вылечить опухоль, но только прооперировать её, и что она может вернуться, даже несмотря на лучевую терапию, и если это случится, то она станет фатальной. Представители других направлений медицины убеждали, что могут излечить её и что операция лишь приведёт к её возврату в худшей форме, как фактически и получилось, но им не дали попробовать, когда ещё была такая возможность.

Когда после мартовской операции опухоль вернулась, доктора предложили ампутировать руку, но существует традиция, по которой тело Джняни не может быть изувечено. На самом деле его нельзя даже пронзать металлом, так что и операция была отходом от традиции. Шри Бхагаван допустил её, но ампутацию отверг. «Нет причины беспокоиться. Тело само болезнь; пусть оно придёт к своему естественному концу. Зачем его резать? Простой перевязки руки будет достаточно».

Его фраза «нет причины для беспокойства» вселяла надежду, что он поправится, несмотря на последующие слова и заключение медиков; но для него смерть не была причиной для беспокойства.

Он также дал повод для надежды, сказав: «Всё придёт в порядок в своё время». Но на самом деле это касалось нас, что это мы увидим глубинный порядок в том, что происходит; он сам никогда не сомневался в этом.

Примерно в это время он перевёл на тамильский строфу из «Бхагаватам» (Сканда XI, гл. 13, шлока 36): «Пусть тело – результат плодоносящей кармы – остаётся неподвижным или движется, живёт или умирает; Мудрец, осознавший Себя, не осознаёт его, как пьяный человек не сознаёт свою одежду».

Несколько позже он так объяснил стих из «Йога Васиштам»: «Джняни, который обнаружил, что он – бесформенное, чистое Осознание, не затрагивается, пусть даже тело рассекают мечом. Сладкий леденец не теряет свою сладость, даже когда его нечаянно разбили».

Страдал ли Шри Бхагаван в действительности? Он сказал одному почитателю: «Они принимают это тело за Бхагавана и приписывают ему страдание. Какая жалость!» А одному служителю он сказал: «Где находится боль, если нет ума?» И всё же он проявлял нормальные физические реакции и нормальную чувствительность к теплу и холоду, и почитатель, С.С. Коэн, записал, как тот сказал годами ранее: «Если руку Джняни отрежут ножом, боль будет, как и у любого другого, но так как его ум погружён в блаженство, он не чувствует боль так остро, как другие». Это не значит, что Джняни не страдает от раны, но просто он не отождествляет себя с телом. Доктора и некоторые служители были убеждены, что боль присутствовала и что на поздних стадиях она была невыносимой. На самом деле доктора были поражены

безразличием Шри Бхагавана к боли, его полным равнодушием, даже во время операции.

Вопрос о его страданиях, также как вопрос о нашей карме, существует только с точки зрения дуальности; с его точки зрения, точки зрения Адвайты, ничто не имеет никакой реальности. Именно это в этом смысле он не раз говорил своим преданным: «Я болен, только если вы думаете, что я болен; если вы будете думать, что со мной всё в порядке, со мной будет всё в порядке». Пока преданный верил в реальность своего тела и его страдания, до тех пор для него тело Учителя было реальным и страдало.

В течение недели или двух после мартовской операции одному сельскому травнику разрешили попробовать его лечение, но оно не дало результатов; другому претенденту на лечение, которого не допустили, Шри Бхагаван сказал: «Надеюсь, вы не переживаете, ведь у вас было столько хлопот с вашими лекарствами». У него никогда не было мыслей о своём собственном положении, но только забота о тех, кто хотел вылечить его, и лояльность ко всему, что выписывали доктора. Местами он протестовал против того избыточного внимания, которое уделяли его телу. Несколько раз, когда появлялись признаки улучшения, он заявлял, что не хочет больше лечения.

Опухоль, ныне определённая как саркома, подрывала небольшой остаток его жизненной силы; и при этом, хотя он и слабел, его лицо становилось всё мягче, всё милостивее, всё более лучилось красотой. Временами его красоту было почти больно лицезреть.

Рука распухла и воспалилась, а опухоль росла. Иногда он признавал, что «есть боль», но никогда не говорил: «У меня боль». В августе была проведена третья операция, была применена лучевая терапия в надежде на разрушение тканей, затронутых раком, и предотвращение возвращения опухоли. В тот же день после обеда, через несколько часов после операции, Шри Бхагаван был так милостив, что сел на веранде диспансера, где её провели, так что преданные могли проходить мимо него и иметь его даршан. Было видно, что он измучен, но на лице не было и признака страдания. Я приехал на день из Мадраса, и когда я стоял перед ним, свечение его улыбки было таким, что даже его изнеможение не замечалось. В полдень следующего дня он возвратился в холл, чтобы не доставлять неудобств другим пациентам, занимая место в диспансере.

Было также глубокое чувство неизбежности, далеко превосходящее выводы докторов: что Шри Бхагаван знал то, что будет в итоге, и искал способа дать нам сил пережить смерть его тела. На самом деле, видимо, эта долгая, мучительная болезнь была средством для подготовки нас к неизбежному расставанию, которое многие из нас поначалу чувствовали, что не смогут вынести. Китти, которая в тот момент была в лыжной школе в горах, сообщили об этих событиях в письме, и она ответила: «Мне так жаль слышать обо всём этом, но Бхагаван знает, что для нас лучше». Ему

показали её письмо, и его лицо светилось радостью, когда он хвалил её мудрое высказывание: «Что лучше для нас», а не «Что лучше для него».

У него было безмерное сострадание к тем, кто горевал из-за его страданий, и он старался утешить их, но не лёгким способом – путём удаления страданий и откладывания смерти на несколько лет, а фундаментально – побуждая их осознать, что тело не есть Бхагаван. «Они принимают это тело за Бхагавана и приписывают ему страдание. Какая жалость! Они подавлены тем, что Бхагаван собирается покинуть их и уйти – куда же он уйдёт и как?»

В течение нескольких недель после августовской операции казалось, что идёт улучшение, но в ноябре опухоль возникла снова, теперь выше, около плеча. В декабре была проведена четвёртая и последняя операция. Рана с тех пор не заживала. Доктора признали, что больше ничего не могут сделать. Ситуация была безнадёжной, и если опухоль снова вернётся, они только смогут выписать болеутоляющие.

Джаянти в 1950-м выпал на 5 января. Скорбные толпы собрались на этот его семидесятый день рождения, который, как большинство чувствовало, был последним. Он давал *даршан* и выслушал много новых песен в его честь. Некоторые он прочитал. Пришёл храмовый слон из города и преклонился перед ним, а потом дотронулся до его стоп своим хоботом. Одной Рани (принцессе) из северной Индии разрешили снять эту сцену на кинокамеру. Это было празднование, но с подспудной грустью тяжёлого предчувствия.

Многие чувствовали, что речь идёт о неделях или даже днях. Теперь, когда дело было объявлено безнадёжным, Шри Бхагавана попросили самому сказать, какое лечение следует попробовать. Он ответил: «Разве я когда-нибудь просил о каком-то лечении? Это вы хотели это и то для меня, так что вы сами и решайте промеж себя. Если бы спросили меня, я бы сказал, как всегда и говорил с самого начала, что не нужно никакого лечения. Пусть дела идут своим путём».

Только после этого попробовали гомеопатию, а за ней – *аюрведу*, но было слишком поздно.

Шри Бхагаван поддерживал свой обычный распорядок дня, пока это не стало физически невозможно. Он делал утреннее омовение за час до восхода солнца, садился давать *даршан* в определённые часы, по утрам и вечерам, просматривал корреспонденцию Ашрама и проверял издания, публиковавшиеся Ашрамом, часто делая замечания. После января он стал слишком слаб для того, чтобы сидеть в холле и давать даршан. Была возведена небольшая ванная комната с прихожей, к востоку от холла, и до конца своих дней он оставался там. Снаружи была небольшая узкая веранда, где поставили его диван, и вплоть до самого конца преданные, коих его болезнь сотнями привлекла в Тируваннамалай, могли иметь его даршан. Он не позволял ничему прерывать его до тех пор, пока это было возможно. Почитатели сидели на веранде по утрам и после обеда, лицом к нему. Позднее, когда он стал

слишком слаб для этого, они проходили мимо открытой двери его комнатки, утром и вечером. Однажды его состояние вызвало тревогу, и даршан был остановлен, но как только он смог это заметить, он выразил недовольство и приказал, чтобы всё было возобновлено.

Одна группа почитателей каждый день распевала молитвы и песни преданности за его выздоровление. Его спросили, эффективно ли то, что они делают, и он ответил, улыбаясь: «Разумеется, желательно заниматься добрыми делами; пусть продолжают».

Опухоль вернулась прямо над незажившей раной. Теперь она была около плеча, и весь организм был отравлен – наступила тяжелая анемия. Доктора говорили, что боль, видимо, была ужасной. Он с трудом принимал пищу. Случалось, что он стонал во сне, но больше никаких признаков боли он не подавал. Время от времени приезжали доктора из Мадраса, чтобы осмотреть его, и он был радушен и учтив, как обычно. До самого конца его первым вопросом было, дали ли им поесть, хорошо ли за ними ухаживают.

Его чувство юмора тоже осталось. Он шутил над опухолью, как будто это было что-то, что его не касалось. Какая-то женщина от горя билась головой о колонну возле его комнаты. Он удивлённо взглянул и сказал: «О, а я подумал, что она пытается разбить кокос».

Разговаривая со служителями и с Т.Н. Кришнасвами, доктором и преданным, он объяснял: «Тело – как лист бананового дерева, на котором подают разнообразные блюда. Когда мы съели всю еду, лежащую на нём, разве мы забираем лист и храним его? Разве мы не выкидываем его, когда он уже сослужил своей цели?»

В другом случае он сказал служителю: «Кто должен нести бремя этого тела, когда ему самому нужна помощь во всём? Неужели вы ждёте от меня, что я понесу эту ношу? Тут нужно целых четыре человека, чтобы его нести!»

И кому-то из преданных: «Представьте, что вы пошли на склад дров, купили вязанку и наняли кули (рабочего), чтобы он отнёс их вам домой. Пока вы идёте с ним, он будет с нетерпением ждать, когда же вы дойдёте до дома, где он сможет скинуть свою ношу и наконец отдохнуть. Точно так же и Джняни с нетерпением ждёт, когда же сможет скинуть своё смертное тело». И потом он добавил: «Этот пример верен, но строго говоря, даже он не совсем точен. Джняни даже не ждёт, чтобы скинуть своё тело; он безразличен как к существованию, так и несуществованию тела, почти не сознавая его».

Однажды, безо всякого повода, он заговорил с одним из служителей о *Мокше* (Освобождении). «Вы знаете, что такое Мокша? Избавление от несуществующего страдания и достижение Блаженства, которое всегда здесь, вот что такое Мокша».

Было сложно оставить надежду, что, хотя доктора и не смогли его вылечить, он всё же может избавиться от болезни своими собственными силами. Один почитатель умолял его дать шанс хотя бы единственной мысли о желательности выздоровления, и этого было бы достаточно, но он ответил почти презрительно: «У кого может быть подобная мысль!»

И другим, которые просили его просто повелеть себе выздороветь, он говорил: «Кто здесь есть, чтобы повелеть это?» «Другого», личности, которая бы могла противиться течению судьбы, больше не существовало в нём; она была тем «несуществующим страданием», от которого он избавился.

Некоторые из почитателей зывали к тому, чтобы он подумал об их собственном благополучии. «Что будет с нами без Бхагавана? Мы слишком слабы, чтобы присматривать за собой; мы зависим от его Милости во всём». И он отвечал: «Мы придаёте слишком много значения телу», ясно давая понять, что кончина тела не прервёт Милость и руководство.

В том же ключе он сказал: «Говорят, что я умираю, но я не ухожу. Куда я могу уйти? Я здесь».

Миссис Талейярган, преданная-парси, умоляла его: «Бхагаван! Отдайте эту болезнь мне! Разрешите мне понести её!» И он отвечал: «А кто дал её мне?»

И действительно, кто же её дал ему? Не был ли это яд нашей *кармы*?

Один садху из Швеции видел сон, в котором поражённая рука Бхагавана вскрылась, и он увидел там голову женщины с седыми всклокоченными волосами. Сон истолковали так, что это была карма его матери, которую он взял на себя, когда давал ей Мокшу, однако другие увидели в женщине всё человечество или даже саму Майю.

В четверг, 13-го апреля, доктор принёс Шри Бхагавану лекарство, чтобы снизить скопление жидкости в лёгких, но он отказался от него: «Нет нужды; всё будет в порядке в течение двух дней».

В ту ночь он велел служителям пойти поспать или помедитировать и оставить его одного.

В пятницу доктора и служители уже знали, что это последний день. Утром он снова сказал им уйти медитировать. Около полудня, когда ему принесли жидкую пищу, он спросил, который час, пунктуальный, как всегда, но потом добавил: «Но отныне время не имеет значения».

Деликатно выражая признательность за долгие годы работы, он сказал служителям: «В английском языке есть слово “thanks”, а мы просто говорим *сантошам* (мне очень приятно)».

Утром длинная очередь проходила мимо открытой двери, молчаливая от горя и тяжёлого предчувствия, а потом ещё раз между четырьмя и пятью часами пополудни. Измученное болезнью тело, которое они видели, съёжилось, рёбра выпирали, а кожа почернела – печальный след боли. И в то же время в эти последние дни каждый преданный получил прямой, сияющий и проникновенный взгляд узнавания, который он ощутил как прощальное излияние Милости.

В тот вечер после *даршана* преданные не стали расходиться по домам. Предчувствие удерживало их в Ашраме. На закате Шри Бхагаван сказал служителям усадить его. Они уже знали, что каждое движение, каждое прикосновение было болезненным, но он просил их не беспокоиться об этом. Он сидел, а один из служителей поддерживал его голову. Доктор хотел дать ему кислород, но махнув правой рукой, он отогнал его. В маленькой комнате было около двенадцати человек, докторов и служителей.

Двое из служителей обмахивали его, а преданные снаружи смотрели, как замороженные, через окно на движение опахал – знак того, что там ещё есть живое тело, которое можно обмахивать. Репортёр из большого американского журнала беспокойно расхаживал, чувствуя себя неловко оттого, что невольно был впечатлён происходящим, и решив для себя ничего не писать, пока не уедет из Тируваннамалая в нормальные для него условия. С ним был один французский фотожурналист¹.

Неожиданно группа преданных, сидевшая на веранде перед холлом, начала петь гимн «Аруначала-Шива» (*Акшараманамалай*). Услышав его, Шри Бхагаван открыл глаза, и они просияли. На его губах появилась улыбка неопишуемой нежности. Из наружных уголков глаз покатались слёзы блаженства. Ещё один глубокий вздох, и всё. Не было ни борьбы, ни судорог, ни каких-либо других признаков смерти: просто следующий вздох не случился.

Какое-то время люди стояли сбитые с толку. Пение продолжалось. Французский фотожурналист подошёл ко мне и спросил, в какую точно минуту это случилось. Приняв это за журналистскую бессердечность, я резко ответил, что не знаю, но потом вдруг вспомнил о неизменной вежливости Шри Бхагавана и ответил, что в точности это было в 8.47 вечера. Он рассказал, и теперь я разглядел, что он взволнован, как он шагал по дороге, ведущей к Ашраму, и именно в эту минуту через всё небо медленно проследовала огромная звезда. Её видели многие, даже в таком удалённом от Тируваннамалая месте, как Мадрас [180 км], и почувствовали, что она была вестником какого-то значительного события. Звезда ушла на северо-восток, за пик Аруначалы.

За первоначальным замешательством последовал неистовый взрыв горя. Тело в сидячей позе вынесли на веранду. Мужчины и женщины столпились вокруг перил веранды, чтобы посмотреть. Одна женщина упала в обморок. Другие громко рыдали.

¹ Это был Анри Картье-Брессон

Тело украсили гирляндами и поместили на диван в новом холле, и преданные заполнили его и сели вокруг. Ожидалось, что лицо Бхагавана в *самадхи* будет каменным, но в действительности оно оказалось настолько отмечено болью, что сжималось сердце. Лишь постепенно, в течение ночи, возвращалась к нему атмосфера непостижимого покоя.

Всю эту ночь преданные сидели в большом холле, и городские жители приходили в благоговейной тишине. Из города и обратно ходили процессии, распевавшие «Аруначала Шива». Некоторые из преданных в холле пели песни восхваления и горя; остальные сидели тихо. Что было наиболее заметным, это не горе, но царивший подспудно Покой – хотя это были люди, которые лишились того, чья Милость была самым смыслом их жизни. Уже в эту первую ночь, и ещё больше в последующие дни, стало ясно, насколько жизненными были его слова: «Я не уйду. Куда я могу уйти? Я здесь». Слово «здесь» не включает в себя никаких ограничений, но говорит о том, что представляет из себя Самость; что в Том, которое является Всеобщим, некуда идти, там нет изменений. Тем не менее, когда преданные почувствовали внутреннее Присутствие Бхагавана и когда ощутили продолжающееся Божественное Присутствие в Тируваннамалае, они стали рассматривать это как обещание, полное любви и заботы.

В эту ночь бодрствования нужно было принять решение о захоронении. Была мысль о том, чтобы похоронить тело в новом холле, но многие преданные воспротивились этой идее. Они чувствовали, что холл является приложением к Храму Матери, и таким образом получится, что храм Шри Бхагавана подчинится Храму Матери, перевернув естественный порядок вещей. На следующий день, по общему согласию, выкопали яму между старым холлом и Храмом Матери, где и похоронили тело с подобающими почестями. Тесная толпа наблюдала в безмолвном горе. Нет больше любимого лица, нет больше звука его голоса; отныне внешним знаком стал *лингам* на *самадхи* из полированного чёрного камня, символ Шивы, а внутренним – отпечатки его стоп в сердце.

18 Продолжающееся присутствие

Толпы рассеялись, и Ашрам выглядел покинутым, словно очаг, в котором потух огонь. И всё же не было того иссушённого горя и отчаяния, которые так часто следуют за уходом Духовного Учителя с земли. Продолжалась нормальная жизнь, которая была и раньше. Стало ясно, с какой заботой и состраданием Шри Бхагаван подготовил к этому своих преданных. И всё же в первые дни и недели тяжёлой утраты мало кто хотел оставаться в Тируваннамалае, а некоторые, кто и хотел бы, не могли.

Некоторые из тех, чья преданность искала выхода в деятельности, сформировали рабочую группу для управления Ашрамом. Ниранджанананда Свами согласился работать с ними, а они, в свою очередь, согласились принять его как постоянного президента Комитета. Другие сформировали группы – *сабхи* – в тех городах, где они жили, проводя регулярные встречи.

К сожалению, были и такие, кто создавал проблемы или пытался добиться известности для самого себя; такое всегда случается, когда Духовный Учитель покидает тело, но, по крайней мере, таких людей было мало, и большинство последователей не изменили себе.

Много лет назад было составлено завещание, определявшее, как должен управляться Ашрам, когда Учителя больше не будет в теле. Его принесла Шри Бхагавану группа преданных, он прочёл очень внимательно и выказал своё одобрение, после чего все они подписались как свидетели. Вкратце, завещание устанавливало, что над его могилой и могилой Матери должна проводиться *пуджа* (ритуальное почитание), семье сына Ниранджанананды Свами должна оказываться поддержка и что духовный центр в Тируваннамалае необходимо сохранять и развивать. Позднее были попытки составить иные завещания, но Шри Бхагаван никогда их не рассматривал.

Третий пункт этого завещания – это великое наследие и обязательство. Преданные вносят в это наследие свою лепту, согласно своей природе и возможностям. Есть такие, которые не делают ничего более, но лишь сидят в безмолвной медитации или просто приходят, когда обстоятельства позволяют получить утешение и излить преданность и благодарность своего сердца. Они – ученики того Учителя, который говорит: «Лекции могут развлекать людей часами, но никак не исправлять их; тишина же, в свою очередь, постоянна и приносит пользу всему человечеству». Несмотря на то, что их медитация не сравнится с потрясающим духовным безмолвием Бхагавана, она не только получает, но и передаёт его Милость и обязательно будет иметь свой результат. И если несколько человек поклоняются или медитируют вместе, эффект накапливается.

Другие речью или письмом помогают зародить интерес, который может вырасти в более глубокое понимание.

Те, кого больше привлекает внешняя активность, берут на себя ношу организационного процесса, который тоже является *садханой* и приемлем для Шри Бхагавана, только если исполняется в этом качестве – в качестве *садханы*. Они надеются со временем воздвигнуть зал для медитации. В настоящее время между храмом и старым холлом находится простое каменное *самадхи*, увенчанное *лингамом* и покрытое крышей из пальмовых листьев.¹

Везде чувствуется его Присутствие, и всё же есть разница в атмосфере. Утром и вечером перед *самадхи* проводят *параянам* (распевание Вед), как делали раньше перед ним самим, когда он был в теле. Когда преданные сидят в медитации, то всё точно так же, как если бы они сидели перед ним в холле – та же сила, то же тонкое руководство. Во время параяны у *самадхи* проводят пуджу и читают 108 имён Бхагавана (*Рамана Ашоттра*). Но в старом холле царит более мягкая, более спокойная атмосфера, дышащая интимностью его долгого пребывания. Через несколько месяцев после Махасамадхи (оставления тела) этот зал был повреждён пожаром, который нанёс урон, но, к счастью, не уничтожил его.

Есть ещё маленькая комната, где прошли его последние дни и часы. Большой портрет, который висит здесь, кажется, живёт и отзывается на преданность. Тут много предметов, которыми Шри Бхагаван пользовался или к которым прикасался – трость, сосуд для воды, павлиний веер, вращающийся книжный шкаф, множество мелких вещей. Но диван теперь пуст навсегда. В этой комнате есть что-то бесконечно трогательное, невыразимо милостивое.²

В новом холле установили статую Шри Бхагавана. Это было одним из условий завещания – что должна быть установлена статуя, но до сих пор не нашлось скульптора, который сделал бы подходящий вариант. Он должен чувствовать тайну Шри Бхагавана, вдохновляться им, ибо речь идёт не о передаче человеческих черт, а о божественной силе и красоте, которые сияли через них.

Священны не только помещения Ашрама, но и все его окрестности. Покой, который наполняет и пронизывает их – не пассивный, но живое волнение. Сам воздух благоухает его Присутствием.

На самом деле, его Присутствие не ограничивается Тируваннамалаем. И никогда не ограничивалось. Преданные, где бы они ни были, находят его Милость и поддержку, его внутреннее Присутствие, не просто таким же, но даже ещё более могущественным, чем прежде. Но и ныне, так же, как и прежде, посещение Тируваннамалая утешает душу, а пребывание там обладает красотой, которую трудно описать.

Были такие святые, которые обещали вернуться на землю, чтобы вновь вести своих преданных в жизни после жизни, но Шри Бхагаван был совершенным Джняни, в

¹ Это было в 1954. Сейчас на этом месте, над могилой Бхагавана, воздвигнут Холл *Махасамадхи*.

² Сейчас эту комнату называют "Nirvana Room" – «Комната нирваны».

котором не было такого следа эго, что мог бы указать на перерождение, и преданные понимали это. Его обетование было другим. «Я никуда не уйду. Куда я могу уйти? Я здесь». Даже не «я буду здесь», но «я здесь», ибо для Джняни нет никакого изменения, никакого времени, никакой разницы между прошлым и будущим, никакого ухода, только вечное «сейчас», в котором уравновешено всё время – универсальное, беспространственное «здесь». Он утвердил своё постоянное, непрерывное присутствие, своё непрекращающееся руководство. Давным-давно он сказал Шивапракашаму Пиллаи: «Тот, кто заслужил милость Гуру, несомненно, будет спасён и никогда не будет оставлен», и когда преданные говорили во время последней болезни, что он оставляет их, и жаловались, что они слабы и постоянно нуждаются в нём, он возражал, как уже упоминалось: «Вы придаёте слишком большое значение телу».

Они быстро обнаружили, насколько это было правдой. Более чем когда-либо он стал Внутренним Гуру. Те, кто полагался на него, теперь ощущают его руководство более действенным, более мощным. Их мысли всё больше и больше прикованы к нему. *Вичара*, ведущая к Внутреннему Гуру, стала легче и доступнее. Медитация приносит более непосредственный поток Благодати. Последствия поступков, как хороших, так и плохих, стали более сильными и наступать быстрее.

После первого шока от тяжелой утраты преданные начали возвращаться в Тируваннамалай. Его продолжающееся Присутствие ощущают не только люди, склонные к созерцанию. Один преданный, доктор Т.Н. Кришнасами, считал себя связанным со Шри Бхагаваном только личной любовью и преданностью и горестно сказал после *Махасамадхи*: «Для таких людей, как я, всё кончено». Несколько месяцев спустя, вернувшись из поездки в Тируваннамалай, он сказал: «Даже в прежние времена там никогда не было такого покоя и красоты, как сейчас». И не только созерцательные люди чувствуют продолжающееся внутреннее руководство; это непосредственный отклик на преданность.

Преданные всегда были похожи на большую семью, но теперь среди них взросло сильное чувство товарищества. Они стали встречаться в старом холле, обсуждать учение Шри Бхагавана и обмениваться воспоминаниями, проливая свет на свои переживания и высказывания Шри Бхагавана, о которых никто не чувствовал необходимости говорить ранее.

Тайна Горы Аруначалы также стала более открытой. Многие прежде не чувствовали её силы, для них она была просто горой из камней, земли и кустов, как и любая другая. Однажды госпожа Талеярхан, преданная, упомянутая в предыдущей главе, сидела на Горе со своим гостем и говорила о Шри Бхагаване. Она сказала: «Бхагаван – живой Бог, и все наши молитвы получают ответ. Таков мой опыт. Бхагаван говорит, что эта Гора – Сам Бог. Я не могу понять всего этого, но Бхагаван говорит так, поэтому я верю в это». Её друг, мусульманин, который ещё сохранял изысканные культурные традиции Персии, ответил: «Согласно нашим персидским верованиям, если сейчас пошёл бы дождь, я бы счёл это знаком». Почти сразу начался ливень, и они спустились с Горы, промокшие до нитки, и рассказали эту историю.

Но с того момента, как Дух покинул тело и яркая звезда устремилась к Горе, преданные стали более непосредственно ощущать, что это святая земля; они ощутили в ней тайну Бхагавана.

Древняя традиция гласит, что Гора Аруначала исполняет желания, и паломники шли к ней на протяжении веков с молитвами о благах; но те, кто чувствует её покой глубже, не имеют желаний, ибо путь Аруначалы – это путь Бхагавана, который освобождает человека от желаний, и это великое Свершение.

“Когда я приближаюсь, глядя на Тебя, как на имеющую форму, ты стоишь, как Гора на земле. Тот, кто ищет твою форму как бесформенную, подобен тому, кто путешествует по земле в поисках бесформенного пространства. Жить без мысли о Твоей природе – значит, потерять свою индивидуальность, подобно сахарной кукле, погружённой в океан. Когда я осознаю, кто я, что ещё (кроме Тебя) является моей личностью, о Ты, кто стоит, как возвышающаяся Гора Аруна?” (из «Восьми строф Шри Аруначале»).

Не только те, кто был здесь раньше и видел красоту Шри Бхагавана в его телесной форме, чувствуют притяжение. Тем, кто был тут и ранее, несказанно повезло, но и других тянет к Бхагавану и к Аруначале. Достаточно будет упомянуть о двух таких людях. Мисс Хоуз, прочитав книгу Пола Брантона «Поиски в тайной Индии», четырнадцать лет ждала возможности поехать. Обстоятельства сделали это возможным только после *Махасамадхи*. Она бросила работу и продала свои вещи, чтобы собрать необходимые средства. Она смогла остаться всего на несколько недель; однако, пережив благодать его Присутствия, она сказала: «Я думала, что буду разочарована, когда узнала, что он умер. Но я не была разочарована. Оно того стоило, каждое мгновение пребывания здесь. Теперь я только жду того дня, когда вернусь снова».

Возвращение – в руках Бхагавана. Ныне, как и прежде, он притягивает к себе и в Тируваннамалай тех, кого пожелает. По прошлому опыту мисс Хоуз была уверена, что ей не составит труда найти новую работу, когда она вернётся домой, но на этот раз всё было иначе. Неделя шла за неделей, но ничего подходящего не подворачивалось. Затем она услышала о хорошей вакансии и пришла на собеседование, где ей сказали, что она может получить эту работу, если захочет, но работать придётся в Индии. Таким образом, её возвращение оказалось лёгким.

Доктор Д. Д. Ачарья ушёл в отставку после долгой и успешной практики в Центральной Индии и решил посвятить вечер своей жизни духовным поискам. Он путешествовал по Индии, посещая один храм или ашрам за другим и не находя покоя, которого искал, пока не прибыл в Тируваннамалай. Он сразу же почувствовал – «вот мой дом», и устроился там в качестве ашрамского врача.

Через некоторое время, не видя никакого улучшения в себе, он впал в уныние, как многие другие до него, и стал причитать перед *самадхи*: «Зачем ты привёл меня сюда, Бхагаван, если не собираешься дать покой, который мне так нужен?»

В ту же ночь он увидел во сне Бхагавана, сидящего на своём ложе, и, подойдя, встал перед ним на колени. Шри Бхагаван взял его склонённую голову в свои руки и спросил, о чём он скорбит. Затем, в ответ на жалобу, он сказал почти так же, как говорил и при жизни: «Это неправда, что у тебя нет никакого прогресса; об этом я знаю, а не ты».

Доктор Ачарья страстно взмолился: «Но я должен достичь реализации сейчас, в этой жизни! Почему я должен ждать? Почему всё идёт так медленно?» И Шри Бхагаван рассмеялся: «Такова твоя судьба (*пранабдхакарма*)».

В этом сне у того, кто никогда в жизни не видел Шри Бхагавана, ответы были именно такими, какие Бхагаван мог бы дать при жизни. Как и прежде, ободряли не столько его слова, сколько неопишное очарование его заботы.

Придут и другие. Анандамайи Ма, известная святая Северной Индии, прибыла к *самадхи* и, отказавшись от почетного места, приготовленного для неё, сказала: «К чему вся эта суета? Я пришла отдать дань уважения своему Отцу и могу сидеть на земле вместе со всеми». Госпожа Талеярхан спросила у одной южноиндийской святой о ней и других, ещё живущих в теле, и та ответила: «Он был Солнцем, а мы – его лучи». Эта история завершена не больше, нежели история Христа завершилась на кресте. Шри Бхагаван, в действительности, принёс на землю не новую религию, но новую надежду, новый путь для тех, кто понимает и устремляется из каждой страны и религии в этот век духовной тьмы. Так было не только при жизни его тела. Тем, кто боялся, что Руководство может закончиться со смертью его тела, он кратко отвечал: «Вы придаёте слишком большое значение телу». Сейчас, как и тогда, он ведёт каждого, кто приходит к нему, и того, кто подчиняется ему, он поддерживает. Для всех тех, кто ищет его, Бхагаван здесь.

